

ISSN 2412-8562(print) ISSN 2658-7777(online) doi: 10.32603/2412-8562

ДИСКУРС Том 8. № 6/2022

DISCOURSE

Volume 8. No. 6/2022

Санкт-Петербург Издательство СПбГЭТУ «ЛЭТИ» Saint Petersburg ETU Publishing house

ДИСКУРС

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-62347 от 14.07.2015.

Подписной индекс по каталогу «Почта России» П4332.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)» (СПбГЭТУ «ЛЭТИ»).

Издается с сентября 2015 г., выходит шесть раз в год.

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ, индексируется и архивируется в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ), является членом Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ) и CrossRef

Языки: русский, английский.

Редакция журнала: 197022, Санкт-Петербург, ул. Проф. Попова, 5Ф, тел. / факс: +7 (812) 234-10-13, e-mail: discourse@etu.ru,

http://discourse.etu.ru

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

А. Ф. Иванов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

Заместитель главного редактора

Н. К. Гигаури, канд. техн. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

Ответственный секретарь

- М. Ю. Лютиков, канд. ист. наук, Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия
- Г. А. Баева, д-р филол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия
- Е. В. Боднарук, д-р филол. наук, доц., Северный (Арктический) федеральный ун-т им. М. В. Ломоносова, Архангельск, Россия
- А. О. Бороноев, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия
- С. С. Бразевич, д-р социол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия
- А. В. Волков, д-р филос. наук, проф., Петрозаводский государственный ун-т, Петрозаводск, Россия
- П. П. Дерюгин, д-р социол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия
- Д. Ю. Дорофеев, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский горный ун-т, СПб., Россия
- Ю. А. Дубовский, д-р филол. наук, проф., Пятигорский государственный ун-т, Пятигорск, Россия
- С. М. Елисеев, д-р полит. наук, проф., Ун-т при Межпарламентской ассамблее ЕврАзЭС, СПб., Россия
- В. И. Игнатьев, д-р филос. наук, проф., Новосибирский государственный технический ун-т, Новосибирск, Россия
- А. А. Изгарская, д-р филос. наук, доц., Новосибирский государственный ун-т, Новосибирск, Россия
- **Н. В. Казаринова**, канд. филос. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия
- Е. Н. Лисанюк, д-р филос. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия
- **Б. В. Марков**, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

- Т. В. Мельникова, д-р филос. наук, доц., Сибирский федеральный ун-т, Красноярск, Россия
- В. П. Милецкий, д-р полит. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия
- С. И. Росенко, д-р социол. наук, проф., Национальный государственный ун-т физической культуры, спорта и здоровья им. П. Ф. Лесгафта, СПб., Россия
- **Е. Г. Соколов**, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный
- **А. В. Солдатов**, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный морской технический ун-т, СПб., Россия
- А. Ю. Сторожук, д-р филос. наук, вед. н. с., Ин-т философии и права СО РАН, Новосибирск, Россия
- **Е. В. Строгецкая**, канд. полит. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия
- **Н. А. Трофимова**, д-р филол. наук, доц., Высшая школа экономики, СПб., Россия
- В. В. Тузов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия
- С. В. Чебанов, д-р филол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия
- С. И. Черных, д-р филос. наук, доц., Новосибирский государственный аграрный ун-т, Новосибирск, Россия
- А. А. Шумков, д-р филол. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия
- С. В. Шустова, д-р филол. наук, доц., Пермский государственный национальный исследовательский ун-т, Пермь, Россия
- В. В. Щербина, д-р социол. наук, проф., Российский государственный гуманитарный ун-т, Москва, Россия
- М. П. Яценко, д-р филос. наук, доц., Сибирский федеральный ун-т, Красноярск, Россия

Aleksey Nesteruk, Ph. D., Prof., University of Portsmouth, Portsmouth, United Kingdom

Kristina Štrkalj Despot, Ph. D., Prof., Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, Zagreb, Croatia

Mansoor Maitah, Ph. D., Prof., Czech University of Life Science Prague, Prague, Czech Republic

Randall E. Auxier, Ph. D., Prof., Southern Illinois University Carbondale, Carbondale IL., USA

Zhang Baichun, Ph. D., Prof., Beijing Normal University, Beijing, China

Цели и тематика:

Журнал «ДИСКУРС» – периодическое международное рецензируемое научное издание — представляет результаты научных исследований российских и зарубежных ученых и ориентирован на социогуманитарные проблемы развития общества. Материалы публикуются по трем направлениям, соответствующим группам научных специальностей:

- Философские науки (онтология и теория познания; этика; логика; философия науки и техники; социальная философия; философская антропология; философия культуры).
- Социологические исследования (теория, методология и история социологии; социальная структура, социальные институты и процессы; политическая социология; социология культуры; социология управления).
- Теоретическое и прикладное языкознание (германские языки; теория языка; прикладная и математическая лингвистика).

Цель журнала — создание и развитие профессиональной коммуникационной платформы для междисциплинарного диалога и дискуссий по актуальной социогуманитарной проблематике. Публикации в журнале бесплатны.

Задачи:

• публикация оригинальных результатов научных исследований по различным вопросам философского, лингвистического, культурологического

- и социологического характера, полученных широким кругом авторов как признанных ученых и специалистов, так и начинающих свой путь в профессии молодых исследователей из научных организаций России и зарубежных стран;
- осуществление коммуникации между российскими и зарубежными специалистами – философами, социологами, лингвистами, работающими в научных организациях разных ведомств;
- интеграция возможностей мультидисциплинарного подхода к гуманитарным исследованиям;
- усиление возможностей интеграции отечественных научных школ в международное научное сообщество.

Полные сведения о журнале, его редакционной политике, принятых этических стандартах, требования к подготовке статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте https://discourse.etu.ru

(co) Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License

© Оформление. СП6ГЭТУ «ЛЭТИ», 2022

DISCOURSE

The Journal is registered by Federal Service for Supervision of Communication, Information Technology and Mass Media (PI No FS77-62347 of 14.07.2015). Subscription index in "The Post of Russia" catalogue Π4332.

Founder and publisher: Saint Petersburg Electrotechnical University

Founded in 2015. Issued 6 times a year. Accepted Languages: Russian, English. The Journal is included in the list of peer-reviewed scientific publications of the Higher Attestation Commission of the Russian Federation. Indexed and archived in the Russian Science Citation Index (RSCI). It is a member of the Association of Scientific Editors and Publishers and CrossRef.

Editorial adress: Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Prof. Popov Str., St Petersburg 197022, Russia.

Tel.: +7 (812) 234-10-13, e-mail: discourse@etu.ru, http://discourse.etu.ru

THE EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Andrey F. Ivanov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Deputy Editor-in-Chief

Nina K. Gigauri, Can. of Sci. (Eng.), Assoc. Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Mikhail Yu. Lyutikov, Can. of Sci. (History), Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Galina A. Baeva, Dr. of Sci. (Philol.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Elena V. Bodnaruk, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Northern (Arctic) Federal University Named after M. V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia

Asalkhan O. Boronoev, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Svyatoslav S. Brazevich, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Aleksey V. Volkov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia

Pavel P. Deryugin, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Daniil Yu. Dorofeev, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint-Petersburg Mining University, St Petersburg, Russia

Yurii A. Dubovskiy, Dr. of Sci. (Philol.), Prof., Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia

Sergei M. Eliseev, Dr. of Sci. (Polit.), Prof., University associated with IA EAEC, St Petersburg, Russia

Vladimir I. Ignatyev, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia

Anna A. Izgarskaya, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia

Nadezhda V. Kazarinova, Can. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Elena N. Lisanyuk, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Boris V. Markov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Aim and scope: DISCOURSE The Journal is a periodical international peer $reviewed\ scientific\ publication.\ The\ Journal\ presents\ the\ results\ of\ scientific\ research$ of Russian and foreign scientists and is focused on the publication of materials on the socio-humanitarian problems of the development of society. The Journal publishes papers in three areas for the corresponding groups of scientific specialties:

- · Philosophical sciences (ontology and theory of knowledge, ethics, logic, philosophy of science and technology, social philosophy, philosophical anthropology, philosophy of culture);
- Sociological research (theory, methodology and history of sociology, social structure, social institutions and processes, political sociology, sociology of culture, management sociology):
- Theoretical and applied linguistics (Germanic languages, language theory, applied and mathematical linguistics).

The goal of the Journal is the establishment and development of a professional communication platform for interdisciplinary dialogue and discussions on actual socio-humanitarian issues within the thematic areas of the Journal. All publications in the Journal are free.

Tatyana V. Melnikova, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

Vladimir P. Miletskiy, Dr. of Sci. (Polit.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Svetlana I. Rosenko, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Lesgaft National State University of Physical Education, Sport and Health, St Petersburg, Russia

Evgeniy G. Sokolov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Alexander V. Soldatov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., State Marine Technical University, St Petersburg, Russia

Anna Yu. Storozhuk, Dr. of Sci. (Philos.), Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the RAS, Novosibirsk, Russia Elena V. Strogetskaya, Can. of Sci. (Polit.), Assoc. Prof., Saint Petersburg

Electrotechnical University, St Petersburg, Russia Nella A. Trofimova, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Higher School of Economics, St Petersburg, Russia

Victor V. Tuzov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Sergei V. Chebanov, Dr. of Sci. (Philol.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Sergei I. Chernykh, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Novosibirsk State Agrarian University, Novosibirsk, Russia

Andrei A. Shumkov, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Svetlana V. Shustova, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Perm State University, Perm, Russia

Vyacheslav V. Shcherbina, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Mikhail P. Yatsenko, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

Aleksey Nesteruk, Ph. D., Prof., University of Portsmouth, Portsmouth, United Kingdom

Kristina Štrkalj Despot, Ph. D., Prof., Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, Zagreb, Croatia

Mansoor Maitah, Ph. D., Prof., Czech University of Life Science Prague, Prague, Czech Republic

Randall E. Auxier, Ph. D., Prof., Southern Illinois University Carbondale, Carbondale IL., USA

Zhang Baichun, Ph. D., Prof., Beijing Normal University, Beijing, China

Mission of the Journal:

- · Publication of the original results of scientific research on various issues of a philosophical, linguistic, cultural and sociological nature, received by a wide range of authors – both recognized scientists and specialists, and starting their career in the profession of young researchers and scientific organizations in Russia and foreign countries.
- Communication between Russian and foreign specialists philosophers, sociologists, linguists working in scientific organizations of various departments;
- Integration of the capabilities of a multidisciplinary approach to humanitarian research:
- · Strengthening the integration of domestic scientific schools in the international scientific community.

Full information about the Journal, its editorial policies, accepted ethical standards, requirements for the preparation of papers, an archive and additional information are available at https://discourse.etu.ru

all the materials of the journal are available under a Creative Commons Attribution 4.0 License

СОДЕРЖАНИЕ

Оригинальные статьи

Φ	И	П	O		N	Φ	И	9
~		,,	v	•	u	~	,,,,,,,,,,,,,,,,,,,,,,,,,,,,,,,,,,,,,,,	74

Тузов В. В. Процесс глобализации с точки зрения синергетических закономерностей	5
Мамина Р. И., Ильина А. В. Искусственный интеллект: в поисках формализации этических оснований	
Соколов Е. Г. (Философское) паломничество на Восток с заходом на Запад. Е. А. Торчинов	31
социология	
Кильдеев М. В. Региональная «социология без социологов» в Среднем Поволжье в советский период	
Кисельникова А. А., Пашковский Е. А. Социальная поддержка как фактор повышения эффективности взаимодействия между	
врачами и пациентами	
Шутова М. В., Рочева Я. С. Веб-ресурсы в профессиональной рутинной практике врача-хирурга	85
Игнатьев В. И., Спиридонова К. И. Взаимодействие «человек — социальный робот»: через преодоление барьеров к гибридной коммуникации	101
языкознание	
Диль А. В. О Концептуализация темпоральных отношений, структурирующих эмоциональный мир человека в стихотворении Т. Мура «No — leave my heart to rest»	116
Рожков Г. А., Таратухина Ю. В., Цыганова Л. А. Этика и лингводидактика виртуального образовательного пространства:	
новые смыслы	129
Елизарьева М. А., Крячкова А. П. Роль языковой игры в политическом дискурсе германии (на примере «политической	1 // 2
пепельной среды»)	142 157
Ибрагимова Э. Ю., Шульженко Т. В., Шумков А. А. Новый взгляд на нулевое подлежащее в английском языке	
Правила представления рукописей авторами	196
CONTENTS	
Original papers	
PHILOSOPHY	
Tuzov V. V. The Process of Globalization from the Point of View of Synergetic Patterns	5
Mamina R. I., Ilina, A. V. Artificial Intelligence: in Search for Formalization of Ethical Foundations	ر 17
Sokolov E. G. (Philosophical) Pilgrimage to the East with a Visit to the West. Evgeniy A. Torchinov	
SOCIOLOGY	
Kildeyev M. V. Regional "sociology without sociologists" in the Middle Volga Region in the Soviet Period	5/
and Patients	72
Shutova M. V., Rocheva Ya. S. Web Resources in a Surgeon's Everyday Professional Routine	
Ignatyev V. I., Spiridonova K. I. "Human – Social Robot" Interaction: Through Overcoming Barriers to Hybrid Communication	
LINGUISTICS	
Diehl A. V. Conceptualization of Temporal Relationships Structuring the Emotional World of a Person in the Poem "No – leave my heart to by T. Moore"	
Rozhkov G. A., Taratuhina Yu. V., Tsyganova L. A. The Ethics of the Virtual Educational Environment, New Meanings	
Yelizaryeva M. A., Kryachkova A. P. The Role of Language Game in German Political Discourse (on Case of "Political	143
Ash Wednesday")	142
Demin G. A., Ulianitckaia L. A. English as the Lingua Franca in Europe	
Ibragimova E. J., Shulzhenko T. V., Shumkov A. A. A New Approach to the Zero Subject in English	

Философия Philosophy

Оригинальная статья УДК 141.155; 316.3 http://doi.org/10.32603/2412-8562-2022-8-6-5-16

Процесс глобализации с точки зрения синергетических закономерностей

Виктор Васильевич Тузов

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия, tuzov_1950@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-3943-1065

Введение. В статье рассматривается процесс глобализации через призму синергетики. Актуальность проблемы глобализации не требует расшифровки. Для этого достаточно просто обратиться к новостным каналам средств массовой информации. Цель работы – показать несостоятельность глобализации, продвигаемой западными странами, так как это противоречит закономерностям, которые определяют процесс самоорганизации открытых неравновесных систем.

Методология и источники. В статье применяются законы диалектики и теории самоорганизации. В качестве источников исследования использовались работы по проблемам глобалистики (И. Валлерстайн, С. П. Лапаев, И. Ф. Кефели и др.), закономерностям развития исторического процесса (С. Д. Бодрунов, В. В Тузов), а также процессов самоорганизации открытых неравновесных систем (И. Пригожин, Г. Хакен, Е. Н. Князева и С. П. Курдюмов и др.).

Результаты и обсуждение. Автор приходит к выводу, что процесс глобализации в том виде, в котором его пытаются реализовать США и их союзники, невозможен, так как это противоречит и закономерностям исторического процесса, и законам самоорганизации, которым подчиняется современный этап развития социума. Нельзя на равных условиях объединить страны с разными культурой, религией, экономическим уровнем развития, потому что системы, живущие в разном темпомире с точки зрения синергетики, сделать этого не могут. Возможно подчинение и эксплуатация, но не партнерство. Объединение всех стран вокруг одного центра противоречит и экономическим законам (поскольку исчезнет конкуренция и развитие рыночной экономики), и законам самоорганизации. Система, стремящаяся к разрастанию, содержит внутри себя свою противоположность – стремление к диссипации (рассеиванию).

Заключение. Автор статьи делает вывод о том, что глобализация в том виде, в котором она проводится странами Запада, возможна только при наличии силового принуждения, поскольку противоречит законам рыночной экономики и законам самоорганизации. Окончание силового принуждения запускает механизм диссипации, который приводит к деградации системы и ее упрощению.

Ключевые слова: глобализация, закономерности, социальная система, синергетика, исторический процесс

© Тузов В. В., 2022

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License. This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Для цитирования: Тузов В. В Процесс глобализации с точки зрения синергетических закономерностей // ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 6. С. 5–16. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-6-5-16.

Original paper

The Process of Globalization from the Point of View of Synergetic Patterns

Victor V. Tuzov

Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia, tuzov_1950@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-3943-1065

Introduction. The article examines the process of globalization through the prism of synergetics. The urgency of the problem of globalization is beyond doubt, it is enough just to turn to the news channels. The purpose of the work is to show the inconsistency of globalization promoted by Western countries, because it contradicts the laws that determine the process of self-organization of open nonequilibrium systems.

Methodology and sources. The article applies the laws of dialectics and the theory of selforganization. The research sources used works on the problems of globalism (I. Wallerstein, S.P. Lapaev, I.F. Kefeli, etc.), the laws of the development of the historical process (S.D. Bodrunov, V.V. Tuzov), the laws of the processes of self-organization of open nonequilibrium systems (I. Prigozhin, G. Haken, E.N. Knyazeva and S.P. Kurdyumov and etc.). **Results and discussion.** The author comes to the conclusion that it is impossible to realize the process of globalization in the form that the United States and its allies are trying to implement, because this contradicts both the laws of the historical process and the laws of self-organization that the modern stage of development of society obeys. It is impossible to unite countries with different cultures, religions, different economic levels of development, etc. on equal terms, because from the point of view of synergetics it is impossible for systems that exist in a different "tempworld". There may be possible subordination and exploitation, but not partnership. The unification of all countries around one center also contradicts economic laws, because competition and the development of a market economy will disappear. Moreover, it contradicts the laws of self-organization. A system striving for expansion contains within itself its opposite, which is the desire for dissipation (dispersion).

Conclusion. The author of the article concludes that globalization in the form in which it is carried out by Western countries, since it contradicts the laws of the market economy and the laws of self-organization, is possible only under pressure. The end of forceful coercion triggers the dissipation mechanism, which leads to the degradation of the system and its simplification.

Keywords: globalization, patterns, social system, synergetics, historical process

For citation: Tuzov, V.V. (2022), "The Process of Globalization from the Point of View of Synergetic Patterns", *DISCOURSE*, vol. 8, no. 6, pp. 5–16. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-6-5-16 (Russia).

Введение. Эпоха развития человеческой цивилизации, которая живет по законам самоорганизации, ярким примером чего является рыночная экономика, заканчивается. Стремление найти выход из множества проблем, которые сопутствуют этому процессу, породило движение глобализации. Чтобы понять ее механизм и перспективы, необходимо ясно представлять, что такое современная цивилизация.

Следует отметить, что эта цивилизация имеет два уровня организации. Микроуровень представлен государственными образованиями. Государства сегодня можно условно разделить на те, где их жизнедеятельность основана на самоорганизации, т. е. на конкуренции и отборе наиболее успешных участников взаимодействия как в экономике, так и в других сферах, и на те, где самоорганизация дополняется элементами организации, т. е. активным вмешательством государства в качестве регулятора тех или иных процессов. Самоорганизация действует в автоматическом режиме. Ее основой является иррациональное начало, заложенное в природные поведенческие программы людей. Организация требует рационального начала в действиях человека, в частности, наличия научных моделей тех или иных процессов. На макроуровне цивилизации, когда взаимодействуют не индивиды и отдельные их объединения, а целые государства, преимущество имеет самоорганизация, поэтому вся история человеческого общества пронизана войной как формой конкуренции. В XX в. возникают элементы организации взаимодействия государств в виде ООН, ВТО, НАТО, ЕС, БРИГС и т. д. Однако в целом этот уровень подчинен законам самоорганизации. Глобализация представляет собой не нечто новое, основанное на рациональном начале, разумной находке человеческого разума, которая обеспечит дальнейшее продвижение человечества по пути прогресса, а элемент самоорганизации, который обеспечивает конкурентные преимущества одним участникам процесса по отношению к другим. В синергетике этот процесс называется «кооперация».

Методология и источники. В качестве методологии исследования данного вопроса использовалась философская рефлексия, диалектика как теория развития, синергетика как концепция самоорганизации открытых, неравновесных систем. Поскольку главным действующим лицом, творящим историю, является человек, то для анализа причин его поведения необходимо было задействовать знания по психологии и этологии. В качестве источников исследования использовались работы по проблемам глобалистики, закономерностям развития исторического процесса, процессов самоорганизации открытых неравновесных систем.

Результаты и обсуждение. Рассмотрим разные точки зрения на то, что представляет собой современная глобализация. Она была и остается одной из наиболее важных и противоречивых как теоретических, так и практических проблем современности. Многообразие точек зрения говорит о том, что глобализация воспринимается в основном на уровне явления. Кому-то удается сформулировать феноменологические закономерности в той или иной ее области, но глубинные механизмы и законы этого процесса пока только угадываются. Многие авторы считают, что процесс глобализации носит объективный характер.

Как отмечается в Большой Российской энциклопедии «ГЛОБАЛИЗАЦИЯ (от лат. *globus* – шар) – современный этап интернационализации международных отношений, эконмических, политических и социокультурных процессов, отличающийся особой интенсивностью. Наиболее очевидные проявления Г. – консолидация единого мирового рынка, активное развитие межгосударственных финансовых, торговых и производственных связей, расширение денежных, товарных и людских потоков, ускоренная адаптация социальных структур к динамичным экономическим процессам, культурная универсализация, становление всеобщего информационного пространства на базе новейших компьютерных технологий» [1].

Такая точка зрения имеет под собой действительно объективное основание. Об общественном характере производства К. Маркс писал уже в XIX в. Объединению людей способствует развитие техники, с помощью которой стало возможно быстро перемещаться из одного места в другое, передавать и получать огромное количество информации. Однако объективные процессы, направленные на объединение человечества, наталкиваются на такие же объективные процессы, которые препятствуют этому объединению. И. Валлерстайн в своей работе «После либерализма» говорит о крахе идеи рыночной экономики, в рамках которой большинство людей не могут решить свои насущные проблемы. «При нынешнем развале преходящей словесной разменной монетой стали лозунги "рынка", навязываемые новой агрессивной когортой (западных) консервативных экспертов и политических лидеров. Поскольку, тем не менее, государственная политика, связанная с "рынком" как лозунгом, скорее затрудняет, чем облегчает людям решение стоящих перед ними проблем, во многих странах уже начало шириться недовольство правительствами, ориентирующимися на рыночные приоритеты» [2, с. 4].

В другом месте можно прочитать о том, что современные государства, ориентированные на рыночные отношения, не в состоянии разрешить существующие проблемы ни на микро-, ни на макроуровнях. «Поскольку в рамках капиталистической мироэкономики существуют (не признаваемые) встроенные ограничители "совершенствованию" государства, эта идеология достигла своих пределов (в 1968 и 1989 гг.) и утратила свою эффективность.

Мы сейчас вступаем в новую эпоху, эпоху, которую я описал бы как период дезинтеграции капиталистической мироэкономики. Все разговоры о создании "нового мирового порядка" – всего лишь пустые заклинания, которым почти никто не верит и которые, во всяком случае, маловероятно осуществить» [2, с. 154].

Проблема противоречивости глобализации на основе рыночных отношений отражается во многих работах. Так, В. В. Шляпников в своем автореферате проводит анализ точек зрения на данную проблему. «В современной западной науке, – пишет автор, – исследователи проблем политической глобализации и "размывания" государства делятся на две группы, из которых одна выступает в качестве апологетов, вторая выражает скептические настроения в отношении этого процесса.

Апологеты (К. Омаэ, Т. Фридмен, Дж. Бхагвати и др.) отмечают наступление глобальной эры, главными чертами которой выступают глобальный капитализм, управление в глобальном масштабе. При этом ослабевает и распадается мощь национальных правительств.

Если К. Омаэ, Т. Фридмен, Дж. Бхагвати представляют радикальное апологетическое направление исследователей глобализации, то Дж. Розенау, Э. Гидденс, Р. Фолк и др. – эволюционистское. Они отмечают историческую беспрецедентность современной формы глобализации, которая требует от государств и обществ постепенной адаптации к более взаимозависимому и в то же время в высшей степени нестабильному миру.

В отличие от апологетов глобализации международных отношений исследователи, выражающие к ней скептическое отношение, не только не признают благотворность этого процесса, но и не признают неизбежность его реализации. К их числу относятся П. Херст, Дж. Томпсон, Г.-П. Мартин, Х. Шуманн, П. Бьюкенен и др.

Г.-П. Мартин и Х. Шуманн, например, отмечают, что глобализация, объединяя мир, одновременно и разрушает его. Управляющие инвестиционных фондов и транснациональных корпораций с капиталом в миллиарды долларов, словно анархисты XXI столетия, парализуют национальные государства. При этом политики все более быстрыми темпами осуществляют дерегулирование, опираясь в своих действиях на финансовую и промышленную элиту. Результатом неизменно являются очередные программы жесткой экономии и массовые увольнения. Такие страны, как Бразилия, где богатые селятся в отгороженных гетто, а большинство населения ведет борьбу за существование, становятся всемирной моделью» [3, с. 5].

С. П. Лапаев отмечает: «Некоторые ученые рассматривают процесс глобализации как противоречивое явление, имеющее позитивные и негативные стороны. Часто позиции исследователей оказываются близки с определенными идейными течениями. Сторонники либеральных концепций считают, что процесс глобализации является объективным, он не лишен некоторых отрицательных сторон, но противодействие ему регрессивно. Эти исследователи указывают на необходимость развития интеграции, усиление роли таких экономических и политических структур, как ВТО, МВФ, Мировой банк и НАТО, их более активном включении в мировую экономику.

Исследователи левой ориентации рассматривают глобализацию как двоякий процесс, имеющий, с одной стороны, объективные основы в области развития производительных сил и производственных отношений, с другой стороны, определенные специфические, исторические социально-экономические формы, которые могут быть изменены. Этот подход характерен для марксистов. Его разделяют и "антиглобалисты"» [4, с. 11].

Процесс глобализации В. А. Тихонова анализирует с точки зрения культуры и отмечает ее определенные особенности: «В наши дни глобализационный процесс затрагивает культурно-ценностные основы жизни народов, обнажая глобальные противоречия на уровне конфликта цивилизаций. Торговые войны и политические конфликты на глобальном уровне сопровождаются столь же глобальными разногласиями в области культуры. Именно вызовы глобализации обостряют эти конфликты. То, что раньше воспринималось как культурное различие, теперь становится культурным конфликтом. И обострение конфликтности глобализационного процесса, на наш взгляд, определяется именно тем, что глобализация оборачивается унификацией культурно-ценностных оснований разных народов и цивилизаций» [5, с. 25].

Далее автор отмечает: «Глобализационный процесс уже обнаружил свою противоречивую природу. Тенденция к попранию достоинства не только личности, но и народов в современных условиях встречает серьезное противодействие. Уже очевидно, что в современных реалиях информационного общества игнорирование национально-культурных интересов стран и народов лишь активизирует действия сил, стоящих на защите своих культурных миров, что способствует разработке национальных и межгосударственных программ и стратегий, направленных на реальное обеспечение гуманистических идей глобализации.

Современный этап глобализации демонстрирует тупиковость проекта вестернизации. Диктат единственного субъекта объединения народов должен сменить диалог, а его реализация начинается с мира культуры» [5, с. 28]. Автор «Ноономики» С. Д. Бодрунов отмечает невозможность модернизации рыночной экономики. «В экономике, основанной на "спонтанных самоупорядочивающихся процессах", возможности сознательного вмешательства и на самом деле весьма ограничены. Но — не в силу слабости человеческого разума, как то утверждает Хайек, а в силу того, что существующая экономическая реальность складывается из множества неконтролируемых и непредсказуемых индивидуальных действий, способных поставить под вопрос любую сознательно преследуемую цель» [6, с. 249].

Далее автор пишет о том, что «до них, "генералов" и "стратегов" рынка, никак не дойдет, что рынок – это пережиток умирающего прошлого, "предыдущей" экономики, "прошлой войны", и наблюдаемые (усиливающиеся!) тенденции подобной "нерациональности" – это лишь "датчики", фиксирующие нарастающее изменение потребностных предпочтений человека и – снижения важности для него "рационально-рыночного" поведения, да и – самого рынка...» [6, с. 257–258].

Представленный в статье анализ происходящих процессов говорит о том, что, с одной стороны, экономическая глобализация объективно необходима, но, с другой стороны, она наталкивается на препятствия в рамках капиталистической экономики. Глобализация в той форме, в которой ее предлагает Запад, на уровне культуры просто не принимается народами.

Почему глобализация вызывает субъективное неприятие и противодействие несмотря на объективную основу данного процесса? На этот вопрос частично отвечает И. Ф. Кефели в работе «Социальная природа глобализма»: «Ныне глобализм предстает как процесс становления нового мирового порядка, как современный этап колонизации мира. Колониализм, т. е. передел мира в начале XX в. империалистическими державами Западной Европы, в 50-х гг. сменился неоколониализмом, который стремился поработить мир экономическими средствами. В конце XX в. новой формой колониализма предстал глобализм, который расколол мир на "золотой миллиард" и остальную часть человечества. Главным действующим лицом экономических и политических процессов глобализации являются транснациональные компании (ТНК). Их деятельность не знает национальных границ, они руководствуются интересами рынка, а не национальными идеологиями» [7, с. 88].

Проведя краткий анализ точек зрения на процесс глобализации, следует задать вопрос о том, что такое глобализация не как социальный феномен, а как сущностный процесс, процесс становления социальной системы? С этой точки зрения глобализация представляет собой часть этапа развития глобальной социальной системы, который характеризуется как этап самоорганизации.

Социальная система возникает как противоположность биотической системе – предчеловеческому стаду. Эта противоположность выражается в том, что новый тип отношений (равенство и взаимопомощь) возник как находка разума и представлял собой организацию совместной жизни людей в первобытной общине на основе культуры, которая выражалась в нравственных запретах на инстинктивное поведение. Кроме этого фактора новые отношения воспроизводились новыми поколениями на основе традиции и наличия группового сознания, в котором отсутствовало осознание своего Эго. По мере развития производительных сил развивалось и индивидуальное сознание. Это развитие выразилось в возникновении самосознания сначала у представителей системы управления, а затем и у остальных членов

сообщества. Самосознание позволило индивиду осознать себя как существо отдельное от коллектива, со своими индивидуальными потребностями. С этого момента эгоизм отдельного члена сообщества стал разрушать прежние социальные отношения равенства и начал формировать новые отношения неравенства, эксплуатации. Организация совместного бытия стала заменяться на самоорганизацию, которая осуществлялась стихийно через инстинктивное поведение людей [8]. В основе самоорганизации, с точки зрения автора данной статьи, лежит иррациональное начало, а именно «инстинкт доминирования-подчинения», стремление быть первым, лучшим. Под инстинктом понимается побудительный мотив к деятельности в определенном направлении. Именно такое понимание инстинкта можно найти у 3. Фрейда, когда он пишет о подсознании: «По отношению к Оно Я подобно всаднику, который должен обуздать превосходящую силу лошади, с той только разницей, что всадник пытается совершить это собственными силами, Я же силами заимствованными. Это сравнение может быть продолжено. Как всаднику, если он не хочет расстаться с лошадью, часто остается только вести ее туда, куда ей хочется, так и Я превращает обыкновенно волю Оно в действие, как будто бы это было его собственной волей» [9, с. 432].

Р. Фрейджер, Д. Фэйдимен этот тезис выразили следующим образом: «Ид может быть уподоблено слепому королю, который наделен абсолютной властью и полномочиями, но чьи доверенные советники, главным образом Эго, указывают ему, как и где использовать эту власть» [10, с. 11].

Самоорганизация является ответом на неспособность рационального начала в человеке обеспечить эффективную организацию совместного бытия, а также надеждой отдельного индивида на способность обеспечить себя необходимыми ресурсами эффективнее и быстрее, чем это можно сделать в коллективе. Основа самоорганизации — соревнование индивидов, конкурентная борьба за первенство в потреблении дефицитных ресурсов различными способами, в том числе и через эксплуатацию. Конкуренция отбирает наиболее жизнеспособные формы существования людей и отбирает людей, которые создают эти формы (отношения).

Самоорганизация и отбор идут на микро- и макроуровнях: один уровень (микроуровень) самоорганизации функционирует в рамках государства, другой (макроуровень) осуществляется на уровне взаимодействия государств. Отбор на макроуровне – война. Отбирались люди способные воевать и побеждать. Отбирались экономики, которые обеспечивали победу, отбирались культуры, ориентированные на формирование успешных для реализации этих целей людей. Глобализация представляет собой одну из форм самоорганизации на основе отбора.

Для того чтобы осознать степень вероятности реализации глобализации в ее нынешнем виде, необходимо обратиться к теории самоорганизации и ее законам. Это позволит понять сущность происходящих процессов и предсказать возможные сценарии развития исторических событий. Как любой инструмент, синергетическая методология требует правильного применения. Выхватывание из нее отдельных положений, не вникая в теорию самоорганизации как нечто общее, и перенос этих положений в гуманитарные науки может дать противоположные результаты [11].

Анализ процесса глобализации с позиций синергетических закономерностей показывает возможные варианты развития. С. П. Курдюмов в своем выступлении на семинаре по

синергетике на философском факультете показал графики трансформации процесса горения, который иллюстрировал закономерности процесса самоорганизации неравновесной открытой системы. На первом графике имеется множество очагов горения на среде с разной интенсивностью: есть слабые, есть несколько сильных. Сильные очаги горения становятся аттракторами, которые притягивают к себе слабые очаги, расположенные вблизи. Постепенно на среде горения возникает несколько широких очагов, но горящих не очень интенсивно. У этих графиков как бы срезаны верхние части пиков. На следующем этапе эти несколько очагов горения, которые на время «притухли», разгораются с небывалой интенсивностью. В теории можно представить, что и эти сильные очаги горения должны слиться в один очаг. Однако на практике этого не происходит.

Как реализуются эти закономерности в социальной среде? Поскольку социальная среда представляет собой неравновесную, неустойчивую и открытую систему, то ей присущи те же закономерности самоорганизации, о которых уже шла речь. Глобализация демонстрирует ни что иное, как стремление сильного аттрактора (США) объединить вокруг себя как можно больше стран и экономик. Однако на этой социальной среде помимо малых стран и экономик есть и большие, которые в своих регионах выступают в качестве аттракторов, центров притяжения. Наличие аттракторов примерно одинаковой привлекательности и силы делают их конкурентами, которые могут взаимно уничтожить друг друга, но объединение их под действием одного центра притяжения невозможно по целому ряду причин. Предположим, что такое объединение произошло – это означало бы, что рыночная экономика прекратила существование. Нет конкуренции, нет отбора, нет развития.

Если перенести эти закономерности самоорганизации на процесс глобализации, то увидим те же действия, когда множество экономик самостоятельных государств начинают объединяться вследствие международного разделения труда. Производство приобретает общественный характер. Однако при этом интересы участников этого процесса разные. Возникает борьба интересов. В этой борьбе побеждаю те, у кого больше возможностей, кто сильнее. Возникают экономические объединения на разной основе. Они начинают притягивать к себе более мелкие национальные экономики, подчиняя их своим интересам.

Синергетика описала два процесса, которые происходят на нелинейной неравновесной среде. С одной стороны, элементы среды под влиянием внешних и внутренних условий стремятся к кооперации. Кооперация делает входящие в нее элементы боле устойчивыми в конкурентной борьбе с другими элементами среды. Но, с другой стороны, в данном объединении всегда присутствует зародыш противоположного процесса — процесс диссипации, рассеивания сложной системы и превращения ее в более простую. Эти два процесса пребывают в состоянии единства противоположностей [12].

Как это происходит на уровне элементарных частиц, молекул, пусть выясняют физики и химики. На уровне социальной системы это связано с особенностями функционирования психики — с одной стороны, и экономики — с другой. Экономика порождает борьбу интересов, социальных потребностей. Психика запускает механизм борьбы за первенство в сообществе. В результате кооперация сохраняется до тех пор, пока нет условий для проявления сил диссипации, пока преимущества кооперации или сила притяжения слишком велика по сравнению с противоположной тенденцией. Кооперация предполагает наличие центра

притяжения или аттрактора. Вокруг него часть элементов кооперируются добровольно, усматривая в этом объединении выгоду, часть вовлекается аттрактором в объединение принудительно. В силу наличия этих противоположных процессов глобализация не может приобрести форму с единственным аттрактором, вокруг которого объединяется все, что есть на данной среде. Стремление западного мира во главе с США подчинить себе все страны оказывается утопией, которая противоречит законам самоорганизации. Слишком много в этом объединении несправедливости. Кроме того, рыночная экономика содержит в себе элемент разрушения этой глобализационной модели. Рынок предполагает конкуренцию, а конкуренция предполагает отбор. Если внутри объединения начинается данный процесс, то он неизбежно приведет к появлению диссипации.

Следующая закономерность, сформулированная в синергетике, показывает невозможность глобализации в масштабе всего человеческого общества.

С. П. Курдюмов, изучая режимы с обострением, пришел к выводу, что в сложных системах различной природы в режиме с обострением в сплошной среде возникают, взаимодействуют, распадаются и нелинейно эволюционируют сложные структуры. При этом существует определенный дискретный набор типов структур, которые могут возникать и развиваться в данной среде.

Каждая структура существует в своем темпомире, который отражает зависимость темпа развития структуры от ее возраста. Темп развития структуры ускоряется, продолжительность отдельных стадий процесса развития сокращается, а неустойчивость в системе нарастает. Режим с обострением завершается стадией взрывного развития, в результате которого структуры, существующие синхронно в одном темпомире, начинают взаимодействовать, объединяться в более сложную структуру. В процессе коэволюции одна структура может поглотить другую либо обе структуры могут разрушиться, послужив основой для синтеза качественно новой структуры [12, с. 11–14]. Структуры, живущие в разном темпомире, не могут объединяться по воле человека. «Динамика развития сложной структуры требует согласованного (с одним моментом обострения) развития подструктур "разного возраста" внутри нее, а это, как правило, приводит к нарушению пространственной симметрии. Включение "памяти" (элементов прошлого) означает нарушение симметрии в пространстве...

Не какие угодно структуры и не как угодно, не при любой степени связи и не на каких угодно стадиях развития могут быть объединены в сложную структуру. Существует ограниченный набор способов объединения, способов построения сложного эволюционного целого.

Чтобы возникла единая сложная структура, должна быть определенная степень перекрытия входящих в нее более простых структур. Должна быть соблюдена определенная топология, "архитектура" перекрытия. Должно быть определенное "чувство меры"» [13, с. 69].

Эта закономерность подтверждает невозможность всеобщей глобализации из-за того, что разные страны, разные экономики, разные культуры живут в разном темпомире. Даже разграничение стран по уровню развития на развивающиеся и развитые, на «золотой миллиард» и все остальные показывает наличие этой проблемы для объединения. Но если развитые страны стремятся создать такое объединение вопреки не только законам самоорганизации, но и здравому смыслу, то за этим просматривается скрытый интерес глобализации,

а именно создание новой формы колонизации и эксплуатации. Поэтому наряду с процессом глобализации функционирует и процесс антиглобализации.

Заключение. Глобализация в ее нынешнем виде как стремление стран «золотого миллиарда» сохранить свои привилегии в сфере экономики, политики противоречит как минимум закономерностям рыночной экономики, которая предполагает наличие рынка, конкуренцию между его участниками и отбор участников как средство развития экономической системы. Кроме того, поскольку рыночная экономика является самоорганизующейся системой и подчиняется закономерностям самоорганизации, политические решения, противоречащие этим закономерностям, обречены на неудачу. Человек, обладая сознанием и волей, может некоторое время создавать социальные формы по своему разумению. Так, вопреки социальным законам начали строить социализм в экономически, политически и культурно отсталой России. Это было возможно благодаря силовому принуждению со стороны государства. Но как только это принуждение ослабло, страна перестала существовать, а социализм был скомпрометирован как утопия. На самом деле его формирование было несвоевременно, о чем предупреждали К. Маркс и Ф. Энгельс. Особенно это было актуально для России. Аналогичная ситуация с глобализацией. Какое-то время через силовое принуждение со стороны США возможно объединение ряда стран вокруг этой идеи. Однако последние события показывают, что проявление неповиновения со стороны России диктату Запада стало примером для других стран. Действия стран ОПЕК по снижению добычи нефти вопреки требованию США тому подтверждение.

Глобализация предполагает устранение национальных государств с их интересами и подчинение их чему-то внешнему, как бы общему и выгодному для всех участников. Противники глобализации придерживаются противоположной идеи сохранения национальных государств с их государственными интересами. Эти два процесса соответствуют законам самоорганизации. Глобализация объединяет вокруг аттрактора всех, кто попадает в сферу его притяжения. Сторонники сохранения национальных государств демонстрирует процесс диссипации. Диссипация представляет собой одновременно разрушение старого миропорядка, т. е. хаос, а с другой стороны – поиск и создание новой формы объединения, но на иных основаниях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1. Глобализация // Большая Российская энциклопедия. URL: bigenc.ru›sociology/text/2364517 (дата обращения: 12.10.2022).
- 2. Валлерстайн И. После либерализма / пер. с англ. М. М. Гурвица, П. М. Кудюкина, П. В. Феденко; под ред. Б. Ю. Кагарлицкого. М.: Едиториал УРСС, 2003. URL: https://royallib.com/book/vallerstayn_immanuel/posle_liberalizma.html (дата обращения: 29.08.2022).
- 3. Шляпников В. В. Социально-философский анализ глобализма и антиглобализма как основных тенденций мирового развития: автореф. дис. ... канд. философ. наук / Балт. гос. техн. ун-т «Военмех» им. Д. Ф. Устинова. СПб., 2007.
- 4. Лапаев С. П. Глобализация как новая ступень развития интернационализации экономики // Вестник Оренб. гос. ун-та. 2007. № 8. С. 10–14.
- 5. Тихонова В. А. Культура в контексте противоречий глобализационного процесса // Вестник МГУКИ. 2019. № 2 (88). С. 22–29. DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10202.
 - 6. Бодрунов С. Д. Ноономика. М.: Культурная революция, 2018.

- 7. Кефели И. Ф. Социальная природа глобализма // Перспективы человека в глобализирующемся мире. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2003. С. 88–147.
- 8. Тузов В. В. Исторический процесс в свете синергетической парадигмы (субстанциальный подход). СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2011.
- 9. Фрейд 3. Психология бессознательного / науч. ред. М. Г. Ярошевский. М.: Просвещение, 1990. URL: pedlib.ru>Books/5/0137/5_0137-447.shtml (дата обращения: 29.07.2022).
- 10. Фрейджер Р., Фэйдимен Д. Теории личности и личностный рост / пер. с англ. СПб.: Прайм-Еврознак, 2004. URL: https://bookap.info/genpsy/terlich/ (дата обращения: 29.07.2022).
 - 11. Губин В. Б. О методологии лженауки. М.: ПАИМС, 2004.
- 12. Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Синергетика как новое мировидение: диалог с И. Пригожиным // Вопросы философии. 1992. № 12. С. 3-20.
- 13. Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Антропный принцип в синергетике // Вопросы философии. 1997. № 3. С. 62-79.

Информация об авторе.

Тузов Виктор Васильевич – доктор философских наук (2004), профессор кафедры философии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор более 100 научных публикаций. Сфера научных интересов: закономерности исторического процесса, теория самоорганизации, проблема устойчивости социальной системы.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось. Поступила 08.09.2022; принята после рецензирования 14.10.2022; опубликована онлайн 23.12.2022.

REFERENCES

- 1. "Globalization", Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopediya [Great Russian Encyclopedia], available at: bigenc.ru>sociology/text/2364517 (accessed 12.10.2022).
- 2. Wallerstein, I. (2003), After liberalism, Transl. by Gurvits, M.M., Kudyukin, P.M. and Fedenko, P.V., in Kagarlitskii, B.Yu. (ed.), Editorial URSS, Moscow, RUS, available at: https://royallib.com/ book/vallerstayn_immanuel/posle_liberalizma.html (accessed 29.08.2022).
- 3. Shlyapnikov, V.V. (2007), "Socio-philosophical analysis of globalism and anti-globalism as the main trends in world development", Abstract of Can. Sci. (Philosophy) dissertation, BSTU "VOENMEH" named after D.F. Ustinov, SPb., RUS.
- 4. Lapayev, S.P. (2007), "Globalization as a new step in the development of economics internationalization", Vestnik of the Orenburg State Univ., no. 8, pp. 10–14.
- 5. Tikhonova, V.A. (2019), "Culture in the context of the contradictions of the globalization process", The Bulletin of the Moscow state Univ. of culture and arts, no. 2 (88), pp. 22-29. DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10202.
 - 6. Bodrunov, S.D. (2018), Noonomika [Noonomics], Kul'turnaya revolyuciya, Moscow, RUS.
- I.F. (2003), "The social nature of globalism", Perspektivy globaliziruyushchemsya mire [Prospects for a person in a globalizing world], Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo, SPb., RUS, pp. 88-147.
- 8. Tuzov, V.V. (2011), Istoricheskii protsess v svete sinergeticheskoi paradigmy (substantsial'nyi podkhod) [Historical process in the light of the synergetic paradigm (substantial approach)], ETU Publishing house, SPb., RUS.
- 9. Freud, S. (1990), Psikhologiya bessoznatel'nogo [Psychology of the unconscious], Yaroshevskii, M.G. (ed.), Prosveshchenie, Moscow, USSR, available at: pedlib.ru>Books/5/0137/5_0137-447.shtml (accessed 29.07.2022).

- 10. Frager, R. and Fadiman, Ja. (2004), *Personality and Personal Growth*, Transl., Praim-Evroznak, SPb., RUS, available at: https://bookap.info/genpsy/terlich/ (accessed 29.07.2022).
- 11. Gubin, V.B. (2004), *O metodologii Izhenauki* [On the methodology of pseudoscience], PAIMS, Moscow, RUS.
- 12. Knyazeva, E.N. and Kurdyumov, S.P. (1992), "Synergetics as a new worldview: a dialogue with I. Prigogin", *Voprosy Filosofii*, no. 12, pp. 3–20.
- 13. Knyazeva, E.N. and Kurdyumov, S.P. (1997), "Anthropic principle in synergetics", *Voprosy Filosofii*, no. 3, pp. 62–79.

Information about the author.

Viktor V. Tuzov – Dr. Sci. (Philosophy) (2004), Professor at the Department of Philosophy, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of more than 100 scientific publications. Area of expertise: the laws of the historical process, the theory of self-organization, the problem of the stability of the social system.

No conflicts of interest related to this publication were reported. Received 08.09.2022; adopted after review 14.10.2022; published online 23.12.2022.

Оригинальная статья УДК 172:004.8 http://doi.org/10.32603/2412-8562-2022-8-6-17-30

Искусственный интеллект: в поисках формализации этических оснований

Раиса Ильинична Мамина^{1⊠}, Анна Валерьевна Ильина²

^{1,2}Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия

¹maminaraisa@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-3301-636X
²a.ilyina2045@gmail.com, https://orcid.org/0000-0003-3002-1841

Введение. В цифровую эпоху роль искусственного интеллекта (ИИ) в жизни социума во многом определяется технологическим прорывом, который произошел в области прикладного ИИ за последние два десятилетия. Однако инновации в области ИИ обозначили не только новые возможности для человека и общества в целом, но и целый ряд проблем, прежде всего социально-этического характера. В частности, проблема «moral machines» определяется мировым научным сообществом как одна из приоритетных. В статье рассматриваются вопросы создания этических инструментов, регулирующих коммуникацию человека с ИИ, достигнутые результаты, тенденции развития данной проблематики.

Методология и источники. В статье применяется методология культур-философского, аксиологического и междисциплинарного подходов. В качестве источников использованы научные исследования отечественных и зарубежных авторов, документы, публикации и сайты, посвященные современному состоянию ИИ и задачам, которые стоят перед специалистами в области этики ИИ.

Результаты и обсуждение. Актуальность проблем этики ИИ определила необходимость систематизации базовых этических понятий с целью привнесения этичности в технологию прикладного ИИ. Показано, что сегодня накоплена определенная нормативно-этическая база в области этики ИИ, однако проблема формализации этических норм остается все еще не решенной. Сложность в том, что этичность ИИ носит не смысловой, а формализованный характер.

Заключение. В настоящее время процесс формирования нормативно-этической базы ИИ находится в фокусе повышенного внимания науки и индустрии ИИ. Однако, чтобы коммуникация «человек – машина» развивалась с позиций человеко-ориентированной цифровой эпохи, решение проблем этичности ИИ дополняется созданием новых профессий в этой области и новыми требованиями к образовательным траекториям (в частности, к подготовке инженеров и разработчиков ИИ-систем), соответствующими специфике новых реалий.

Ключевые слова: цифровые технологии, прикладной ИИ, общий ИИ, этика ИИ, ценности, этические принципы, цифровая этика, коммуникация «человек – машина», новые ИИпрофессии, цифровая гуманитаристика

Для цитирования: Мамина Р. И., Ильина А. В. Искусственный интеллект: в поисках формализации этических оснований // ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 6. С. 17–30. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-6-17-30.

© Мамина Р. И., Ильина А. В., 2022

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License. This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Original paper

Artificial Intelligence: in Search for Formalization of Ethical Foundations

Raisa I. Mamina^{1⊠}, Anna V. Ilina²

^{1, 2}Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia ¹maminaraisa@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-3301-636X ²a.ilyina2045@gmail.com, https://orcid.org/0000-0003-3002-1841

Introduction. In digital age the role of artificial intelligence (AI) in society is largely determined by the technological breakthrough in the field of applied AI over the past two decades. However the implementation of AI innovations not only opens up new opportunities for individuals and society as a whole, but also raises a number of problems, primarily of a socio-ethical focus. In particular, the scientific community considers the problem of "moral machines" to be of high research priority. The article deals with the problems of ethical regulation of AI in human-machine communication, latest research results, and trends in this field.

Methodology and sources. The article is based on methodology of cultural-philosophical, axiological and interdisciplinary approaches. There were also used the following sources: scientific research of Russian and foreign authors, documents, publications and websites dedicated to the current state of AI and the tasks to be solved by specialists in the field of AI ethics.

Results and discussion. The urgency of issues in the field of AI ethics determines the need for systematization of basic ethical concepts in order to integrate ethics into applied AI. It is argued that despite the accumulation of regulatory basis in the field of AI ethics, the problem of conclusive formalization of ethical norms in this field is still unresolved. The main difficulty with the aforementioned norms lies in the fact that ethics of AI is more dependent upon formalization than upon semantics.

Conclusion. Currently, the process of establishing a regulatory framework for ethics of AI is actively discussed in industry and science. However, if we want the human-machine communication to start its development from the standpoint of a human-centric digital age, it is important not only to solve ethical problems, but also to create new professions in the field of AI ethics, as well as to introduce new approaches towards the training of engineers and developers of AI systems that meet demands of the time.

Keywords: digital technologies, applied AI, general AI, AI ethics, values, ethical principles, digital ethics, human-machine communication, new AI professions, digital humanities

For citation: Mamina, R.I. and Ilina, A.V. (2022), "Artificial Intelligence: in Search for Formalization of Ethical Foundations", *DISCOURSE*, vol. 8, no. 6, pp. 17–30. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-6-17–30 (Russia).

Введение. В условиях цифровых трансформаций технологический прогресс – это не только новые возможности, но и новые вызовы, породившие проблемы социального, психологического, этического и правового характера. При этом проблемы этики искусственного интеллекта (ИИ) определяются специалистами как ключевые проблемы современности. Главная сложность заключается в том, что этичность ИИ носит не смысловой, не ценностный, а формализованный характер. Отсюда необходимость перевода этических норм в нравственные стандарты ИИ. Решение этой проблемы, как подчеркивают специалисты

НИЦ «Курчатовский институт», включает в себя две основные задачи – создание форм представлений норм и выбор соответствующего математического аппарата для работы с этими формами [1, с. 94]. Как следствие, проблема этичности ИИ стала общим делом гуманитариев и инженерного сообщества. В рамках представленной статьи показано, что осмысление и решение проблемы формализации этики ИИ с позиций гуманитаризации технических знаний включила в себя разработку нормативно-этической базы ИИ-систем, а также формирование новых ИИ-профессий этической направленности и, соответственно, новых образовательных подходов к подготовке инженеров и разработчиков ИИ-систем, соответствующих специфике новых реалий.

Методология и источники. Представленные в работе выводы опираются на методологию культур-философского, аксиологического и междисциплинарного подходов. Проведенный анализ основывается на специальной литературе, в частности: коллективное монографическое исследование ведущих отечественных специалистов, занимающихся проблематикой ИИ «Сильный искусственный интеллект» (2021); концепция П. Доэрти и Дж. Уилсона, представленная в книге «Человек + машина. Новые принципы работы в эпоху искусственного интеллекта» (2019), аналитические доклады, разработанные под эгидой российского Центра подготовки руководителей цифровой трансформации «Этика и "цифра": этические проблемы и цифровые технологии» (2020) и «Этика и "цифра": от проблем к решениям» (2021), документы, научные публикации и сайты, посвященные современному состоянию ИИ и задачам, которые стоят перед специалистами в области этики ИИ.

Результаты и обсуждение. История современного ИИ начинается с 2010 г., когда мощность компьютеров позволила сочетать технологию больших данных (Big Data) с методами глубокого обучения (Deep Learning), которые основываются на использовании искусственных нейронных сетей. Следствием этого стали не только новые удивительные возможности прикладного ИИ, но и проблемы, с которыми столкнулись и человек, и общество в целом.

Прикладной ИИ и его проблематика. Прикладной, или слабый ИИ (Narrow AI) — это искусственный интеллект, предназначенный для решения какой-либо одной интеллектуальной задачи или их определенного множества. С его помощью решаются в основном прикладные задачи, поскольку, несмотря на использование нейронных сетей при создании ИИ-систем, речь идет о весьма упрощенном аналоге естественных нейронных сетей [2]. Слабому ИИ традиционно противопоставляется гипотетический ИИ, который американский философ Дж. Серл определил, как сильный ИИ (Strong AI).

Принято считать, что сильный ИИ будет обладать способностью мыслить, как человек, но принимать решения без участия человека. Сегодня сильный ИИ называют гипотетическим или суперинтеллектом (Artificial Super Intelligence, ASI), чтобы подчеркнуть, что он превосходит уровень интеллекта отдельного человека. Однако, поскольку до сих пор еще нет окончательного понимания, как работает естественный интеллект (ЕИ), в данное время сильный ИИ – это только абстрактное понятие, отражающее наши гипотетические представления о том, каким будет ИИ в будущем. Одна из целевых установок научного сообщества в плане дальнейшего развития проблематики ASI – это воспроизведение семантических ассоциаций между объектами и действиями в искусственных системах [2], что в реалиях Web 3.0 труднодостижимо. Предполагается, что решение этой задачи будет возможно только в условиях четвертого поколения Сети – Web 4.0 [3].

В настоящих условиях узким методам прикладного ИИ противопоставляют не сильный ИИ, а общий ИИ (Artificial General Intelligence, AGI). В частности, монография «Сильный интеллект: на подступах к сверхразуму» (2021) посвящена научным подходам к созданию полноценного сильного ИИ и потенциалу его применения. Особое внимание авторы монографии уделяют общему ИИ, который рассматривается как альтернатива узким методам ИИ и определяется без отсылки к человеческому интеллекту, как это принято в случае с сильным ИИ. «Идея общего ИИ, – пишут авторы монографии, – предполагает, что компьютеры смогут самостоятельно решать как новые узкие, так и сложные задачи, чем будут заметно отличаться от критикуемых систем ИИ» [4, с. 33]. Однако общий ИИ находится только в процессе научно-исследовательских разработок, поэтому в центре внимания специалистов остается прикладной ИИ, его возможности, его проблематика.

Применение прикладного ИИ практически во всех сферах жизнедеятельности человека при всех его удивительных возможностях породило целый ряд социальных и социально-психологических проблем, в частности — это вытеснение человека машиной из производственных процессов, исчезновение целого ряда профессий, сокращение рабочих мест, безработица; разрыв между доходами от капитала и доходами от труда в результате развития и активного применения ИИ в бизнес-процессах и др. Однако особую значимость, как подчеркивают аналитики, составляют проблемы ИИ этического и правового характера. Одной из них стало ограничение прав и свобод личности на рабочем месте, которое приняло такие формы, как цифровая экономическая экспансия, цифровая диктатура, цифровое неравенство и дискриминация, правовой нигилизм в цифровом формате.

Например, такое явление, как цифровая финансовая экспансия, детерминировано ничем иным, как потребительским комфортом предоставляемых клиентам финансовых и банковских услуг. Однако за этим комфортом за счет колоссальных возможностей технологий Від Data стоит цифровой профиль клиента. На основе получаемых сведений ИИ-системы способны составить полный аналитический портрет клиента с точки зрения рисков, структуры потребления, доходов и предпочтений. Одно из следствий – цифровая дискриминация, которая проявляется, в частности, как ограничения при приеме на работу по половому, возрастному, расовому и другим признакам. В последнее время наиболее распространенными стали ограничения по социальному статусу и доходам при выдаче банками кредитов и погашении займов и др. В итоге, такая «необъективность ИИ»/«пристрастность ИИ» получила название AI bias [5].

Повышенный интерес научного сообщества к AI bias объясняется и тем, что результаты внедрения технологий ИИ все чаще наступают на основные ценности и ценностные ориентиры современного социума. Анализ феномена AI bias позволил исследователям утверждать, что главная причина некорректности ИИ – человеческий фактор, поскольку даже самые усовершенствованные программы созданы человеком и зависят от человека, его знаний, его ценностей и нравственных ориентиров, которые он вкладывает в технологические системы. Разработка базовых этических понятий, способных привнести этичность в саму технологию, стала в настоящих условиях одной из главных тем современности.

Этика ИИ: мировые стратегии. В обсуждении этического аспекта взаимодействия «человек – машина» приняли участие, прежде всего, ученые и практики с мировым именем

(Н. Бостром, Р. Курцвейл, Г. Леонгард, Ст. Хокинг и др.), а также крупные международные корпорации (Apple, Google, Microsoft и др.). Одним из главных результатов данного дискурса стало появление ряда этических кодексов и корпоративных документов, регламентирующих коммуникацию человека с ИИ, в частности, это «Пять законов робототехники» (Google, 2016), «Десять законов для людей и ИИ» (CEO Microsoft Сати Наделлы, 2016) и др.

Однако первым международным документом нормативно-этического характера, направленным на решение проблемы регулирования отношений «человек – машина» стали «23 Азиломарских принципа искусственного интеллекта», принятые и опубликованные по итогам конференции разработчиков и исследователей в сфере ИИ (Азиломар, Калифорния, США, 2017). В частности, в разделе «Этика и ценности» среди выделенных принципов, таких как «Человеческие ценности», «Свобода и конфиденциальность», «Контроль ИИ человеком» и другие, особого внимания с позиций этики ИИ заслуживает принцип «Синхронизация ценностей», который отражает главный этический ИИ-норматив: «Системы ИИ с высокой степенью автономности должны быть разработаны таким образом, чтобы их цели и поведение были согласованы с человеческими ценностями на всем протяжении работы» [6]. В целом, Азиломарский документ призывает направить свои усилия на создание управляемого, надежного и полезного ИИ, отказаться от гонки вооружений на основе ИИ, а также подумать о безопасности разработок в области ИИ и об ответственности самих разработчиков.

Актуальность разработок в области этики ИИ в целях формализации этических норм привела к появлению и ряда других документов, среди которых особенно выделяются «Рекомендации для этически обоснованного проектирования. Концепция взаимодействия людей с искусственными интеллектом и автономными системами с приоритетом человеческих ценностей» («Глобальная инициатива» IEEE, 2017) [7]. Документ был представлен Институтом инженеров в области электротехники и электроники (IEEE), одним из основных мировых разработчиков стандартов. По оценкам специалистов, создание данного документа послужило хорошим примером того, как социальные и этические проблемы экспоненциальных технологий выносятся на общепланетарный уровень обсуждения.

Следующим важным шагом в направлении этики ИИ на международном уровне стал двухлетний проект разработки первого глобального нормативного документа об этических аспектах искусственного интеллекта, к которому приступила ЮНЕСКО в 2019 г. Главная идея – охватить все области, которые определяют развитие и применение ИИ в рамках подхода, ориентированного на человека, с целью уменьшение рисков и трудностей, связанных с ИИ, особенно с точки зрения усугубления существующего неравенства, а также последствий для прав человека. Итоговый документ «Рекомендация об этических аспектах искусственного интеллекта» был утвержден 16 ноября 2021 г. в Париже в ходе 41-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО. 193 страны, которые дали мандат для его разработки, пришли к определенному согласию относительно целей, установок и принципов этики ИИ и приняли данный исторический документ – первое глобальное соглашение по этике ИИ. По оценкам аналитиков, несмотря на ряд критических замечаний, в документе собраны практически все возможные размышления и идеи о регулировании технологий ИИ, определяется практический характер этики ИИ. В частности, в документе утверждается, что «этические принципы выступают в качестве гибкой основы для нормативной оценки, а также методи-

ческого руководства в вопросах применения технологий на основе ИИ». При этом отдельно подчеркивается, что «человеческое достоинство, благополучие человека и недопущение нанесения вреда рассматриваются как целевой ориентир, уходящий корнями в этику науки и технологии» [8].

В рамках международного сотрудничества по вопросам этики ИИ особо выделяется и такая структура, как Глобальное партнерство по ИИ (Global Partnership on Artificial Intelligence, GPAI), основанное в июне 2020 г. странами Евросоюза и еще 14 государствами (Австралия, Великобритания, Канада, Мексика, Республика Корея и др.). Глобальное партнерство позиционируется как мультистейкхолдерная международная инициатива по разработке и использованию ИИ, функционирующего на базе таких ценностей, как инклюзивность, инновации, многообразие, соблюдение прав человека, стремление к экономическому росту» [9].

Еще одним важным направлением международных стратегий в этой области является проведение тематических конференций. К крупнейшим из них относят такие, как «AI Journey», «The International Conference on Artificial Intelligence (ICOAI)», «IEEE Conference» и др. В целом, как перечисленные, так и другие, принятые международным сообществом документы, посвященные этике ИИ, деятельность GPAI и других институциональных структур, включая международные научно-исследовательские центры и лаборатории по этике ИИ, проведение специализированных конференций, форумов и других мероприятий во многом способствуют активному обсуждению этической проблематики ИИ на глобальном уровне.

Этика ИИ: национальные стратегии. В настоящее время национальные документы стратегического развития этики ИИ имеются в большинстве стран — Великобритании, Канаде, Китае, Корее, России, США, Франции и др. По результатам исследования Microsoft и РАЭК, проведенного в конце 2020 г., национальными стратегиями развития ИИ располагают более 30 стран, еще порядка 20 занимаются их разработкой. Как правило, в этих документах содержится описание подходов к развитию технологий ИИ, сохраняющих автономию и свободу воли человека, а также ориентацию на потенциальные риски применения систем ИИ. Все кодексы этики систем ИИ (КЭСИИ), как правило, постулируют, что финальные решения принимает человек, он же несет ответственность за негативные последствия [10].

Сегодня в числе наиболее обсуждаемых национальных документов по этике ИИ, имеющих в том числе и международное значение, называют китайский закон о конфиденциальности персональных данных, вступивший в силу 1 ноября 2021 г. [11] и «Билль этичности искусственного интеллекта», который был опубликован 4 октября 2022 г. на официальном сайте Белого дома [12]. Билль описывает 5 основных принципов формирования ИИ-систем, защищающих конечных пользователей от возможной дискриминации и злоупотребления персональными данными со стороны ИИ. Аналитики отмечают, что данный документ является в некотором роде повторением закона, принятого в Китае, поскольку так же, как и китайский вариант, направлен на регулирование процесса взаимодействия крупных ІТ-корпораций и пользователей их продуктов.

В рамках отечественных стратегий речь, прежде всего, идет о таком официальном документе, как «Национальные стратегии развития искусственного интеллекта на период до

2030 года» (Москва, 2019) [13], а также «Национальном кодексе этики ИИ» (Москва, 2021) [14], который построен исключительно на добровольной основе. По оценке аналитиков, оба документа в целом совпадают с Рекомендациями ЮНЕСКО. Однако есть и отличия, например, российский КЭСИИ представляет собой, прежде всего, практически применимый документ, поскольку содержит не только общие принципы, но и конкретные положения, базирующиеся на человекоориентированном и рискоориентированном подходах к пониманию перспектив развития ИИ.

Среди целого ряда других отечественных достижений в плане нацстратегий в вопросах этики ИИ следует также выделить аналитические доклады, разработанные под эгидой Центра подготовки руководителей цифровой трансформации: «Этика и "цифра": этические проблемы и цифровые технологии» (2020) [15] и «Этика и "цифра": от проблем к решениям» (2021) [16]. Основная цель первого доклада — обозначить этические проблемы, которые имеют большое значение для цифрового общества, а также представить подходы для их решения. В связи с тем, что цифровая этика только формируется как в России, так и в мире, в докладе речь идет только о подходах, а не о готовых решениях. Во втором докладе происходит переход к поиску вариантов для решения этических дилемм, а также изучению роли этики для цифровой трансформации социума.

Весомый вклад в развитие отечественных национальных стратегий в области этики ИИ вносят научно-исследовательские центры (НИЦ). Например, среди центральных направлений одного из крупнейших научных центров России НИЦ «Курчатовский институт» – создание нового поколения ИИ, в котором используются биоподобные технологии, основанные на принципах импульсных архитектур [2], что в будущем, хотя и весьма отдаленном, предполагает возможность самообучения и эмоционально-осмысленного поведения ИИ. Современные ИИ-системы – это не самообучаемые системы, для их обучения, как уже отмечалось, используются специально подготовленные данные. Сегодня к этим данным должны добавиться «нравственные стандарты» ИИ, в разработке которых активное участие принимают ученые НИЦ [1]. Большие надежды, включая новые решения в области этики ИИ, возлагаются и на новый Национальный центр развития искусственного интеллекта, открытый по инициативе Правительства страны на площадке Высшей школы экономики (НИУ ВШЭ).

Таковы некоторые основные достижения в создании нормативно-этической базы этики ИИ, которая предполагает «мягкое» регулирование проблемных зон этического характера и находится в фокусе повышенного внимания научного сообщества на международном и национальном уровнях. Вектор этой направленности, как подчеркивают специалисты, позволяет говорить о том, что мы входим в новую фазу наставничества по отношению к ИИ, которое рассматривает развитие и применение ИИ в рамках подхода, ориентированного на человека, его безопасность, достоинство и свободу. В качестве одной из важных форм такого нового наставничества можно рассматривать и создание новых профессий в области этики ИИ.

Этика ИИ: новые профессии. Разработка этических стандартов напрямую связана с созданием новых профессий в области этики ИИ. В контексте зарубежных и отечественных разработок в этой сфере высокую оценку специалистов получила концепция, разработанная руководителями компании Ассепture П. Доэрти и Дж. Уилсоном и представленная в их

совместной книге «Человек + машина. Новые принципы работы в эпоху искусственного интеллекта» [17].

Специфика концепции заключается в том, что, авторы книги, помимо видов деятельности, доступных только человеку, и видов деятельности, доступных только машине, выделяют и анализируют смешанные виды деятельности человека и машины, которую П. Доэрти и Дж. Уилсон называют «недостающей серединой». При этом они объясняют: «недостающей», потому что «практически никто не говорит и лишь немногие работают над тем, чтобы заполнить эту лакуну» [17, с. 36]. В рамках «недостающей середины» люди разрабатывают, обучают ИИ-приложения и управляют ими, в свою очередь машины расширяют возможности человека и сотрудничают с ним, что позволяет прийти к результатам, которые раньше считались недостижимыми. Основная идея смены парадигмы ИИ, согласно П. Доэрти и Дж. Уилсону, заключается в трансформации управления персоналом и бизнес-процессами компании, базирующейся на понимании того, что люди и машины – это партнеры, а не противоборствующие стороны. В эпоху искусственного интеллекта, как особо подчеркивают авторы, только такой подход, где человек и машина – команда, гарантирует компаниям лидерство в своей отрасли, а значит и процветание.

В этой связи отмечается, что системы ИИ высокого уровня сложности требуют привлечения специалистов в области бизнеса и технологий, которые должны заниматься обучением, разъяснением и обеспечением устойчивости систем ИИ. При этом в рамках каждого из указанных направлений речь идет о совершенно новых профессиях и функциях, требующих новых этически обусловленных навыков, в которых еще никогда не возникала потребность. В частности, в рамках направления «обучение» – речь идет об обучении ИИ умению взаимодействовать с людьми и этичности поведения, отсюда потребность в таких новых профессиях, как специалист по обучению эмпатии, специалист по обучению личностным качествам, специалист по обучению мировоззрению и локализации и др. [17, с. 151–159].

Так, например, специалист по обучению эмпатии, согласно авторам концепции, — это человек, который учит системы ИИ демонстрировать сочувствие во взаимоотношениях с людьми. Главная цель — добиться того, чтобы система обсуждала с человеком проблему или сложную ситуацию, в которую он попал, и проявляла сочувствие, сострадание или даже юмор, т. е. необходимую эмоциональную поддержку. В качестве конкретного примера такого поведения Доэрти и Уилсон приводят стартап Коко, который разработал систему машинного обучения, призванную помочь таким чат-ботам, как Siri компании Apple и Alexa компании Amazon реагировать на вопросы пользователей с сочувствием и пониманием. Предполагается, что со временем благодаря потенциалу, заложенному в современных системах ИИ, данный алгоритм Коко поможет ботам Siri и Alexa оказывать серьезную эмоциональную поддержку людям, которые в ней нуждаются [17, с. 153–154].

Помимо новых этически обусловленных ИИ-профессий, применительно к смешанным видам деятельности П. Доэрти и Дж. Уилсон вводят также понятие «интегрированные компетенции» и предлагают 8 таких компетенций. Среди них особое внимание вызывают компетенции взаимное обучение и неустанное переосмысление. Например, суть навыка «взаимное обучение» заключается в том, что «в эпоху слияния человека и машины: одна из самых важных характеристик, будь то человек или машины — не просто обладать необходимыми

навыками, а уметь учиться» [17, с. 254–255]. «Неустанное переосмысление» рассматривается как базовый навык, который служит основой для всех других: «Именно способность к переосмыслению позволяет людям легче адаптироваться к меняющему миру, в котором передовые технологии и искусственный интеллект непрерывно преобразуют рабочие процессы, бизнес-модели и целые отрасли» [17, с. 257].

Однако следует отметить, что концепция П. Доэрти и Дж. Уилсона имеет прогностический характер, поэтому открывает широкие возможности для обсуждения, рекомендаций, предложений, замечаний в целях ее совершенствования.

В рамках такого обсуждения обратимся еще раз к содержательным характеристикам профессии «специалист по обучению эмпатии», представленной в направлении «обучение систем ИИ». Авторы концепции считают, что такому специалисту не обязательно обладать традиционным дипломом о высшем образовании, поскольку людей, наделенных от природы состраданием, можно обучить необходимым навыкам в рамках корпоративной программы профессиональной подготовки специалиста по психологии [17]. Однако в настоящих условиях такого уровня подготовки уже недостаточно для новых профессий, тем более что в концепции речь идет о взаимном обучении и совместном создании ценностей в процессе взаимодействия машин и обучающих их людей. Такое взаимное создание ценностей предполагает и необходимое понимание механизма работы создаваемого алгоритма, и владение не только корпоративной системой ценностных установок, но и более широкими и глубокими познаниями в этой области.

Или, например, описание профессии «менеджер по соблюдению этических норм», представленной в направлении «обеспечение устойчивости систем ИИ». Доэрти и Уилсон, в частности, считают, что в случаях предвзятого поведения ИИ специалист по этике в сотрудничестве с экспертом по алгоритмам должен раскрыть причины такого поведения и принять надлежащие меры по их устранению [17]. Представляется, что на сегодняшний день такой рабочий союз специалиста по этике с экспертом по алгоритмам более чем актуален, но в перспективе речь должна идти все-таки о специалистах, обладающих профессиональными, сквозными междисциплинарными, IT- и гуманитарными компетенциями, в частности, в области этики ИИ.

Таковы некоторые из возражений авторов данной статьи в рамках обсуждения особенностей отдельных новых профессий, предлагаемых Доэрти и Уилсоном. Однако, подчеркнем еще раз, что разработанная ими новая парадигма «человек + машина – это партнеры» оценивается аналитиками как особо значимая заслуга, отразившая вызовы времени.

Ценности и этика ИИ. Необходимым фоном нормативно-этических документов, этических кодексов, а также новых ИИ-профессий в коммуникации «человек — машина» выступает главный мировоззренческий вопрос, который беспокоит специалистов и всю прогрессивную общественность: «Какие ценности мы хотим передать машинам?».

Традиционные ценности как основополагающие регулятивы в практиках реального бытия социума всегда определяли этические принципы, смыслы которых конкретизировались в поведенческих актах и практиках человеческого общежития. В условиях новых реалий произошла определенная девальвация целого ряда ценностей и ценностных ориентиров, что, в первую очередь, коснулось поколения Z. По свидетельству аналитиков, значительное

отличие зетов даже от предшествующего поколения Y, заключается в том, что новое поколение не видит различий между виртуальным и реальным [18, с. 81]. Изменение шкалы ценностных координат и особая направленность на себя, обусловленные цифровым технологическим детерминизмом, определили свободу как главную поведенческую ценность поколения Z в реальных и виртуальных практиках его бытия и стремления к самореализации. В новой реальности тема воспитания и образования молодого поколения приобретает особые смыслы и значения для прогрессивного развития современного социума. Сложившаяся ситуация требует аудита и синхронизации традиционных ценностей и ценностей цифровой эпохи как детерминирующих оснований, на которых выстраивается вся архитектура этических принципов, норм и правил, регулирующих отношения и поведение людей на всех уровнях коммуникативного взаимодействия в условиях цифрового общества. При этом, чтобы поведение ИИ было этичным по отношению к человеку в коммуникации с ИИ, как уже отмечалось, специалисты говорят о необходимости перевести этические принципы в базовые этические понятия, усваиваемые машинами, поскольку этичность ИИ носит не смысловой, а формализованный характер.

К настоящему времени уже разработаны специальные модели, предназначенные для распознавания эмоций, системы компьютерного зрения, обработки естественного языка, анализа данных (машинного обучения), обработки символьной информации (рассуждений на основе знаний) и т. д. Существует также обширный математический инструментарий, который уже используется для формализации понятий этики [1]. Однако эксперты считают, что проблема формализации этических норм остается все еще не решенной, поскольку тесно связана и с более общей задачей, а именно – с формализацией гуманитарного знания. Фактически объективируется роль и значение цифрового гуманитарного знания (е-Humanities/ Digital Humanities или DH), которое оценивается специалистами не как замена или отказ от традиционных гуманитарных запросов, а как естественное продолжение и расширение традиционной сферы гуманитарного знания, базирующегося на информационной методологии и новой «междициплинарности» [19, с. 10].

Целевые установки е-Нитапітіев направлены на взаимодействие техногенных и гуманитарных ценностей и идеалов с позиций неотделимости духовной составляющей современного социума от его технологической и материальной составляющих. При этом цифровые гуманитарные науки не являются новой наукой, а представляют собой междисциплинарное направление социально-гуманитарных наук, основанное на применении цифровых технологий, выполняющих инструментальную роль в достижении целей каждого конкретного гуманитарного знания [20]. Применительно к ИИ речь идет, в частности, о цифровой этике и цифровом этикете как относительно самостоятельных предметных знаниях DH, детерминированных ценностями и идеалами информационного общества и включающих в себя интерфейсы «человек – человек» и «человек – машина». Однако, представляя собой синергетический эффект объединения гуманитарных и технологических наук, DH в настоящее время находится в стадии своего становления, включая цифровую этику и цифровой этикет, а это еще одна большая тема, которая напрямую связана с обучением машины взаимодействию с человеком.

Проведенный анализ в целом показал, что решение проблемы этичности искусственного интеллекта обусловило необходимость формирования нормативно-этической базы ИИ

как процесса создания этических инструментов «мягкого» регулирования проблемных зон этического характера. Создание таких инструментов является причиной и следствием разработки новых этически обусловленных ИИ-профессий, их специфики, содержания и функционала, а также новых образовательных траекторий: в частности, оформление цифровой этики и цифрового этикета как предметных знаний DH, базирующихся на ценностях и иделах современного социума, а также совершенствование образовательной системы, ориентированной в том числе на новые подходы к получению знаний при подготовке ИИ-специалистов, соответствующие вызовам времени. В этой связи представляется весьма актуальным обращение к STEM — первой образовательной модели мирового значения, которая реализует обеспечение сквозного взаимодействия между прикладными задачами, фундаментальными исследованиями и системой образования, но уже в ее третьей, новой модификации — к модели i-STEAM образования, разработанной в Израиле. Новая модель включила в себя не только гуманитарную компоненту (STEAM), но и инновационную (i-STEAM), что отражает запросы цифровой цивилизации [21].

Заключение. Развитие цифровых коммуникаций, в частности коммуникации «человек – машина», с позиций человекоориентированной цифровой эпохи (Human-centric Digital Age) напрямую зависит как непосредственно от личности самого человека, его воспитания, образования, системы его ценностных установок, идеалов, которые он несет с собой в мир ИИ, так и от безусловного понимании на уровне всего социума, что взаимодействие человека и машины должно развиваться исключительно на принципах партнерства как необходимого условия его прогрессивного развития. Однако речь идет о том, что принципам партнерства должны обучаться не только машины, но и сам человек, вступающий в диалог с машиной, в первую очередь это касается инженеров и разработчиков ИИ.

Если, как подчеркивают специалисты, видеть в этичности ИИ как конкурентные преимущества, так и важные цивилизационные смыслы, мы сможем не только выстроить партнерские отношения с ним, но и отказаться от страха перед восстанием машин. «Четвертая промышленная революция, – пишет Карл Шваб, известный немецкий экономист, создатель и руководитель ежегодного Всемирного экономического форума в Давосе, – обладает потенциалом роботизировать человечество и поставить под угрозу наши традиционные источники смыслов, таких как работа, общество, семья, личность. В наших силах не допустить развитие такого сценария, а использовать четвертую промышленную революцию для движения человечества вверх к новому коллективному и моральному сознанию, основанному на едином представлении о судьбе. Всем нам надлежит постараться, чтобы произошло именно так» [22, с. 24].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1. Карпов В. Э., Готовцев П. М., Ройзензон Г. В. К вопросу об этике и системах искусственного интеллекта // Философия и общество. 2018. № 2 (87). С. 84–105. DOI: 10.30884/jfio/2018.02.07.
- 2. Лескова Н. Л. Искусственный интеллект обучит себя сам // В мире науки. 2019. № 11. C. 92–97.
- 3. Almeida F. L. Concept and Dimensions of Web 4.0 // International journal of computers & technology. 2017. Vol. 16 (7). P. 7040–7046. DOI: https://doi.org/10.24297/ijct.v16i7.6446.
- 4. Сильный искусственный интеллект: на подступах к сверхразуму / М. С. Бурцев, О. Л. Бухвалов, А. А. Ведяхин и др. М.: Интеллектуальная литература, 2021.

- 5. Bias and discrimination in AI: a cross-disciplinary perspective / X. Ferrer, T. van Nuenen, J. M. Such et al. // IEEE Technology and Society Magazine. 2021. Vol. 40 (2). P. 72–80. DOI: 10.1109/MTS.2021.3056293.
- 6. Al Principles: Open Letter // Future of Life Institute. URL: https://futureoflife.org/ai-principles/ (дата обращения: 13.08.2022).
- 7. The IEEE Global Initiative on Ethics of Autonomous and Intelligent Systems // Institute of Electrical and Electronics Engineers. URL: http://standards.ieee.org/develop/indconn/ec/autonomous_systems.html (дата обращения: 23.09.2022).
- 8. Рекомендация об этических аспектах искусственного интеллекта. 2021 // ЮНЕСКО. URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000380455 rus (дата обращения: 17.10.2022).
- 9. About GPAI // The Global Partnership on Artificial Intelligence. URL: https://gpai.ai/about/ (дата обращения: 09.10.2022).
- 10. Плуготаренко С. А. Зачем нужны кодексы этики для искусственного интеллекта // Инвест-форсайт. 15.11.2021. URL: https://www.if24.ru/etika-dlya-ai/ (дата обращения: 18.10.2022).
- 11. Translation: Personal Information Protection Law of the People's Republic of China // DigiChina. URL: https://digichina.stanford.edu/work/translation-personal-information-protection-law-of-the-peoples-republic-of-china-effective-nov-1-2021/ (дата обращения: 19.10.2022).
- 12. Blueprint for an AI Bill of Rights: A Vision for Protecting Our Civil Rights in the Algorithmic Age // The White House. URL: https://www.whitehouse.gov/ostp/news-updates/2022/10/04/blueprint-for-an-ai-bill-of-rightsa-vision-for-protecting-our-civil-rights-in-the-algorithmic-age/ (дата обращения: 19.10.2022).
- 13. Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 г. // Гарант.ру. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72738946/#1000 (дата обращения: 15.10.2022).
- 14. Кодекс этики в сфере ИИ // Альянс в сфере искусственного интеллекта. URL: https://a-ai.ru/ethics/index.html (дата обращения: 15.10.2022).
- 15. Ткачева К. А., Шепелева О. С. Этика и «цифра»: этические проблемы цифровых технологий. М.: РАНХиГС, 2020.
- 16. Этика и «цифра»: от проблем к решениям / под ред. Е. Г. Потаповой, М. С. Шклярук. М.: РАНХиГС, 2021.
- 17. Доэрти П., Уилсон Дж. Человек + машина. Новые принципы работы в эпоху искусственного интеллекта / пер. О. Сивченко, Н. Яцюк. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2019.
- 18. Стиллман Д., Стиллман И. Поколение Z на работе. Как его понять и найти с ним общий язык / пер. с англ. Ю. Кондукова. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2018.
- 19. Можаева Г. В. Digital Humanities: цифровой поворот в гуманитарных науках // Гуманитарная информатика. 2015. Вып. 9. С. 8–23. DOI: 10.17223/23046082/9/1.
- 20. Мамина Р. И., Елькина Е. E. Digital Humanities: новая наука или конвергентные модели и практики глобального сетевого проекта? // ДИСКУРС. 2020. Т. 6, № 4. С. 22–38. DOI: https://doi.org/10.32603/2412-8562-2020-6-4-22-38.
- 21. Международный опыт развития предпринимательского и STEAM-образования в странах ОЭСР и в мире: аналитический отчет / Б. А. Газдиева, А. А. Ахметжанова, Ж. О. Сагындыкова и др. Кокшетау: Изд-во КГУ им. Ш. Уалиханова, 2018.
- 22. Шваб К., Девис Н. Технологии четвертой промышленной революции / пер. с англ. К. Ахметова, А. Врублевского, В. Карпюка, А. Козлова. М.: Бомбора, 2018.

Информация об авторах.

Мамина Раиса Ильинична – доктор философских наук (2007), профессор кафедры философии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург,

197022, Россия. Автор более 100 научных публикаций. Сфера научных интересов: аксиосфера современного социума, коммуникативные практики, кросскультурное сотрудничество, цифровые коммуникации, цифровой этикет, цифровая самопрезентация, инновационные образовательные траектории.

Ильина Анна Валерьевна – аспирант кафедры философии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор 2 научных публикаций. Сфера научных интересов: этика искусственного интеллекта.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось. Поступила 14.10.2022; принята после рецензирования 11.11.2022; опубликована онлайн 23.12.2022.

REFERENCES

- 1. Karpov, V.E., Gotovtsev, P.M. and Roizenzon, G.V. (2018), "On the issue of ethics and artificial intelligence systems", *Philosophy and Society*, no. 2 (87), pp. 84–105. DOI: 10.30884/jfio/2018.02.07.
 - 2. Leskova, N.L. (2019),"Artificial intelligence will learn by itself", V mire nauki, no. 11, pp. 92–97.
- 3. Almeida, F.L. (2017), "Concept and Dimensions of Web 4.0", *International J. of computers & technology*, vol. 16 (7), pp. 7040–7046. DOI: https://doi.org/10.24297/ijct.v16i7.6446.
- 4. Burtsev, M.S., Bukhvalov, O.L., Vedyakhin, A.A. et al. (2021), *Sil'nyi iskusstvennyi intellekt: na podstupakh k sverkhrazumu* [Strong artificial intelligence: approaching the superintelligence], Intellektual'naya literatura, Moscow, RUS.
- 5. Ferrer, X., van Nuenen, T., Such, J.M., Coté, M. and Criado, N. (2021), "Bias and discrimination in Al: a cross-disciplinary perspective", *IEEE Technology and Society Magazine*, vol. 40 (2), pp. 72–80. DOI: 10.1109/MTS.2021.3056293.
- 6. "Al Principles: Open Letter" (2017), *Future of Life Institute*, available at: https://futureoflife.org/ai-principles/ (accessed 13.08.2022).
- 7. "The IEEE Global Initiative on Ethics of Autonomous and Intelligent Systems" (2022), *Institute of Electrical and Electronics Engineers*, available at: http://standards.ieee.org/develop/indconn/ec/autonomous_systems.html (accessed 23.09.2022).
- 8. "Recommendation on the ethics of artificial intelligence" (2021), *UNESCO*, available at: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000380455 (accessed 17.10.2022).
- 9. "About GPAI", *The Global Partnership on Artificial Intelligence*, available at: https://gpai.ai/about/(accessed 09.10.2022).
- 10. Plugotarenko, S.A. (2021), "Why do we need codes of ethics for artificial intelligence", *Invest-Forsait*, available at: https://www.if24.ru/etika-dlya-ai/ (accessed 18.10.2022).
- 11. "Translation: Personal Information Protection Law of the People's Republic of China" (2021), *DigiChina*, available at: https://digichina.stanford.edu/work/translation-personal-information-protection-law-of-the-peoples-republic-of-china-effective-nov-1-2021/ (accessed 19.10.2022).
- 12. "Blueprint for an Al Bill of Rights: A Vision for Protecting Our Civil Rights in the Algorithmic Age" (2022), *The White House*, available at: https://www.whitehouse.gov/ostp/news-updates/2022/10/04/blueprint-for-an-ai-bill-of-rightsa-vision-for-protecting-our-civil-rights-in-the-algorithmic-age/(accessed 19.10.2022).
- 13. "National strategy for the development of artificial intelligence for the period up to 2030" (2019), *Garant.ru*, available at: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72738946/#1000 (accessed 15.10.2022).
- 14. "Al Ethics Code", *Al Alliance Russia*, available at: https://a-ai.ru/ethics/index-en.html (accessed 15.10.2022).
- 15. Tkacheva, K.A. and Shepeleva, O.S. (2020), *Etika i "tsifra": eticheskie problemy tsifrovykh tekhnologii* [Ethics and digital: ethical is-sues of digital technologies], RANHiGS, Moscow, RUS.

- 16. Etika i "tsifra": ot problem k resheniyam [Ethics and digital: from problems to solutions] (2021), in Potapova, E.G. and Shklyaruk, M.S. (eds.), RANHiGS, Moscow, RUS.
- 17. Daugherty, P. and Wilson, J. (2019), *Human + Machine: Reimagining Work in the Age of AI*, Transl. by Sivchenko, O. and Yatsyuk, N., Mann, Ivanov i Ferber, Mocow, RUS.
- 18. Stillman, D., Stillman, I. (2018), Gen Z @ Work: How the Next Generation Is Trans-forming the Workplace, Transl. by Kondukov, Yu., Mann, Ivanov i Ferber, Moscow, RUS.
- 19. Mozhaeva, G.V. (2015), "Digital humanities: digital turn in the humanities", *Humanitarian informatics*, no. 9, pp. 8–23. DOI: 10.17223/23046082/9/1.
- 20. Mamina, R.I. and Yelkina, E.E. (2020), "Digital Humanities: Is it a New Science or a Set of Models and Practices of the Global Network Project?", *DISCOURSE*, vol. 6, iss. 4, pp. 22–38. DOI: https://doi.org/10.32603/2412-8562-2020-6-4-22-38.
- 21. Gazdieva, B.A., Akhmetzhanova, A.A., Sagyndykova, Zh.O. et al. (2018), *Mezhdunarodnyi opyt razvitiya predprinimatel'skogo i STEAM-obrazovaniya v stranakh OESR i v mire: analiticheskii otchet* [International experience in the development of entrepreneurial and STEAM education in OECD countries and in the world: analytical report], Izd-vo KGU im. Sh. Ualikhanova, Kokshetau, KAZ.
- 22. Schwab, K. and Davis, N. (2018), *Shaping the Fourth Industrial Revolution*, Transl. by Akhmetov, K., Vrublevskii, A., Karpyuk, V. and Kozlov, A., Bombora, Moscow, RUS.

Information about the authors.

- *Raisa I. Mamina* Dr. Sci. (Philosophy) (2007), Professor at the Department of Philosophy, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author more than 100 scientific publications. Area of expertise: axiosphere of modern society, communication practices, cross-cultural cooperation, digital communications, digital etiquette, digital self-presentation, innovative educational trajectories.
- Anna V. Ilina Postgraduate at the Department of Philosophy, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author 2 scientific publications. Area of expertise: ethics of artificial intelligence.

No conflicts of interest related to this publication were reported. Received 14.10.2022; adopted after review 11.11.2022; published online 23.12.2022.

Оригинальная статья УДК 101.1 http://doi.org/10.32603/2412-8562-2022-8-6-31-56

(Философское) паломничество на Восток с заходом на Запад. Е. А. Торчинов

Евгений Георгиевич Соколов

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, egslov@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-9843-8371

Введение. Статья посвящена рассмотрению условий и возможности позитивного исследования философии Востока. Мировой, и отечественный в том числе, опыт интерпретации текстов восточных мыслителей опирался на те познавательные методологические стратегии, которые сформировались в русле классического востоковедения и носят ярко выраженный филологический, исторический или страноведческий характер. Это формировало лишь искаженное представление о философском наследии народов Востока. Подобный подход давал основание квалифицировать анализируемые тексты либо как философскую предысторию, либо вообще как нефилософию. Поэтому целями статьи являются, во-первых, выяснение причин, по которым адекватное восприятия сущностных и конститутивных параметров философии Востока затруднено, во-вторых, прояснение тех эпистемологических априори, в пределах которых философский Восток проявится во всей полноте своих откровений.

Методология и источники. Полученные результаты исследования опирались: 1) на работы по истории отечественного востоковедения; 2) классические китайские (даосские и буддистские) тексты; 3) труды Е. А. Торчинова, послужившие методологическим ориентиром при написании статьи. Также внимание уделено прояснению тех необходимых «условий возможности», которые могут послужить некой методологической базовой предустановкой, исходя из которой формируется конкретный инструментальный набор, используемый при философской аналитике конкретных текстов или текстовых массивов.

Результаты и обсуждение. В качестве примера удачного опыта философской интерпретации текстов восточных (в частности, китайских) мыслителей рассматривается наследие Е. А. Торчинова. Труды петербургского ученого можно разделить на несколько групп, объединение которых позволило создать условный макет системных целостностей – это аналитики: 1) текста; 2) теории и практики; 3) целостных конструкций; 4) доктрины, исторически проявляемой в многообразии форм; и 5) результатов, т. е. презентации собственных текстов, «стилистически» аутентичных автохтонному материалу.

Заключение. Философия Востока – на сегодняшний день почти полностью закрытый для нас континент. Пренебрежение к исследованию Востока, свойственное отечественной науке, во многом воспроизводит ситуацию, сложившуюся в гуманитарном знании. Одной из причин является эпистемологическая предустановка, определенная настроенность нашего познавательного аппарата. Удачным примером исследования восточной философии, адекватного объекту, могут служить работы Е. А. Торчинова.

© Соколов Е. Г., 2022

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License. This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ключевые слова: востоковедение, религиоведение, восточная философия, Е. А. Торчинов, опыты познания и интерпретации

Финансирование: работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ (проект № 20-011-00144 «Теоретическое наследие философии в Ленинграде–Петербурге. Вторая половина XX века»).

Для цитирования: Соколов Е. Г. (Философское) паломничество на Восток с заходом на Запад. Е. А. Торчинов // ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 6. С. 31–56. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-6-31-56.

Original paper

(Philosophical) Pilgrimage to the East with a Visit to the West. Evgeniy A. Torchinov

Evgeniy G. Sokolov

Saint Petersburg State University, St Petersburg, Russia, egslov@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-9843-8371

Introduction. The article is devoted to the consideration of the conditions and possibilities of a positive study of the philosophy of the East. The world and domestic experience in interpreting the texts of Eastern thinkers was based on those cognitive methodological strategies that were formed in the mainstream of classical Oriental studies and have a pronounced philological, historical or regional character. This formed only a distorted view of the philosophical heritage of the peoples of the East. Such an approach gave grounds to classify the analyzed texts either as philosophical prehistory, or as non-philosophy in general. Therefore, the objectives of the article are, firstly, to clarify the reasons why an adequate perception of the essential and constitutive parameters of the philosophy of the East is difficult. Secondly, the clarification of those epistemological a priori, within which the philosophical East will manifest itself in the fullness of its revelations.

Methodology and sources. The obtained research results were based on 1) works on the history of Russian Oriental studies; 2) classical Chinese (Taoist and Buddhist) texts; 3) the works of E.A. Torchinov, which served as a methodological guide for the article. The author also paid attention to clarifying those necessary "conditions of possibility" that can serve as a kind of methodological basic preset. Based on it, a specific toolset would be formed, used in the philosophical analysis of specific texts or text arrays.

Results and discussion. E.A. Torchinov's legacy is taken as an example of the successful experience of philosophical interpretation of the texts of Eastern (in particular Chinese) thinkers. The works of the St. Petersburg researcher can be divided into several groups, the unification of which made it possible to create a conditional "layout" of system integralities. These are analysts: 1) text; 2) theory and practice; 3) integral constructions; 4) doctrine, historically manifested in a variety of forms; and 5) results, i.e. the presentation of their own texts, "stylistically" authentic autochthonous material.

Conclusion. Today, for us, the philosophy of the East is an almost completely closed "continent". The disregard for the study of the East, characteristic of Russian science, largely reproduces the situation that has developed in humanitarian knowledge as such. One of the reasons is an epistemological preset, a certain mood of our cognitive apparatus. The works of E.A. Torchinov can serve as a successful example of a study adequate to the object of Eastern philosophy.

Keywords: oriental studies, religious studies, oriental philosophy, E.A. Torchinov, experiences of cognition and interpretation

Source of financing: the work was supported by the Russian Foundation for Basic Research (project no. 20-011-00144 "Theoretical heritage of philosophy in Leningrad-Petersburg. Second half of the twentieth century").

For citation: Sokolov, E.G. (2022), "(Philosophical) Pilgrimage to the East with a Visit to the West. Evgeniy A. Torchinov", *DISCOURSE*, vol. 8, no. 6, pp. 31–56. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-6-31-56 (Russia).

Введение. В 2022 г. исполнилось 350 лет со дня рождения последнего царя всея Руси и первого Императора Всероссийского Петра І. Эту памятную дату с размахом отмечала вся страна. Несть числа всевозможным мероприятиям, которые в течении всего года проводились в ознаменование юбилея. Что вполне закономерно. Роль Петра Великого в более чем тысячелетней истории России является одной из ключевых: он – тот, кто определил векторы развития страны на столетия вперед. Это невозможно оспорить или подвергнуть сомнению, как бы ни оценивали в последующем саму фигуру самодержца и сущность тех фундаментальных изменений, которые благодаря его оптимизму и упорству произошли в жизненном укладе насельников земли русской. Среди практически единодушно оцениваемого в качестве позитивного момента петровских реформ – это, согласно патетически-пафосному выражению А. С. Пушкина, то, что император «в Европу прорубил окно», благодаря чему мы вошли в число цивилизованных народов, заведя и в своих огородах различные культурности. Не буду возражать против этой максимы и вздыхать по поводу «России, которую мы потеряли» (или «так и не обрели»), перечислять убытки и изъяны петровской стратегии (ибо их числом не меньше, чем прибытков и блеска), тем паче укорять великого человека в недальновидности – на три века разбегу хватило, что немало, – лишь стоит обратить внимание на «странность», или, скорее, несуразность, что уже почти два века тому назад благодаря дебатам славянофилов и западников стало очевидностью, а ныне благодаря событиям последнего года, так и вовсе – вопиющим недоглядом. Прежде всего, – идеологическим, ибо тем самым в российском общественном сознании сформировалась устойчивая, воспроизводимая на протяжении нескольких веков, искаженная и не соответствующая реальности картина мира (человеческого мира). Если воспользоваться пушкинской метафорой, то в Европу-то Петр Алексеевич, разумеется, окно прорубил, однако все остальные «окна» закрыл (или плотно занавесил), тем самым лишив нас возможности воспринять (не локально и окказионально, по какому-нибудь частному «отдельно взятому поводу», но – масштабно, в качестве достойной уважения и пристального внимания другой социально-антропологические автономности, альтернативные европейской модели конституирования общественной целостности/совокупности) иные опыты устроения/осмысления человеческого существования (в том числе и своего собственного), тем самым весьма затруднив освоение неевропейских культурных ландшафтов. В частности, это касается тех регионов, которые принято называть Востоком, территориально, по количеству приверженцев, по исторической «глубине», по длительности и устойчивости существования социальных образований, по художественному и технологическому разнообразию во много раз превышающих/превосходящих «коллективный Запад» (Европу и ее юрисдикции Нового времени). И ладно, если бы речь шла о тех странах и континентах, которые географически далеко от нас расположены: Африке, Латинской Америке, Австралии. Восток – во всяком случае, довольно большая его

часть — это то, с чем мы живем на протяжении многих веков, с чем непосредственно соприкасаемся (напомню: протяженность сегодняшних границ России со странами Востока во много раз превосходит протяженность границ с западноевропейскими странами), это те народы, с которыми мы на протяжении веков вступали в контакты на разных уровнях, в разных ситуациях, по разным, весьма и весьма многочисленным, поводам; наконец, Восток — это также и то, что «в себе содержим/носим», т. е. вошедшие или входившие в тот или иной период в состав российских государственных образований территории.

И еще, в частности, это касается восточной философии. Что в итоге, в ментальном обиходе не в меньшей мере, чем в общественной идеологии, так или иначе сводится к тому, что сформировавшиеся, существовавшие на протяжении долгого времени и отнюдь не арха-ично-рудиментарные сегодня, неевропейские опыты познания, отношения и интерпретации мира как такового остаются до сего дня практически нам неведомы. Иными словами, невзирая на многочисленные исторические и этнографические изыскания большая часть человеческой вселенной оказалась для нас закрытой, ибо «голые» (объективизированные) факты и артефакты, вероятно, способны дать некоторую информацию «о прецеденте», но едва ли знания и тем паче – понимание его.

Акцентирую: практически неведомы, но – не совсем и не вовсе.

Историография (институциональная). В сущности, представления о Востоке аккумулировались в том реестре познания, который обычно маркируется как востоковедение. История отечественного востоковедения, как утверждают исследователи, восходит к государственным образованиям Древней Руси, когда произошли первые контакты с народами, которые населяли территории, расположенные восточнее наших рубежей. «Российское... востоковедение берет начало с общения, в основном торгового, княжеств Руси с сопредельными восточными государственными образованиями. С XIII в. начались контакты Руси с государствами Средней и Центральной Азии: русские купцы совершали поездки в Хорезм, а служилые люди – в Монголию. Известно, что русские послы в XV в. посещали Герат, а гератские – Москву... к середине XVI в. Россия, объединив большую часть народов Поволжья, получила возможность открыть свою торговлю со Средней Азией, Ираном и Кавказом и частично контролировать транзитную торговлю Западной Европы с этими регионами, а также установить дипломатические отношения с Востоком...» [1, с. 5-6]. Очевидно, что интерес к культуре народов Востока (и соответственно накопление знаний о нем) в первую очередь носил утилитарно-практический характер и едва ли выходил за пределы решения политических и экономических задач, и лишь в одном случае имел отчетливо идеологический характер: христианство, Византия. Паломники, путешественники, купцы, послы, государственные и военные деятели – таков был контингент людей, стоявших у истоков наших представлений о Востоке. Они же на протяжении многих веков – вплоть до середины XIX в. – определяли фокус нашей оптики на него, т. е. на Восток, в равной степени, как и отношение к нему. Реформы Петра Великого, затронувшие многие аспекты жизни россиян, в том числе институты добывания, хранения и передачи знаний, не изменили характер нашего интереса к народам Востока: он, интерес, не стал ни спекулятивным, ни художественным, ни культурным. Учрежденные Академия наук и Санкт-Петербургский университет при всей декларируемой открытости («Каждый академик обязан в своей науке добрых

авторов, которые в иных государствах издаются, читать. И также ему легко будет экстракт из оных сочинять» [1, с. 8]) воспроизводили западноевропейские модели и стандарты, в коих востоковедение как отдельная и самостоятельная область еще отсутствовало. Единственное место, где собирались все доступные на тот момент артефакты, связанные в Востоком, была Кунсткамера, которая обладала «таким количеством изысканных по разным азиатским странам и народам редкостей, что таковым множеством ни один в Европе кабинет хвалиться не мог» [1, с. 6]. Однако не стоит забывать, с какой целью Кунсткамера учреждалась: «собрание редкостей», коллекционирование «всякой всячины», музеефицированиеэкспонирование разрозненных экзотических штуковин, ценность которых определялась в первую очередь экстравагантностью и раритетностью. Ситуация стала изменяться в первой половине XIX в., что позволяет говорить о том, что наряду со знаниями-информацией, добываемых в военных, дипломатических и финансовых ведомствах и поэтому носивших сугубо практический характер, стали появляться отдельные работы [2, гл. 16–20], превышающие сугубо утилитарную, обусловленную исключительно государственно-политическим интересом, надобность. Более того, определились и некоторые направления, по которым стали проводиться исследования, - кавказоведение, османистика (раздел тюркологии), иранистика, афганистика, египтология, семитология, арабистика, китаистика, индология. Однако едва ли правомерно говорить, что отечественное востоковедение как самостоятельная познавательная область проявила себя в полной мере именно с середины XIX в. Все накопленные ранее знания-информация носили в большей степени случайный, окказиональноприкладной и разрозненный характер. Если же и выходили за пределы экономической, политической и военной целесообразности, то имели по большей части привкус «прихоти», «хобби», «досуга», «чудачества» и вряд ли имели – во всяком случае на уровне российского общественного сознания – особую научно-спекулятивную ценность в глазах современников. Знания, (с петровских времен) наука, культура, философия, даже искусство (за очень редким исключением, выполнявших в большей степени декоративно-орнаментальную функцию, вроде шинуазри) – это про другое.

«22 октября (по старому стилю) 1854 года был подписан Указ Правительствующему Сенату о преобразовании отделения восточных языков Императорского Санкт-Петербургского университета в Факультет восточных языков "для успешнейшего изучения восточных языков, вместо обучения оным в разных заведениях министерства народного просвещения, сосредоточить преподавание их в С.-Петербурге, где соединяется больше средств для развития этой обширной отрасли знания и больше учебных пособий, чем в других местах империи"» [3]. В состав факультета тогда входили кафедры арабского, персидского, турецкотатарского, монгольского и калмыцкого, китайского, еврейского, армянского, грузинского и маньчжурского языков, разделенные на пять «разрядов»: арабско-персидско-турецко-татарский, монголо-калмыцко-татарский, китайско-маньчжурский, еврейско-арабский, армяногрузинско-татарский. С 1855 г. стали обучать афганскому, а с 1858 — санскриту. 22 октября 1854 г. можно считать символическим днем рождения отечественного востоковедения, ибо с этого времени интерес к восточным народам и культуре уже не ограничивался сугубо практическими целями, но также преследовал образовательно-воспитательные и научноспекулятивные задачи. Не на пустом месте, не с нуля. Кроме уже упомянутых прецедентов

непосредственного разрешения экономических, политических и военных задач, по отношению к которым знания о Востоке функционировали почти исключительно в качестве операционного инструментария, следует отметить, что с 1818 г. на историко-филологическом факультете в Главном педагогическом институте в Санкт-Петербурге успешно работали приглашенные из Парижа французские ориенталисты Ж. Ф. Деманж и Ф. Б. Шармуа. Первый возглавлял кафедру арабской словесности, второй – персидской. А в 1819 г. на одноименном факультете уже в Санкт-Петербургском университете был создан «восточный разряд». К моменту открытия факультета восточных языков существовало шесть востоковедческих кафедр – арабская, персидская, турецкая, азербайджанская, армянская и грузинская. Обратим внимание (и к этому еще вернемся далее) на название: факультет восточных языков. То есть обучение студентов было ориентировано в первую очередь на овладение тем или иным восточным языком либо, как в случае с педагогическим институтом, чуть более шире – словесности. Иначе говоря, одна из основных тематически-дискурсивных практик, задающая тон всей научно-познавательной активности в пределах отечественного (да и мирового) востоковедения, – филология. За более чем полуторавековую историю восточного факультета СПбГУ произошло много изменений: с 1919 г. факультет был расформирован, в 1944 – воссоздан; наряду с обучением языкам стали вводится дисциплины по истории, культуре и литературе; создавались новые кафедры, произошла дисциплинарная спецификация (исторический филологический и страноведческий профили). Однако базовые принципы, по которым организуется весь учебный процесс, равно как и научно-исследовательская деятельность (студенческая в том числе), оставались неизменными на протяжении всей истории факультета. Стоит акцентировать внимание на профессиональной (со своими предметными полями и методологическим инструментарием), фокусирующей познавательный взгляд специалистов-востоковедов ориентации: филология, история и страноведение. Все остальные высшие учебные заведения, в которых можно стать профессиональным востоковедом, где есть соответствующие подразделения (их ничтожное количество на всю Россию – всего 18), повторяют и воспроизводят (со своими нюансами, чаще всего в урезанном виде) петербургскую дисциплинарно-предметную модель. Другим, не менее важным для исследования народов Востока и приобщения к их культурным традициям, ментально-духовным основам, к их механизмам формирования знания и представления о реальности, нежели Восточный факультет СПбГУ, центром, в котором изучение Востока носит научный, систематический и целенаправленный характер, является институт Востоковедения РАН.

Его история не многим длиннее: «Самостоятельный научный востоковедческий центр в Академии появился в ноябре 1818 г., когда был учрежден Восточный кабинет, вскоре получивший по предложению Френа название Азиатского музея... Со времени организации Азиатского музея... начинается новый период в истории научного востоковедения. Коллекции Азиатского музея состояли из восточных рукописей, книг по Востоку на европейских языках, археологических памятников, предметов этнографии, 173 восточных редкостей и монет, переданных из Кунсткамеры, библиотеки и Архива Академии наук» [1, с. 140]. На тот момент Азиатский музей включал «хранилище восточных рукописей и ксилографов, восточных и востоковедных книг, которые описывали, каталогизировали, а также коллекций восточных монет (где их каталогизировали, изучали и где издавали нумизматические исследования); музей с экспозицией для обозрения посетителями; библиотеку,

где ученые исследовали памятники культуры» [1, с. 141]. При этом, что очень показательно, «научное востоковедение тех лет определялось не штатным расписанием того или иного центра. Строгая регламентация тематики, штатная "прописка" ученых носили подчас номинальный характер. Фактически Азиатский музей, став крупнейшим собранием манускриптов и одной из самых значительных библиотек, наряду с восточным факультетом Петербургского университета оставался научным центром востоковедных исследований» [1, с. 141]. И хотя к началу XX в., как значится во всех энциклопедических изданиях, «это был уже крупный, мирового масштаба, исследовательский центр изучения Востока, в котором работали востоковеды с мировыми именами – специалисты по истории, археологии, религии, этнографы, лингвисты и литературоведы» [4], но в своих основополагающих принципах, т. е. в организации служебно-профессиональной деятельности, тематической и методологической ориентации, специфике и характере процессуально-дисциплинарных акцентов, а также в определении привилегированных горизонтов умозрения, никаких существенных изменений не произошло: библиотека, архив, музей. Соответственно: каталогизация, систематизация, пополнение архива, комментирование-описание-толкование артефактов (посредством уже существующих познавательных моделей и стратегий), наконец – экспонирование. «Подавляющее большинство востоковедов России принадлежало к историкофилологической школе; они изучали главным образом восточные языки, литературные и исторические памятники древности и средневековья, древнюю и средневековую историю народов Востока. Новая история и экономические проблемы, за редким исключением (труды А. К. Мирзы Казембека, А. Г. Туманского, Л. Ф. Тигранова и др.), почти не привлекали внимания востоковедов» [5, с. 6].

Важной для отечественного востоковедения, так же, как и для истории страны, считается Октябрьская революция, когда «перед советским востоковедением самой жизнью были поставлены совершенно иные задачи, и в соответствии с ними советское востоковедение начало развиваться. Основное внимание было обращено на изучение современного положения в колониальных и зависимых странах Азии и Африки, на освободительную борьбу народов этих стран. Востоковеды должны были объяснить сложные экономические, политические, социальные и культурные процессы, которые происходили на Востоке, понять влияние истории на современные события, предугадать дальнейшее развитие государств Востока» [5, с. 8]. В советский период произошло множество организационных изменений (в 1930 г. слиянии Азиатского музея, Института буддийской культуры и Туркологического кабинета в единый Институт востоковедения АН СССР, перевод института 1950 г. с сохранением в Ленинграде филиала, выделение в 2007 г. петербургского филиала в отдельный Институт Восточных рукописей; внутриинститутские реорганизации: разделение-слияние отделов-подотделов-секций, открытие новых подразделений и пр.). Никоим образом не подвергая сомнению целесообразность и полезность подобных метаморфоз, допуская, что «сложные экономические, политические, социальные и культурные процессы» советскими востоковедами были успешно объяснены и адекватно-корректно отразили реальность, отметим лишь моменты, которые, представляется, и иллюстрируют, и подтверждают заявленный ранее тезис: «окно на Восток» до сего дня так и остается закрытым, наши знания о прошлом и настоящем народов Востока – отрывочны, фрагментарны, поверхностноформальны, случайны и не слишком помогают понять, с каким феноменом (феноменами) мы имеем дело. Это, в свою очередь, затрудняет и коммуникацию, и восприятие-усвоение, т. е. использование в собственной практике, опыта жизни (по сути, конструирования реальности) тех социально-антропологических образований прошлого и настоящего, что располагаются восточнее рубежей нашего Отечества.

Причины такого положения вполне очевидны. Обратим внимание, что «корнем сего зла» являются отнюдь не сложность (для широких масс европейского люда) овладения восточными языками, что будто бы является непреодолимым барьером. Сложность или легкость усвоения-постижения (иностранного языка в том числе) – категории относительные, зависят от господствующей социокультурной предустановки в не меньшей степени, чем от «объективных обстоятельств» (психо-сомо-ментальных предрасположенностей субъекта, принадлежности к той или иной языковой семье-группе, «погруженности в среду» и частоты коммуникативных контактов). Поэтому акцентируем внимание на других, более принципиальных для познания Востока, положениях:

- если соотнести массив субстрата-объекта (Востока), который, повторимся, колоссален и территориально, и темпорально, то количество разнообразных артефактов, которые были произведены за многие тысячелетия (а этот регион на всем протяжении существования человечества во все периоды был плотно заселенным), а также неисчислимое количество событий, здесь случившихся, и совокупное количество интеллектуально-исследовательских усилий, потраченных за последние два столетия (у нас ли, в западно-европейских ли державах неважно), то не признать ничтожность добытых нами знаний невозможно. Над освоением западноевропейского социокультурно-исторически-интеллектуального опыта в России работало и продолжает работать неисчислимое количество всевозможных институций. А на восток «вперяют свой взор, алчащий познаний», единицы, перечесть кои не составит труда. Не стоит забывать и о фантастическом разнообразии этих опытов жизни, по сравнению с которыми европейский запад покажется уныло-монотонным;
- отчетливо прослеживаемая до совсем недавнего времени филологически-исторически-краеведческая (с религиоведческими вкраплениями) ориентация востоковедческих исследований и у нас, и за рубежом. Безусловно, подобные изыскания необходимы, они весьма полезны, но в силу своего предмета, который подвергается интеллектуальному препарированию, в принципе не способны дать некое целостное представление об «объекте» (т. е. о Востоке), а потому полученные, даже очень важные и корректно фиксирующие те или иные аспекты реальности (восточной реальности) фрагментарны и отрывочны. Даже познание экономических, политических, социальных и культурных процессов, на которых стали акцентировать внимание в советский период, проходило под эгидой тех же самых филологически-исторически-краеведческих эпистемологически-методологических априори, выступающих в роли дисциплинарного дискурсивного фундамента (в силу исторической традиции);
- безоговорочное и безоглядное доверие к научному знанию, т. е. к институту науки как таковому. О кризисе науки было заявлено и весьма авторитетно еще век назад (Э. Гуссерль в своей последней большой работе 1935–1937 гг. «Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология» говорил, что «основание кризиса, развернувшегося с конца

XIX в., основание несостоятельности философии и ее ветвей, современных частных наук, – их неспособности исполнить свое призвание (свою телеологическую функцию): дать нормативное руководство более высокому человеческому типу» [6, с. 6], но его слова не получили широкой поддержки). Однако универсальность, компетентность и авторитет науки (в добывании знаний) стал повсеместно подвергаться сомнению лишь последние полвека. («Знание не сводится к науке и даже вообще к познанию... Наука является областью познания...» [7, с. 52]. «Знание – это не наука, особенно в ее современной форме, эта последняя, хотя и не может затемнить проблему легитимности знания, заставляет нас ставить эту проблему во всей ее не только социополитической, но и эпистемологической полноте...» [7, с. 52]. «Позитивная наука – это не знание...» [7, с. 93]). Дискурсивная практика, институт, языковая игра, одна из возможных, исторически приходящих эпистемологических программ, компетентная в одних вопросах-практиках, но гносеологически непригодная в других, – это не новость. Компетентность науки и темпорально, и территориально достаточно четко ограничена новоевропейским горизонтом. Едва ли опора на научные технологии при исследовании Востока может выполнять функцию базового эпистемологического инструментария. Гораздо более убедительным и эффективным будет использовать/совмещать разнообразные познавательные модели, соразмерные месту, времени и социокультурному контексту, в которых находится исследуемый предмет;

 данное положение вытекает из предыдущего: выборка предметных полей. Полагаю, что утвердившаяся в научном познании вообще, в его гуманитарном отсеке в частности, дисциплинарная (она же и тематически-методологическая) спецификация (подведение того или иного артефакта или группы артефактов под исследовательскую юрисдикцию определенной исследовательской дисциплины) в случае с Востоком не может быть признана эффективной и продуктивной. Система наук (знания), принятая в новоевропейском познании, едва ли может служить основой для понимания Востока. О бесперспективности подобного узко дисциплинарного подхода при формировании исследовательских проектов в последнее время говорилось множество раз. Заявления о необходимости применении «широкого междисциплинарного подхода» не спасают положение, ибо, по сути дела, воспроизводят (хотя бы и на уровне первичной умозрительной операции) существующую дисциплинарную разграниченность, лишь вынося ее за скобки. Филология, лингвистика, экономика, политика, религия, регионоведение, искусствоведение и пр. – все это дефинитивы именно научной эпистемологической бухгалтерии, строго определенная система первичного упорядочивания материала-объекта и предварительная разметка совокупного поля познания. Она, повторимся, сформирована в пределах новоевропейского опыта, ему имманентна, нацелена на произведенный в этих пределах «продукт», и только его может с успехом сканировать (в очерченных концептом реальности границах, разумеется). С Востоком она не работает. Она может быть применена, но, скорее всего, полученный результат представит нам искаженную (т. е. адаптированную под фокус нашего зрения) версию реально функционирующей наличности. Информацию-то мы получим, но расширятся ли при этом горизонты нашего знания о предмете, тем более – понимание его? Сомнительно;

– априорно-подсознательное европоцентристское высокомерие, а то и надменность.
 Оно не присуще – на уровне сознания во всяком случае – самим востоковедам, которые, по

нашему немалому опыту общения, зачарованы Востоком, находятся под очень сильным обаянием тех горизонтов, в которые они вглядываются. Но не они определяют общественное мнение, равно как и стратегии-ориентиры развития (в сфере познания в том числе). Ситуация меняется на наших глазах, но преодолевается с большим трудом. Полагаю, что должно пройти немало времени, прежде чем взгляд в прорубаемое ныне окно на Восток станет повселневно-обихолным.

Все изложенное позволяет утверждать с некоторой категоричностью, что философский Восток, равно как и философский взгляд на Восток и в нашем сознании, и в нашем познании отсутствуют. Практически. До совсем недавнего времени.

Методология и источники. Проблема – не в том, что «субстрат» недоступен и недостижим. Наверняка, за последнее столетие не много уголков Земли продолжают оставаться закрытыми для европейцев, а практикуемые на них культурные опыты сохраняют эзотерическую девственность. Суть в другом: в методологии познания. Разумеется, речь не идет о том, что используемый при философских вторжениях операционный набор недостаточен или неэффективен. Вовсе нет. В пределах своих компетенций – будь то классический или постклассический, инструментарий приносит плоды: запрашиваемая информация, безусловно, добывается и регистрируется в архивах. Только результат схож процедурой перемещения конкретного артефакта из аутентичной среды его «обитания» в музейную витрину: «вещь» вроде есть, она осязаемо присутствует, но и «полностью отсутствует» (по сути, аннигилируется), ибо вплетена в совсем иную функциональную циркуляцию. В нашем случае дело касается трансформаций стратегий восприятия, отношения и дисциплинарного конституирования самой «вещи», т. е. философского артефакта. Иначе говоря, перекодировки и переструктурирования режимов/маршрутов. В противном случае мы будем иметь то, что уже имеем почти два века. Напомню, что у истоков концепта, до сего дня остающегося магистральным и не подвергшегося существенной ревизии, истории философии, а значит и философии как таковой, стоит Г. В. Ф. Гегель, который в своих «Лекциях по истории философии» авторитетно утверждал, что «...восточная философия, которая, однако, не войдет в состав нашего изложения; она представляет собою нечто предварительное... Выражение "восточная философия" употребляется преимущественно для обозначения того периода, когда это великое всеобщее восточное воззрение соприкоснулось с Западом... То, что мы называем восточной философией, представляет собою вообще в гораздо большей мере религиозный способ представления и религиозное мировоззрение восточных народов, которое очень легко можно принять за философию» [8, с. 145]. Спустя примерно полтора века эта установка была повторена, хоть и в других дискурсивно-концептуально-терминологических обстоятельствах: «Можно ли говорить о китайской, индуистской, еврейской, исламской "философии"? Да, поскольку мышление осуществляется в плане имманенции, который может быть заселен как фигурами, так и концептами. Однако этот план имманенции является не собственно философским, а префилософским. На него воздействуют заселяющие его и реагирующие на него элементы, так что философским он становится только под воздействием концепта; философия подразумевает его, но тем не менее лишь ею же он и учреждается и развертывается в философском соотношении с не-философией. Напротив, в случае фигур "префилософское" означает, что сам по себе план имманенции не обязательно

предназначен для творчества концептов и формирования философии, он может развернуться также в виде разных форм мудрости и религии, и подобная бифуркация заранее устраняет самую возможность возникновения философии» [9, с. 43]. Законными же правами на титул философской державы, по мнению Ж. Делёза и Ф. Гваттари, кроме древних греков, имеют лишь три народа – немецкий, французский и английский, где детерриторизация (философское инвестирование) прошла успешно, а взросший продукт обладает всей полнотой подлинности. Эта дисциплинарно-идеологическая предустановка и определяет то «европоцентристское высокомерие» (позицию взгляда), о котором говорилось выше, свойственное практически всем отечественным востоковедческим, в частности специализирующимся на философской проблематике, исследовательским штудиям. Работ по истории восточной философии в последнее время издано не так уж мало: продолжающаяся книжная серия «История восточной философии», выходящая под эгидой Института философии РАН с 1993 г.; энциклопедические издания (Философия буддизма, Индийская философия, Новая философская энциклопедия, включающая в себя большое количество статей, которые в той или иной степени можно отнести к Восточной философии); 149 книг (весьма разнообразных и по стилистики, и по исполнению, и по жанру – переводы текстов, научные монографии, очень авторские, порой наивно-простодушные записки собственных наблюдений и впечатлений и пр.), размещенные на портале КнигоГид [10], монографии ученых, специализирующихся на философской мысли Востока, коим несть числа. Однако при знакомстве с этими изданиями, особенно если стоит задача познать (в той или иной мере, в том или ином качестве) и приобщиться к философии Востока, следует учитывать следующие методологические предустановки, дабы не прийти к ложным выводам, еще раз подтверждающим справедливость гегелевского завета, что - хоть и красиво, завораживает и пленяет, доставляет наслаждение, но все же и «надо признаться», представляет собой недо/пред-философию, «колыбель и детство», «обаяние истока» и всегда – «совсем иное», не собственно философское:

- «неустойчивая», не требующая «сквозного удержания» на протяжении всего дискурсивного массива, «генетически» восходящая к различным языковым играм-практикам вербальность, т. е. терминологическая вариативность, не имеющая коннотационно-денотационной неукоснительной фиксации, закрепленной в том или ином реестре культурного архива, но всякий раз окказионально, в зависимости от «вещи» и «конкретной познавательной задачи», а также коммуникативных обстоятельств, формируемая/сопрягаемая заново, безусловно интертекстуальная по смежным опытам, но не кодифицированная последними безоговорочно;
- аналитически-синтетические процедуры не могут быть презентантами неких утвержденных и непоколебимых универсальных метаправил или «законов мышления/познания», соблюдение которых гарантирует (посредством методологических максим) успех; это означает, что всем нам хорошо знакомые и восходящие к «Аналитикам» Аристотеля, бесконечно воспроизводимые и в практиках, и в теоретических построениях, правила «формальной логики» могут, порой даже и должны, игнорироваться; в любой из восточных философий есть свои собственные логики, поддающиеся с большим трудом привычной формализации-систематизации-фиксации;
- исследовательское изложение/повествование может выстраиваться в виде дескриптивной разворачивающейся наррации, маршрут которой не фиксируется и не идентифицируется

(дисциплинарно) «регистрами данности» и не размечается универсальными различительными маркерами того или иного порядка/уровня (вроде: трансцендентное–имманентное, рациональное—эмоциональное, материальное—идеальное, реальное—фантазийное/превратное, истинное—ложное, телесное/тварное — духовное, физическое—метафизическое, логическое—иррациональное и пр.);

— философия и ее постижение не может быть чистым умозрением и исключительно спекулятивным самодостаточным мероприятием; иными словами, теоретическое и практическое не дистанцируются друг от друга и не являются оппозиционной деятельностной бинарией, каковой эта «диалектическая пара» позиционируется в европейском познавательном опыте (если точнее — в ее идеологически-легитимирующем секторе), где данный предметно-дисциплинарный разграничительный канон, по сути дела, является не более чем «этикетной условностью», ибо всякое теоретизирование вырастает из практически реализуемых процедур, произрастает из практических усилий и адресуется не некоей космически запредельной автономной трансценденции, в которой обретает покой и истину, но — в практику-реальность же (так или иначе, хотя бы и через множество рукопожатных смежностей); поэтому приобщение к философским системам Востока не может быть исключительно интеллектуальным занятием, но всегда — «путешествием», «погружением», «визионерством» (не абстрактным) или — паломничеством.

На первый взгляд может показаться, что подобная методологическая программа не может быть в наших сегодняшних обстоятельствах реализована в принципе, ибо традиция (специфика познавательного взгляда) «генетически» вмонтирована в культурный код. Но прецеденты существуют. Среди близко знакомых автору – труд Е. А. Торчинова.

Результаты и обсуждение. Е. А. Торчинов, как значится во всех справочных изданиях, - советский и российский ученый-религиовед, синолог, буддолог, историк философии и культуры Китая. Стоит обратить внимание, что он нигде не значится как философ. Выпускник восточного факультета Ленинградского государственного университета, аспирант, затем сотрудник государственного Музея истории религии и атеизма, с 1984 г. работал в Ленинградском отделении Института востоковедения АН СССР, с середины 80-х читал курс по древнекитайской философии на философском факультете ЛГУ (затем – СПбГУ). Здесь же возглавил в 1998 г. кафедру философии религии и религиоведения, был инициатором открытия в 1999 г. кафедры философии и культурологии Востока и стал ее первым заведующим. Последнее требует специального разговора, ибо случай беспрецедентный и уникальный в истории отечественного, и востоковедческого, и философского в первую очередь, высшего образования: ни в прошлом, ни в настоящем (повторений до сего дня не случилось: аналогичных кафедр нет ни в одном российском учебном заведении) не готовили и не готовят специалистов в области восточной философии. Торчинов защитил кандидатскую диссертацию по истории («Трактат Гэ Хуна "Баопу-цзы" как историко-этнографический источник», 1984) и докторскую по философии («Даосизм. Опыт историко-религиоведческого описания», 1994). На первый взгляд, спокойная, последовательная и размеренная биография типичного петербургского ученого. Однако едва ли ее можно назвать обычной. Несмотря на безусловные академические достижения, многократно опробованные, подтвержденные и удостоверенные научным сообществом, отношение и к Е. А. Торчинову, и к его работам со стороны коллег всегда было настороженным. То, о чем (и главное, как) он говорил, при всех неукоснительно соблюдаемых дискурсивных атрибутах, не укладывалось ни в петербургскую, ни в отечественную, да и мировую гуманитарную исследовательскую традицию. С точки зрения «классического востоковедения» налицо нарушение и со стороны предметно-тематической, и дисциплинарно-методологической (это не филология, не история и не страноведение, точнее – этих горизонтов он касался, однако ими не ограничивался), и дидактически-смысловой (т. е. практического целеполагания). Неизменное и навязчивое – не случайно-окказиональное – присутствие в философском стане на протяжении более двух десятилетий (а вторгаться в эти пределы Торчинов стал намного раньше своего окончательного перехода на философский факультет) «восточной составляющей» также порождало недоумение у правоверных приверженцев «классической философии». Разумеется, Евгений Алексеевич не был обделен вниманием ни при жизни, ни после кончины. Но это признание в большей степени – со стороны «самой широкой научной общественности», а то и вовсе – у «широкой публики», где профессиональные регламенты спутаны, второстепенны, не артикулированы и незадокументированы в виде соответствующего канона. Подтверждением тому могут служить действующие каталоги популярных издательств и серий, в которых книги Торчинова занимают весьма солидное место (в разных интернет-магазинах одновременно представлены от 10 до 16 наименований), выходя огромными тиражами ежегодно, вновь и вновь. Созданные учениками и коллегами Е. А. Торчинова после его кончины «Торчиновские чтения», проводимые на философском факультете (в Институте философии) ежегодно с 2004 г., собирали и собирают специалистов самого разного профиля со всего мира. Целью этих чтений с самого начала было «создавать и удерживать творческую междисциплинарную атмосферу, которая способствует плодотворному обмену идеями между специалистами, изучающими различные типы, образы и категории восточных культур, помогает формировать новые подходы и методы в востоковедении, разрабатывать общую теорию и философию востоковедения» [11]. Таким образом, работы мыслителя и сегодня, спустя почти два десятилетия после его кончины, не перешли в разряд сугубо исторически-историографического факта конкретной, той или иной очень локальной институализированной системы (Института философии, Восточного факультета, петербургского религиоведения и пр.), но провоцируют разнообразные «всплески». Причем не только интеллектуального, но и эмоционально-действенного свойства.

Е. А. Торчинов оставил колоссальное наследие. В аннотированном списке его научных и учебно-методических трудов, составленном Е. А. Кием, учеником и последователем ученого, опубликованном в материалах первых «Торчиновских чтений» в 2004 г. 227 позиций [12]. И это не просто «тезисы доклада» или «аннотации к спецкурсам», но развернутые, порой на сотни страниц, речения! Причем этот список далеко не полный, он все время обновляется за счет включения работ, изданных за рубежом. Да и личные архивы Е. А. Торчинова еще практически не разобраны. Попробуем остановиться на некоторых, как представляется, важнейших моментах (сюжетах, стилистиках, особенностях реализации), которые выступили сквозными и определяющими профессиональный, теоретический (лишь формально) подход ученого.

Textus. Для новоевропейской эпистемологическо-дидактической модели – доминирующей на сегодняшней день познавательной-исследовательской стратегии, базовым (и первичным) является знакомство, усвоение и постижение текста. Интеллектуально-рефлексивное. Закономерно, что приобщающийся к философскому знанию обязан прочитать классические тексты предшественников и лишь на их основе возможны спекуляции. В противном случае собственные рассуждения не выйдут за пределы дилетантских медитаций. Изучением этих текстов и занимается история философии – дисциплина, которую осваивают философынеофиты, где бы ни проходило их ученичество. Если с европейским корпусом текстов ситуация более или менее устойчива – классический набор остается практически неизменным на протяжении двух столетий со времен Гегеля (хотя и здесь время от времени случаются обновления, связанные с идеологической или регионально-исторической конъюнктурой), с восточными философски ориентируемыми текстами – настоящая беда: они попросту отсутствуют в операционном поле отечественных, да и европейских профессионалов-философов. Причины очевидны: незнание восточных языков, их источников, герменевтически-семиотическая «закрытость» (непроработанность), а также, как следствие – непроясненный дисциплинарно-идентификационный статус. Е. А. Торчинов на протяжении всей жизни восполнял эти пробелы: занимался переводом и толкованием классических текстов восточных мыслителей (предисловия к изданиям, комментарии, статьи в научных журналах, выступления на конференциях). Им переведены и изданы такие фундаментальные труды, как Дао-Дэ цзин [13]; Гэ Хун, «Баопу-цзы» [14]; Чжан Бо-дуань, «Главы о прозрении истины» [15]; Цзун-ми, «Чаньские истины» [16]; Хун-Жэнь, «Пятый чаньский патриарх. Трактат об основах совершенствования сознания» [17]; буддийские тексты Ваджраччхедика Праджня-парамита сутра; Асанга, «Компендиум Махаяны» (Махаяна сампариграха шастра); Сутра сердца Праджня-парамиты и др. [18]. Специфика, т. е. каким образом можно «разложить» по привычным и знакомым европейскому сознанию-познанию лекалам и рубрикам (вербальным, профессиональным, дисциплинарным, операционным, в конце концов культурно-мировоззренческим), и каждый отдельный текст, и группы текстов – неизменная забота Е. А. Торчинова. По сути дела, всякий раз проводилась некая предварительная семиотечески-герменевтически-дисциплинарная проработка, некоторое «объяснение», что «имелось ввиду», как соотносится с привычной нам дискурсивностью и как посредством последней может быть «схвачено». Приведу лишь два характерных примера: «О так называемой "даосской философии" следует... сказать несколько слов. В результате исследования мавандуйских текстов, самой ранней "годяньской" версии "Дао-Дэ цзина" ("Лао-цзы") была во-первых, выявлена их родственность с доктриной даосских глав философской антологии "Гуаньцзы"... Во-вторых, оказалось, что медитативная созерцательная практика (психопрактика, психотехника) раннего даосизма по существу играла роль источника теоретического дискурса, именно рефлексия о ней оказалась формообразующим принципом ранней даосской мысли. Точнее, сам первоначальный даосский дискурс был ориентирован на психопрактику, был "психопрактическим" дискурсом» [19, с. 150]. «Гэ Хун провозглашает веру в бессмертие (и притом телесное!) и бессмертных, в магию и астрологию, алхимию и нумерологию, а сам высмеивает (прямо в вольтеровских выражениях) тех, кто, вместо того чтобы обратиться к врачу, молится о выздоровлении божествам, совершает жертвоприношения и разоряется на оплате сомнительных услуг шаманов и знахарей. Как это понимать?... ключ к кажущимся противоречиям Гэ Хуна есть. И этот ключ – специфика самого естественнонаучного знания в традиционных культурах и отчетливое понимание того обстоятельства, что Гэ Хун по своему темпераменту, подходу и интересам был прежде всего не мистиком или интуитивистом, а ученым-экспериментатором и эмпириком. То, что нам кажется фантастикой или даже суеверием из принимавшегося Гэ Хуном, на самом деле относится просто к области допустимого научного знания его эпохи» [14, с. 13–14].

Theoria et praxi. «Из одних и тех же теоретических философских положений можно сделать совершенно разные выводы, что терминологические ряды (ассоциация терминов и понятий) философского текста могут быть совершенно различны в разных культурах и что только культурно-цивилизационные стереотипы не позволяют видеть возможность иных, нежели общепринятые, выводов из определенных положений... знакомство с неевропейскими философиями позволит западной мысли найти некие принципиально новые подходы и ходы мысли. И конечно же, огромно значение неведомой для западной мысли связи неевропейских (прежде всего индийской) философий с наукой о трансформации психики, психопрактикой» [20, с. 34]. Из этого общего положения, постулирующего по сути дела невозможность устанавливать прямые и ближайше-привычные нам (на бытовом, равно как и на философско-дискурсивном уровнях) вербально-коннотативные соответствия, Е. А. Торчинов объясняет каким образом, с какими привходящими смысловыми и операционными добавлениями, можно использовать терминологически-вербальные операторы (дух, материя, сознания, вещь, мир человека и мир истории... и сквозь какие горизонты данности они могут быть просвечены, т. е. прояснены (жизнь, смерть, бессмертие, государство, размерность циклов, естественность и недеяние, бессмертие, соприсутствие различных "уровней" друг в друге, полиморфизм и пустотность, действенность. Пристальное внимание Торчинов уделял (и постоянно к этому обращался вновь и вновь) «соотношению практических и сугубо теоретических аспектов в даосизме. Собственно, «теоретическое» собрано в небольшом и прекрасно всем известном тексте Дао-дэ-цзин учителя Лао. Однако само по себе прочтение (даже и на китайском языке, не говоря уже о переводах) – поэтически-метафорическое, умозрительно-рефлексивное, категориально-смысловое, да и непосредственно-семиотическое – не приблизит нас к пониманию и не позволит разгадать герменевтический ребус. В первую очередь, это формально-исторические аспекты – для даосизма характерны «полиморфность и многослойность, поскольку в исторической реальности даосизм существовал и существует лишь в качестве отдельных школ, направлений и линий преемственности и вне этих школ и направлений никакого даосизма никогда не было... В реальном историческом бытии все формы и структуры даосской деятельности и даосской традиции не только никогда не существовали обособленно, вне связи с другими, но и всегда активно взаимодействовали» [19, с. 151]. Но принципиально другое: «Тремя основными составляющими даосской традиции являются психофизиологические методы трансформации сознания и "пестования жизненности" (медитация, визуализация, гимнастика, дыхательные упражнения и сексуальная практика)» [19, с. 152]. И в качестве вывода: «Если говорить о структуре полиморфного и многоуровневого целого даосской традиции, то в ней можно выделить несколько основных составляющих: Различные формы "внутреннего делания" (медитация,

визуализации и т. п.); психопратические "техники экстаза"; Психофизиологические упражнения: двигательная и дыхательная гимнастика, сексуальная практика; Ритуально-литургическая деятельность; Лабораторная алхимия; Оккультно-магическая деятельность; Мыслительные техники; "философский" дискурс» [19, с. 158]. Акцентируем: мыслительные «техники», привычное для нас «собственно философское», поставлены на последнее место. Пять предшествующих позиций занимают организационно-практические «штудии» как индивидуального (из разряда «заботы о себе), так и коллективного (акцентированно литургически-магической направленности) характера. Симптоматично, что первым переводом Е. А. Торчинова была книга современного китайского исследователя Лу Куань Юя «Даосская йога. Алхимия и бессмертие», изданная на английском языке, которая в свою очередь была лишь англоязычной версией (по словам автора, «на простом английском языке») трактата «Тайны совершенствования сущностной природы и Вечной жизни», написанного даосским мастером Чжао Би-чэнем (род. 1860 г.) [21]. Отметим, что и все другие даосские тексты-трактаты, переведенные и изданные Е. А. Торчиновым, - это нечто вроде «практических рекомендаций» (объяснений, обоснований, наставлений, указаний). Медитации, визуализации («идеального»), гимнастика, дыхательные упражнения, сексуальная практика (коллективная в том числе), «эликсиры бессмертия» и прочее – все это и не теория, и не практика. Точнее – и то, и другое вместе, не бинарно-оппозиционное (даже и только в умозрительной рефлексии-абстракции) противостояние, и уж тем более – не распадающееся на индивидуальное и общественное (личное и государственное), но существующее в качестве «единого массива». Безусловно, философского (в том числе), ибо – при желании – поддающегося рассечению на отдельные метафизически-спекулятивные автономные составляющие, но при этом неминуемо теряющего «аутентичность» и превращающегося в «недофилософию».

Constructio. Когда в профессиональной научно-гуманитарной среде речь заходит о Е. А. Торчинове и его теоретическом вкладе, то чаще всего его наследие относят к религиоведению (как вариант: истории религий). Да и сам он квалифицировал свою дисциплинарную принадлежность таким же образом (наряду, разумеется, с востоковедением). Кроме того, до сего дня в издательских и библиографических каталогах его труды значатся именно под рубрикой «религиоведение»/«история религий», что, полагаем, не совсем корректно и с формальной, и с содержательной стороны. Так, М. М. Шахнович в своих многочисленных трудах по истории мирового, отечественного, и в частности петербургского, религиоведения, исчислившая/упомянувшая, а также досконально исследовавшая наследие едва ли ни всех, кто подвязался на сей профессиональной ниве от сотворения петербургского мира до сего дня и хоть каким-то боком прислонившегося мыслью волей обстоятельств к религии, о Е. А. Торчинове практически не упоминает. На наш взгляд, Торчинов-религиовед (только и в первую очередь) выглядит столь же нелепо, как и Торчинов-востоковед. Этим упрощается в угоду принятой в обиходе дисциплинарной дифференциации, деформируется, искажается и в итоге профанируется весь пафос познавательных усилий Евгения Алексеевича. Нельзя утверждать, что подобная профессиональная квалификация лишена основания. Отнюдь. Она лишь повторяет действующую автоматически классификационную модель новоевропейской системы знания. Маркировка «буддизм» или «даосизм» в культурном архиве в

первую очередь с религией. Соответственно, любые исследования оных прежде всего относятся к религиоведению. Для подведения под рубрику «философия» нуждается в дополнительной аргументации.

Даосизм – это то, к чему было приковано внимание Е. А. Торчинова со студенческих времен и до самой кончины. Это и докторская диссертация, и многочисленные лекционные курсы, под разными титулами прочитанные как у нас, так и за рубежом, это и переводы, и отдельные статьи, и выступления. Им было опубликовано несколько книг, переиздающихся под разными названиями и в различных текстовых сочетаниях-конфигурациях до сего дня, посвященных даосизму: «Даосизм. Опыт историко-религиоведческого описания» (1993); «Даосизм. Дао-дэ-цзин» (1999); «Даосские практики» (2001). Обратим внимание на то, что наряду с историческими очерками, посвященными развитию даосизма и фиксацией-характеристикой особенностей тех или иных направлений даосизма в определенные периоды времени, ученый не один раз повторяет, что несмотря на различные школы и направления, «говоря о содержательном наполнении даосского учения, следует прежде всего охарактеризовать его как целостную мировоззренческую систему. Подобная целостность, безусловно, присуща даосизму» [13, с. 81]. Показательно, что в даосизме мы не найдем ни разработанной гносеологической (логической) системы, ни психологически-антропологической проработки, равно как и хронологическую или логическую разнесенность на мифологические (дорефлексивные) и исторические (спекулятивные) структуры, а имеем дело всегда с некоей «архаически-синкретической» конструкцией. При этом доктринальная «рыхлость» и «аморфность» с легкостью сочетается с довольно жестким литургическим (культовым) символизмом, «смоделированным в соответствии с парадигмой психофизиологической ("внутренней") алхимии, поскольку в ритуале все этапы "внутренне-алхимического" действа приобретали вещественную демонстративность и пространственную протяженность» [13, с. 86]. Таким образом, «даосизм ... может рассматриваться в качестве сложного синкретического образования, включающего в себя религиозную философию, религиозную доктрину и психофизиотехнику, к которой непосредственно примыкает культовая ритуальная практика. Вместе с тем данные уровни не разграничены достаточно четко ни на уровне макроструктуры всего целого даосского учения, ни на уровне микроструктуры отдельного формообразующего элемента этого целого» [13, с. 87]. Другими словами, это некий идеологически-политически-теоретически-практический общественный конструкт, полиморфный по «качественному» составу, активно взаимодействующий с самыми разными регистрами реальности (коллективной, индивидуальной, идеальной или материальной) под разными «углами и сечениями». Аналитическому обзору того, каким образом и в каких привычных для нас интеллигибельных ландшафтах даосизм «вибрирует», посвящена большая часть первого раздела, где очень подробно «объясняется» характер отношений с народными верованиями, государством, космосом, «национальной религиозностью», имперской идеологией, конфуцианством и иными социально-политическими комплексами. Отдельный параграф посвящен специальному рассмотрению вопроса о том, насколько правомерна утвердившаяся с конца XIX в. традиция рассматривать «философский даосизм» и «даосизм религиозный». Ответ очевиден: неправомерна, ибо «чистая философия» (европейского типа) столь же несвойственная даосизму, как и «чистая религия» (религиоведческого расклада).

Даосизм – не единственный конструкт, на котором Е. А. Торчинов сосредоточил внимание. Столь же подробному и доскональному рассмотрению подвергся и другой, еще более масштабный, комплекс – буддизм [18]. При всем различии этих систем общая стратегия познавательного вторжения была аналогичной. Разумеется, она была реализована в совершенно иных дикурсивных и исторически-субстратных обстоятельствах. Однако общетеоретический пафос остался неизменным. Важно также отметить, что «философская самобытность» буддизма столь же не схожа с европейским опытом, как и с даосизмом.

Doctrina. В 1998 г. первым изданием вышла монография Е. А. Торчинова «Религии мира: опыт запредельного. Психотехника и трансперсональные состояния». Книга наделала много шума: реакция научно-гуманитарной академической среды была неоднозначной, что с лихвой компенсировалось восторгом у «широкой публики», в том числе и у причисляющих себя к «интеллектуальной элите». С того времени эта работа постоянно переиздается огромными тиражами. Случай небывалый, ибо сам жанр (научная монография) со всеми его стилистическими атрибутами предполагает, что текст будет циркулировать если не исключительно, то по большей части в сообществе профессионалов.

В аннотации значилось: «Монография является первой в отечественной, а в определенном отношении и в мировой науке попыткой представить религию в качестве целостного психологического феномена. Автор развивает и обосновывает принципиально новый, психологический подход к истолкованию феномена религии, исходя из понятия глубинного религиозного опыта как особой психологической реальности и активно используя разработки представителей трансперсональной психологии (С. Грофф и его школа)» [22, с. 2]. Безусловно, два обстоятельства во многом предопределили успех. Оба связаны с той ситуацией, которая сложилась в нашей стране в последнее десятилетие прошлого века: интеллектуальным хаосом, когда после краха и развенчания государственной официальной идеологической доктрины в образовавшийся вакуум хлынуло – в основном с Запада, множество разнообразных «течений» и «откровений». Маркируемые же в качестве «восточной продукции» также были по большей части уже основательно переработаны и адаптированы под западноевропейские мыслительно-операционные каноны. Буддизм – один самых притягательных «общественных сюжетов». Столь же популярным был на тот момент и С. Грофф, книги которого заполонили прилавки книжных магазинов: его моделирование психики посредством трансперсональной кодировки удачно наложилось на общую интеллигентскую моду на психоанализ (также еще не ставший повседневным обывательским фоном). Однако только этим объяснить внимание к работе Е. А. Торчинова было бы несправедливо: мода прошла, интерес остался.

Думается, что дело в оригинальности доктрины, которую предложил в качестве «объяснительной универсалии» ученый. Причем речь идет не об экстравагантном, на одобрение публики рассчитанном жесте, но о (возможном) познавательном маршруте, фундированном онтологически-антропологическими априори. И в качестве сопутствующего момента, значительной корректировки существующих канонических институций, в том числе религиоведения, в не меньшей степени – философии. Отсюда и «скандал с благородным семейством ученых». «Фундаментальная монография Е. А. Торчинова "Религии мира" занимает уникальное место и в его творческом наследии, и в истории российского религиоведения. С ее

выходом был связан не столько пересмотр едва ли сложившегося к тому времени отечественного религиоведения, сколько всплеск общественного интереса к религиоведческой теории. Не будет преувеличением сказать, что ни до, ни после в российской науке о религии не было более значительной обобщающей работы. Ее значимость не ограничивается академической традицией, но распространяется на общественное восприятие науки о религии: благодаря "Религиям мира" сравнительное религиоведение стало предметом более широкого интереса» [23, с. 111]. Справедливость этих слов несомненна: под вопрос ставилась незыблемость (а значит и эффективность) устоявшейся традиции отечественного религиоведения (и философии религии вообще), а также «общественного восприятия науки о религии» (т. е. процедуры легитимации научного знания как такового). Как значится на первых страницах работы: «Эта книга обязана своим появлением насущной необходимости не просто обратиться к рассмотрению тех или иных отдельных теоретических проблем религиеведения, сколь бы важными они ни были, а подвергнуть критическому анализу самые основы методологии религиоведческого исследования и его фундаментальные принципы. Данная необходимость обусловлена целым рядом факторов, связанных как с развитием различных областей гуманитарного знания, так и с результатами, полученными в смежных областях науки, прежде всего в психологии» [22, с. 1]. В первых же разделах работы подвергаются ревизии религиоведческие дефиниционные предустановки, которые априори расчерчивают дисциплинарное поле, тем самым предопределяют и «характер» интеллектуального вопрошания, и маршрут умозрительного скольжения, и итоговые результаты (добытые плоды – Fructis, т. е. собственно продукт-знание): понятия религии, религиозного опыта, магии, мифологии, ритуала, культа, теологии, религиозной доктрины. Благодаря этим вербальным операторам в институализированном религиоведении возможны лишь количественные прибавления (по одной и той же схеме, даже если исследование проводится с разных методологических и дисциплинарных сторон), но не качественные или радикальные прорывы. Каждую из рассматриваемых констант терминологического аппарата он подвергает «опросу» и доказывает, что все они не просто нуждаются в обновлении, но по сути своей являются лишь чистыми умозрительными конструктами, абсолютными спекуляциями, сформированными на основе европейского мыслительной опыта, и являются определенным «типом рефлексии». Если они и имеют отношение к реальности, но – ограниченной только пределами европейского воображения-представления, за пределами которой не просто искажают реальность и потому дают искаженную картину мира, но не имеют к ней, реальности, никакого отношения. «Наличие веры в Бога или богов также не может считаться сущностным признаком религии. Религии многообразны, и мы не можем подходить к ним, исходя из такого европоцентристского критерия, как наличие веры в Бога. ...критерием религиозности не может быть ни вера в сверхъестественное, ни наличие дуализма сакрального и профанного, ни вера в Бога, ни вера в бессмертие, ни просто вера, ни наличие культа» [22, с. 5] и пр. Подобными пассажами заканчивается рассмотрение каждой из общепринятых религиозно-философских констант. То же самое касается и общепринятой классификации религий: она не может быть универсальной, неизменной, раз и навсегда зафиксированной процедурной точкой отсчета. «Классификации могут быть весьма различны и тем не менее вполне адекватны. Можно предложить достаточно много классификаций

религий, и все они будут вполне корректны. Все зависит от принципа, положенного в основу классификации» [22, с. 5]. В основание собственной, абсолютно оригинальной классификации религий Е. А. Торчиновым кладется характер трансперсонального опыта, как он был зафиксирован в работах С. Гроффа: «Исходя из трансперсоналистической установки, мы можем классифицировать религии: а) по характеру и типу трансперсонального опыта, на котором они базируются, б) по степени его интенсивности и в) по характеру функционирования данного опыта и связанных с ним переживаний в традиции, что связано с вопросом о воспроизводимости этого опыта» [22, с. 43]. Последующие большие разделы книги являются аналитическим обзором основных религиозных систем, разделенных на три группы: ранние формы религии (мистериальные культы древности); мистерии смерти и воскресения: страдающие боги древнего Востока и античного мира; религии чистого опыта (даосизм, индуизм, буддизм); догматические религии откровения (библейская традиция). Отдельные главы отведены догматике и мистике в христианстве, а также профетизму и мистицизму в исламе (суфизму).

Не имеет смысла пересказывать работу: она доступна, она интересна. Остановимся лишь на некоторых, как представляется, существенных моментах. Дело не в том, прав был Е. А. Торчинов, применив трансперсональную схему С. Гроффа (академический научный авторитет которого в среде как отечественных, так и зарубежных ученых небезоговорочен), или не прав. Именно по этой позиции чаще всего и критикуют монографию «Религии мира»: аристотелевское строение мира ныне вызывает также лишь улыбку, что ничуть не колеблет его, Аристотеля, величие. Важнее другое и оно весьма существенно: те проблемы общерелигиоведческого и шире — общефилософского плана, которые в ней были артикулированы. Почти все их можно свести к общему основанию: неудовлетворенности тем типом умозрения, который сегодня является доминирующим (если не во всем мире, то в европейски ориентированном хотя бы в своих познавательных устремлениях). Если мы будем исходить из него, полагая в качестве тотальности-универсальности, то большая часть мира предстанет перед нами искаженной, а то и вовсе пропадет в сонме оглашенных, ютящихся в преддверии, или канет в варварскую нерасчлененную дикость.

Fructis. В заключение остановимся еще на трех текстах Е. А. Торчинова, изданных уже после его кончины: трансперсональный роман «Таинственная самка» [24], «Апостолы дракона: алхимический роман» [25] и «Китайская рапсодия: роман странствий и инициаций» (не закончен) [26]. Сам по себе факт того, что ученый-философ балуется беллетристикой, хоть и не является исключительным, но встречается нечасто: С. Кьеркегор, М. Элиаде, не говоря уже о тех, кто с тем или иным успехом подвязался на обоих фронтах – А. Камю, Ж. П. Сартр, Л. А. Сенека, Э. Канетти, Ж.-Ж. Руссо, М. де Унамуно, Д. Мережковский, И. В. Гете, У. Эко, Э. Блох, Т. Адорно и др. Хотя произведения изданы уже довольно давно (а первый – несколько раз переиздан), популярными они не стали ни в среде профессионалов (филологов, философов, религиоведов), ни у широкой публики. Вероятно, причина состоит в том, что, как и в случае с теоретическими работами Е. А. Трочинова, по отношению к которым вопросы типа «Востоковедение-ли то?», «Разве это религиоведение?», «Какое отношение эта работа имеет к философии?» и чей дискурсивно-дисциплинарный статус остается до сего дня непроясненным, так и в случае с его «романами»: «Да романы ли это?».

То есть насколько они соответствуют критериям романа-фикшн как они сложились за два последних столетия и даже в таких экстравагантных опусах, как романы А. Роб-Грийе или П. Клоссовского (в частности «Бафомет») остаются неизменными. С одной стороны, маркировка «роман» – авторская, т. е. эти опусы Е. А. Торчинов так и идентифицировал. Более того, немногие комментаторы-исследователи именно от этого, романного статуса, и отталкивались в своих рецензиях и оценках. И, надо сказать, что итоговый вердикт выходил не слишком лицеприятным для автора: «Конечно, первые два романа Торчинова, так и оставшиеся его единственными художественными произведениями, в значительной степени "сыроваты". Автор еще только нащупывает в них свой "беллетристический" стиль: много штампов из "научного" языка (иногда кажется, что востоковед Торчинов вообще забывает, что он пишет не научную монографию, а мистический детектив), неоправданно затянутые, несколько искусственные диалоги и т. д. и т. п. Но уже в этих первых его вещах просматриваются черты, характерные для настоящего писателя: умение создать незаезженный сюжет и запоминающиеся характеры героев, великолепное чувство юмора, грамотно развиваемая и нагнетаемая по ходу действия интрига» [24, с. 6]. Последний пассаж издателя выглядит подбадривающим новичка снисходительным утешением. Но Е. А. Торчинов не был новичком, осваивающим первичные навыки письма: за его плечами был колоссальный опыт знакомства с разного рода текстами (и своими, и не своими), и он прекрасно понимал и особенности жанра, и стилистические особенности. Развернутый – филологический, литературоведческий – анализ первого романа Торчинова предложили А. И. Кобзев и Н. А. Орлова в статье «В поисках Таинственной Самки. Комментарии к трансперсональному роману Евгения Торчинова в память о 10-летии его безвременной кончины»: «Объем "Таинственной самки" не велик (что делает причисление к романам несколько условным), однако этот небольшой текст открывает перед читателем огромное контекстуальное поле, поскольку, будучи, по словам самого автора, постмодерном, пропитан аллюзиями из разных философскорелигиозных традиций. Но этот культурный контекст – только один из смысловых пластов романа. Используя понятие современной физики в качестве метафоры, можно сказать, что он сделан как "ловушечная поверхность", попав в которую, мысль оказывается во власти сил тяготения текста и возвращается к нему вновь и вновь» [27, с. 495]. Все выделенное в этой статье – постмодернисткие «пласты» и разного рода «текстуальности», этимологические и персоналистские аллюзии, мифонумерологический, архитипический, психоаналитический, текстологический уровни (к которым с таким же успехом можно было бы добавить вполне филологически правоверные мотивный строй, образный ряд, характеристики персонажей, тематически-проблемную составляющую и ее художественно-поэтическую реализацию, портреты персонажей, не говоря уже о вынесенном в подзаголовок (а потому сквозном) трансперсональном маркере и т. п. – все это, повторим, имеет место, или... нашлось бы. Однако, думается, что дело совсем в другом: все три текста по существу – не романы, не фикшн и не экшн.

Предложим свой вариант – нет, не интерпретации, толкования или разбора текста, – но «подхода» или возможный (один из, не более того) настрой «оптики» восприятия. Перед нами два (третий, как незаконченный, в расчет не принимаем) текстуальных массива. Оба целостны и замкнуты на самих себе, обладают сквозным единством, а также автономны.

Разумеется, они скомпонованы из отдельных сегментов, которые можно распределить/раскидать по разным классификационным ячейкам (провести своего рода «бухгалтерскую аналитику»), количество и характер которых целиком и полностью зависят от принципов, положенных в основание классификации: слова; образы; мотивы; персонажи, риторические фигуры, каузальные и логические «связки»; символические ландшафты, смыслы, микро- и макронаррации, ближайшие (ассоциативные) или отделенные (коннотации-деннотации) аллюзии, типы реальности, стилистики повествования, константные или «мигрирующие» образы, интертекстуальные «архивы» (вводимые в игру) и т. д. и т. п. До бесконечности. Среди таковых оснований-принципов, безусловно правомерным является распределение по возможным дискурсивным практикам или, как вариант, дисциплинарной принадлежности. Однако все это – не «акты жизни» текста, но – нашего умозрения, в основании которого лежат иные, привходящие по отношению к самим массивам, принципы организации и функционирования. Это надо иметь ввиду в первую очередь. Во-вторую: сам (целостный) текст и его автор, «его мир», который мы, разумеется, реконструировать не сможем никогда, но по отдельным сохранившимся и задокументированным результатам-следам в состоянии «вообразить». Е. А. Торчинов всю жить имел дело с восточными (китайскими) текстами, которые также можно разложить (и Торчинов сам этим с успехом занимался) по различным основаниям в зависимости от той или иной производственной нужды. Правомерно предположить, что когда этот диктат спадал (напомним: романы при жизни не были опубликованы и целиком представлены публике), то обреталась «максимальная свобода выражения». И она осуществлялась «в восточном стиле», т. е. вне каких-либо европейских канонов предзаданности. Дисциплинарных в том числе. А потому перед нами – и роман (поэтическое повествование), и дидактическое наставление, и религиозно-мистическое откровение, и идеологически-гротескный шарж, и забавный назидательный анекдот, и метафорическая «фиксация реальности» (хроника дней и ночей), и, разумеется, в том числе, если не в первую очередь, – философский трактат. Ну а воспринимать эти текста лучше всего «непосредственно», без всяких «схем и ожиданий», тем самым получать наслаждение. Если получится. Коль придется по душе.

Заключение. Подведем краткий итог всему сказанному. Восток, философский восток, философия Востока – все это на сегодняшний день почти полностью закрытые для нас континенты. И континенты – бескрайние, необходимость освоения которых вошла в реестр насущных и первостепенных политически-государственных задач. Пренебрежение к исследованию Востока, свойственное отечественной науке, во многом воспроизводящей интонацию «науки вообще» (как западноевропейской эпистемологической программы), обусловлено многими причинами. Среди которых едва ли ни на первом месте стояла культурноидеологическая ориентация: самый пристальный взгляд был направлен в прорубленное Петром I окно на Запад, на долю же взгляда на Восток выпадало лишь решение текущих обиходных для государственного строительства задач (своего рода «материальное обеспечение»). Философия, восточная философия – один из примеров подобной установки. Среди других причин: сложности усвоения-потребления-понимания-изучения-постижения. И вообще Востока, и философии Востока – в частности. Сложность освоение восточных языков –

не главное препятствие. Гораздо принципиальнее эпистемологическая предустановка, определенная настроенность познавательного аппарата, функционирующего в кодировках научной систематики/парадигмы. При ее использовании мы, безусловно, можем получить некоторую информацию, но не более того, в свете которой все восточное – лишь «преддверие», некий примитивный субстрат. Однако никакого иного аппарата – во всяком случае в пределах легитимного академического знания – до совсем недавнего времени мы не имели (или не использовали по тем или иным причинам), свято полагаясь на универсальность применяемого инструментария. Поэтому волей или неволей всякий познавательный жест, направленный в сторону Востока, обречен отталкиваться от уже практикуемой размерности и ее воспроизводить. Вероятно, так будет продолжаться еще какое-то время. Возможность, но не гарантированная продуктивность такой, почти что тотальной перекодировки подтверждается уже существующими на данный момент прецедентами, среди которых труд Е. А. Торчинова – один из самых выразительных примеров. В философском же ведомстве – и вовсе уникальный.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1. История отечественного востоковедения до середины XIX века / отв. ред. Г. Ф. Ким, П. М. Шаститко. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1990.
- 2. Бартольдъ Р. История изучения Востока въ Европе и въ России. Леции, читанныя въ Имп. С.-Петербургском Университете. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1911.
- 3. Востоковедению в Санкт-Петербурге 150 лет: продолжение следует... // PAH. URL: http://www.ras.ru/digest/showdnews.aspx?id=4f7d30dc-672f-4ec4-93d7-b908c57f99e2 (дата обращения: 15.10.2022).
- 4. История института // Институт востоковедения PAH. URL: https://www.ivran.ru/about-institute/history (дата обращения: 15.10.2022).
- 5. Кузнецова Н. А., Кулагина Л. М. Из истории советского востоковедения 1917–1969. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1970.
- 6. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология: введение в феноменологическую философию / пер. с нем. Д. В. Скляднева. СПб.: Владимир Даль, 2004.
- 7. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / пер. с фр. Н. А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998.
 - 8. Гегель Г. В. Ф. Лекции по истории философии / пер. с нем. Кн. 1. СПб.: Наука, 1993.
- 9. Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? / пер. с фр. и послесл. С. Н. Зенкина. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998.
- 10. Восточная философия // Книгогид. URL: https://knigogid.ru/genres/471-vostochnaya-filosofiya (дата обращения: 15.10.2022).
- 11. Институту восточных рукописей PAH. URL: http://www.orientalstudies.ru/rus/index.php?id =2248&Itemid=137&option=com_content&task=view (дата обращения: 15.10.2022).
- 12. Кий Е. А. Список научных и учебно-методических трудов Евгения Алексеевича Торчинова // Религиоведение и востоковедение: первые Торчиновские чтения: материалы науч. конф., СПб., 20–21 февр. 2004 г. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. С. 135–158.
- 13. Торчинов Е. А. Т Даосизм. «Дао-Дэ цзин». 2-е изд. / пер. Е. А. Торчинова. СПб.: Азбука-классика: Петербургское Востоковедение, 2004.
- 14. Гэ Хун. Баопу-цзы / пер. с кит., коммент., предисл. Е. А. Торчинова. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1999.
- 15. Чжан Бо-дуань. Главы о прозрении истины. У чжэнь пянь / предисл., пер. с кит., коммент. Е. А. Точинова. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1994.

- 16. Цзун-ми. Чаньские истины / предисл., пер. с кит., коммент. Е. А. Торчинова, К. Ю. Солонина. СПб.: Издательство СПбГТУ, 1998.
- 17. Хун-Жэнь. Пятый чаньский патриарх. Трактат об основах совершенствования сознания (Сю синь яо лунь) / предисл., пер. с кит., коммент. Е. А. Торчинова. СПб.: Дацан Гунзэчойнэй, 1994.
 - 18. Торчинов Е. А. Введение в буддологию. СПб.: СПб философское общество, 2000.
- 19. Торчинов Е. А. Даосский «проект» глазами синолога начала третьего тысячелетия // Путь Востока: межкультурная коммуникация: материалы VI молодежной науч. конф. по проблемам философии, религии, культуры Востока. Вып. 30. СПб.: СПб философское общество, 2003. С. 148–158.
- 20. Торчинов Е. А. Пути философии Востока и Запада: познание запредельного. СПб.: Азбука-классика: Петербургское Востоковедение, 2005.
- 21. Лу Куань Юй. Даосская йога. Алхимия и бессмертие / пер. с англ. Е. А. Торчинова. СПб.: Орис, 1993.
- 22. Торчинов Е. А. Религии мира: опыт запредельного. Психотехника и трансперсональные состояния. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1998.
- 23. Пахомов С., Рахманин А., Светлов Р. Творческое наследие Евгения Торчинова и особенности его типологии религий // Государство–религия–церковь. 2013. № 3 (31). С. 110–129.
- 24. Торчинов Е. А. Таинственная самка: трансперсональный роман. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2013.
- 25. Торчинов Е. А. Апостолы дракона (алхимический роман) // Архив российской китаистики. Т. IV. М.: Институт востоковедения РАН, 2016. С. 690–771.
- 26. Торчинов Е. А. Китайская рапсодия (роман странствий и инициаций) // Архив российской китаистики. Т. IV. М.: Институт востоковедения РАН, 2016. С. 772–814.
- 27. Кобзев А. И., Орлова Н. А. В поисках Таинственной Самки. Комментарии к трансперсональному роману Евгения Торчинова в память о 10-летии его безвременной кончины // Архив российской китаистики. Т. II. 2013. М.: Наука Восточная литература, 2013. С. 495–517.

Информация об авторе.

Соколов Евгений Георгиевич — доктор философских наук (2002), профессор кафедры Русской философии и культуры института философии Санкт-Петербургского государственного университета, Менделеевская линия, д. 5, Санкт-Петербург, 199034, Россия. Автор 4 монографий и более 200 научных статей. Сфера научных интересов: современная культура, русская и советская философия, история общественной мысли.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось. Поступила 10.10.2022; принята после рецензирования 24.10.2022; опубликована онлайн 23.12.2022.

REFERENCES

- 1. *Istoriya otechestvennogo vostokovedeniya do serediny XIX veka* [The history of Russian Oriental studies until the middle of the XIX century] (1990), Kim, G.F. and Shastitko, P.M (executive eds.), Nauka. Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury, Moscow, RUS.
- 2. Bartol'd, R. (1911), *Istoriya izucheniya Vostoka v Evrope i v Rossii. Letsii, chitannyya v Imp. S.-Peterburgskom Universitete* [The history of the study of the East in Europe and in Russia. Lectures delivered at the St. Petersburg University], St. Petersburg, Tipografiya M. M. Stasyulevicha, RUS.
- 3. "150 years of Oriental studies in St. Petersburg: to be continued...", *RAS*, available at: http://www.ras.ru/digest/showdnews.aspx?id=4f7d30dc-672f-4ec4-93d7-b908c57f99e2 (accessed 15.10.2022).
- 4. "History of the Institute", *Institute of Oriental Studies RAS*, available at: https://www.ivran.ru/about-institute/history (accessed 15.10.2022).

- 5. Kuznetsova, N.A. and Kulagina, L.M. (1970), *Iz istorii sovetskogo vostokovedeniya 1917-1969* [From the History of Soviet Oriental Studies 1917-1969], Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury, Moscow, USSR.
- 6. Husserl, E. (2004), *Die Krisis der europaischen wissenschaften und die transzendentale phanomenologie*, Transl. by Sklyadnev, D.V., Vladimir Dal, SPb., RUS.
- 7. Lyotard, J.-F. (1998), *La condition postmoderne*, Transl. by Shmatko, H.A., Institut eksperimental'noi sotsiologii, Aleteiya, SPb., Moscow, RUS.
- 8. Hegel, G.V.F. (1993), *Vorlesungen über die Philosophie der Weltgeschichte*, Band 1, Transl., Nauka, SPb., RUS.
- 9. Deleuze, G. and Guattari, F. (1998), *Qu'est-ce que la philosophie?*, Transl. by Zenkin, S.N., Institut eksperimental'noi sotsiologii, Aleteiya, SPb., Moscow, RUS.
- 10. "Eastern philosophy", *Knigogid*, available at: https://knigogid.ru/genres/471-vostochnaya-filosofiya (accessed 15.10.2022).
- 11. *The Institute of Oriental Manuscripts RAS*, available at: http://www.orientalstudies.ru/rus/index.php?id=2248&Itemid=137&option=com_content&task=view (accessed 15.10.2022).
- 12. Kii, E.A. (2004), "List of scientific and educational works of Evgeny Alekseevich Torchinov", *Religiovedenie i vostokovedenie: pervye Torchinovskie chtenija* [The first Torchin readings. Religious studies and Oriental studies], SPb., RUS., Feb 20-21 2004, pp. 135–158.
- 13. Torchinov, E.A. (2004), *Daosizm. "Dao-Dje czin"* [Daoism. "Dao-Dje czin"], Transl. by Torchinov, E.A., Azbuka-klassika, Peterburgskoe Vostokovedenie, SPb., RUS.
- 14. Ge Khun (1999), *Baopu-tszy* [Baopu-czy], Transl. by Torchinov, E.A., Peterburgskoe Vostokovedenie, SPb., RUS.
- 15. Chzhan Bo-duan (1994), *Glavy o prozrenii istiny. U chzhen' pyan'* [Chapters on the Epiphany of Truth. U chzhjen' pjan], Transl. by Torchinov, E.A., Peterburgskoe Vostokovedenie, SPb., RUS.
- 16. Czun-mi (1998), *Chan'skie istiny* [Chan Truths], Transl. by Torchinov, E.A. and Solonin, K.Ju., SPbSU, SPb., RUS.
- 17. Hun-Zhjen, Pjatyj chan'skij Patriarh (1994), *Traktat ob osnovakh sovershenstvovaniya soznaniya* (Syu sin' yao lun') [A treatise on the foundations of the cultivation of consciousness (Syu sin' yao lun')], Transl. by Torchinov, E.A., Dacan Gunzjechojnjej, SPb., RUS.
- 18. Torchinov, E.A. (2000), *Vvedenie v buddologiyu* [Introduction to Buddhology], SPb. filosofskoe obshhestvo, SPb., RUS.
- 19. Torchinov, E.A. (2003), "Daoist "project" through the eyes of a sinologist of the beginning of the third millennium", *VI Molodezhnoi nauch. konf. po problemam filosofii, religii, kul'tury Vostoka* [VI Youth scientific. conf. on problems of philosophy, religion, culture of the East], *Put' Vostoka: mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Path of the East: intercultural communication], iss. 30, SPb. filosofskoe obshhestvo, SPb., RUS.
- 20. Torchinov, E.A. (2005), *Puti filosofii Vostoka i Zapada: poznanie zapredel'nogo* [Ways of philosophy of the East and West: knowledge of the beyond], Azbuka-klassika, Peterburgskoe Vostokovedenie, SPb., RUS.
- 21. Lu Kuan' Yui (1993), *Daosskaya ioga, alkhimiya i bessmertie* [Taoist Yoga, Alchemy and immortality], Transl. by Torchinov, E.A., Oris, SPb., RUS.
- 22. Torchinov, E.A. (1998), *Religions of the World: Experience of the Transcendence: Transpersonal States and Psychotechnique*, Petepbypgskoe Vostokovedenie, SPb., RUS.
- 23. Pahomov, S., Rakhmanin, A. and Svetlov, R. (2013), "The Scientific Legacy of Evgeny Torchinov and His Typology of Religions", *State, Religion and Church*, no. 3 (31), pp. 110–129.
- 24. Torchinov, E.A. (2013), *Tainstvennaya samka: transpersonal'nyi roman* [The mysterious female: a transpersonal novel], Gumanitarnaja Akademija, SPb., RUS.
- 25. Torchinov, E.A. (2016), "The Apostles of the Dragon (alchemical novel)", *Arkhiv rossiiskoi kitaistiki* [Archive of Russian sinology], vol. IV, Institute of Oriental Studies of the RAS, Moscow, RUS, pp. 690–771.

- 26. Torchinov, E.A. (2016), "Chinese rhapsody (novel of wanderings and initiations)", *Arkhiv rossiiskoi kitaistiki* [Archive of Russian sinology], vol. IV, Institute of Oriental Studies of the RAS, Moscow, RUS, pp. 772–814.
- 27. Kobzev, A.I. and Orlova, N.A. (2013), "In search of a Mysterious Female. Comments on the transpersonal novel by Evgeny Torchinov. In memory of the 10th anniversary of his untimely death", *Arkhiv rossiiskoi kitaistiki* [Archive of Russian sinology], vol. II, Nauka Vostochnaya literatura, Moscow, RUS, pp. 495–517.

Information about the author.

Yevgeny G. Sokolov – Dr. Sci. (Philosophy) (2002), Professor at the Department of Russian philosophy and culture at the Institute of Philosophy, Saint Petersburg State University, 5 Mendeleevskaya line, St Petersburg 199034, Russia. The author of 4 monographs and more than 200 scientific articles. Area of expertise: modern culture, Russian and Soviet philosophy, history of social thought.

No conflicts of interest related to this publication were reported. Received 10.10.2022; adopted after review 24.10.2022; published online 23.12.2022.

Социология Sociology

Оригинальная статья УДК 316.334.52 http://doi.org/10.32603/2412-8562-2022-8-6-57-71

Региональная «социология без социологов» в Среднем Поволжье в советский период

Мансур Вилевич Кильдеев

Республиканский центр молодежных, инновационных и профилактических программ «Навигатор», Казань, Россия, makhmud_e@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0003-4353-8380

Введение. Рассматриваются обстоятельства возникновения региональной социологии во времена СССР. Для описания этого многовариантного и нелинейного процесса применено понятие «социология без социологии». Им обозначают научно-социологическую деятельность без участия профессионального социологического сообщества. Приводятся причины существования «социологии без социологов» в советском, а затем в российском обществознании.

Методология и источники. Автор опирается на категориальный аппарат, применяемый в современной европейской социологии для описания аномального состояния науки (Р. Альберг, Н. Верт, И. Маттес). Для описания вариантов эволюции региональной социологии использована концепция «публичной социологии» М. Буравого. Основным методом исследования является анализ документальных источников советского периода. В научный оборот введены новые, ранее не изученные архивные документы.

Результаты и обсуждение. Изучаемый предмет подробно рассмотрен на материале массовых обследований состояния религиозности населения, которые были инициированы и осуществлены партийными органами Татарской АССР и Куйбышевской области в 1964–1966 гг. Итоги этих дилетантских обследований послужили фундаментом для развития социологии в регионе. В статье показано, что на всем протяжении существования «легальной» региональной социологии параллельно ей существовали различные формы «социологии без социологов». Специфика советского периода заключалась в том, что такая социология соответствовала ожиданиям части партийных кругов, ответственных за идеологию.

Заключение. Применение понятия «социология без социологов» имеет большое значение для осуществления демаркации научных и ненаучных форм социологической деятельности.

Ключевые слова: региональная социология, «социология без социологов», социологические ассоциации

Для цитирования: Кильдеев М. В. Региональная «социология без социологов» в Среднем Поволжье в советский период // ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 6. С. 57–71. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-6-57-71.

© Кильдеев М. В., 2022

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License. This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Original paper

Regional "sociology without sociologists" in the Middle Volga Region in the Soviet Period

Mansour V. Kildeyev

Republican Center for Youth, Innovative and Preventive Programs "Navigator", Kazan, Russia, makhmud_e@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0003-4353-8380

Introduction. The article analyzes circumstances of the emergence of regional sociology in the Soviet era. To describe this phenomenon, the author applies the concept of "sociology without sociology". This idiom means scientific and sociological activity without the participation of the professional sociological community and describes this multivariate and non-linear process. The author also describes the reasons of existence of "sociology without sociologists" in Soviet and then in Russian social sciences.

Methodology and sources. The category "sociology without sociologists", used by R. Ahlberg, N. Werth, and J. Matthes describes the abnormal state of science. In addition, the author uses the concept of "public sociology" by M. Burawoy to determine the vectors of evolution of Soviet and Russian regional sociology. The main research method is the analysis of documentary sources of the Soviet era. Also new, previously unexplored archival documents have been introduced into scientific circulation.

Results and discussion. The studied issue is examined on the ground of mass surveys of the state of religiosity of the population, which were initiated and carried out by the party bodies of the Tatarstan ASSR and Kuybishev area in 1964–1966. The results of those amateurish surveys served as a foundation for the development of sociology in the region. The article shows that throughout the existence of the "legal" regional sociology, in parallel with it, there were various forms of "sociology without sociologists". The specificity of the Soviet period was that the existence of "sociology without sociologists" met the expectations of some CSPU circles, responsible for ideology tasks.

Conclusion. The application of the category "sociology without sociologists" is of great importance for the implementation of the demarcation of scientific and non-scientific forms of social knowledge.

Keywords: regional sociology, "sociology without sociologists", sociological associations

For citation: Kildeyev, M.V. (2022), "Regional "sociology without sociologists" in the Middle Volga Region in the Soviet Period", *DISCOURSE*, vol. 8, no. 6, pp. 57–71. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-6-57-71 (Russia).

Введение. Выражение «социология без социологов» будет понятно всем, кто когдалибо изучал курс истории социологии. Известно, что не все выдающиеся ученые, внесшие вклад в становление науки, могут считаться социологами, по крайней мере в сегодняшнем понимании. Труды многих ученых прочно вошли в историю социологии, но либо отнесение их к рядам социологов по сей день вызывает споры (О. Конт), либо они сами не идентифицировали себя с социологией (К. Маркс). Это объясняется относительной молодостью социологии как науки, подвижностью ее дисциплинарных границ и методологической базы. Разумеется, формальное наличие у автора профильного образования не может считаться основным признаком принадлежности к научной дисциплине.

На заре возрождения советской социологии реальность ситуации «социология без социологов» рефлексировалась ученым сообществом на уровне социологической публици-

стики. На страницах социологической рубрики «Литературной газеты» констатировалось, что «в СССР нет ни одного профессионально подготовленного социолога», с видимым упреком в сторону союзного министерства высшего и среднего профессионального образования, которое отказывало социологии в праве быть вузовской дисциплиной [1]. Сегодня любят употреблять выражение «социология без социологов», когда хотят подчеркнуть недостаточный профессионализм социологов-практиков или когда их функции берут на себя более деятельные представители других дисциплин. В западноевропейской традиции, где профессиональное поле защищено от недобросовестной конкуренции профессиональными ассоциациями, о «социологии без социологов» говорят, имея в виду угрозу со стороны реформируемого высшего образования, которое предлагает академической социологии невооруженных социологическими знаниями дилетантов [2].

Изучаемое явление рассматривается как часть истории региональной («провинциальной») советской, а теперь российской социологии. Изучение данной темы особенно важно с точки зрения необходимости демаркации между научным социологическим знанием и смежными, нередко ненаучными формами обществознания. Проблема демаркации социологического знания в отечественной социологии не решена ни теоретически, ни практически.

Методология и источники. Автор опирается на категориальный аппарат, применяемый в современной европейской социологии для описания аномального состояния науки. С точки зрения европейского обществознания обозначение «социология без социологов» особенно органично выглядит для позднесоветской социологии. Западногерманский социолог Р. Альберг в 1989 г. писал, что социологией, на которую возлагаются огромные надежды по усовершенствованию переживающей кризис советской системы, начиная с 1960-х занимаются энтузиасты – непрофессионалы, не обучавшиеся специальности в университетах [3]. Французский историк Н. Верт называет «социологию без социологов», сложившуюся вследствие недостатка квалифицированных специалистов в сфере социальных наук, одной из четырех главных болезней советской социологии [4, с. 100–101].

Автором статьи ставится цель выявления фактов существования указанного явления в условиях Среднего Поволжья. Требуется также прояснить институциональные условия, способствующие возникновению данного явления. Предметом данной статьи стали не широко известные исследования, проведенные в регионах и вошедшие в историю отечественной науки [5–8 и пр.], а сравнительно малоизвестные проекты, выполненные в целях научно-атеистического воспитания в 1960–1970 гг.

История социологии в СССР изучена достаточно подробно для того, чтобы рассматривать ее как историю взаимодействия государственно-партийного аппарата и различных групп академического сообщества в крупнейших научных центрах страны (Москва, Ленинград, Новосибирск, Киев и др.). В таком виде построено изложение, например, в фундаментальном труде Б. М. Фирсова, где региональной социологии уделено не более, чем полстраницы [9, с. 97]). Применительно к Среднему Поволжью и Приуралью данная схема нефункциональна, прежде всего, по причине слабой институционализации дисциплины. Здесь базовыми социологическими структурами были лаборатории при научно-исследовательских секторах вузов. К работе лабораторий привлекалось большое число обществоведов, но, как правило, их участие ограничивалось общественными началами или работой по хоздоговорам.

Отсутствие полноценных социологических структур не способствовало сохранению и аккумуляции научного наследия первых социологических поколений. Историография региональной социологии крайне слабо отражена в открытых источниках, недостаточно исследована, представлена в основном мемуарной литературой. Исключение составляет Республика Башкортостан, где в 2002 г. вышла уникальная коллективная монография «Социологическая наука и социологическое образование в Республике Башкортостан» [10], написанная в основном силами ветеранов социологического движения. Что касается последнего десятилетия, то следует отметить, что тема возрождения региональной социологии окончательно отошла в тень в связи со сменой поколений ученых.

Для описания эволюции региональной социологии применена концепция «публичной социологии» М. Буравого, в центре которой находится идея активного участия социолога в общественных изменениях [11]. Для Буравого, который в начале 1990-х изучал российский социум на практике, аномальной представляется типичная для советских, а затем российских реалий ситуация, когда социолог выступает клиентом государственного заказчика, а не наоборот. Буравой полагает, что движение к «публичной социологии» является насущной целью для социологов постсоветских государств.

Основным методом исследования является анализ документальных источников советского периода. В научный оборот введены новые, ранее не изученные партийные документы КПСС, относящиеся к 1960 гг., которые проливают свет на обстоятельства появления региональной социологии.

Результаты и обсуждение. На наш взгляд, диагноз Альберга и Верта верен лишь отчасти. Отсутствие социологии в номенклатуре вузовских специальностей не означало, что такого образования в СССР совсем не было. Специалисты получали социологическую подготовку в различных факультативных формах. Например, в Татарской АССР в позднесоветские, доперестроечные времена действовали двухгодичные курсы при «факультете общественных профессий» Казанского университета, двухгодичная «школа социологов» при Доме политпросвещения, «школы социолога» для заводских специалистов в Казани и Набережных Челнах [12]. Социологи профессионально формировались во многом путем самообразования, осваивая теорию и методику по издававшимся в те годы переводным работам и книгам советских авторов (которые даже при немалых тиражах быстро становились библиографической редкостью). Благодаря этому в нашей стране, начиная с 1960-х гг. появилось идентифицирующее себя с социологией профессиональное сообщество, несмотря на то что социология не была до конца признана как наука.

На наш взгляд, «социология без социологов» — это научно-исследовательская деятельность без участия представителей соответствующего научного сообщества. Под это определение подпадает часть исследований, развернутых в начале и в середине 1960-х гг. В тот исторический период возникла потребность в научных социологических исследованиях и квалифицированных кадрах, способных изучать массовые явления в советском обществе. Самые первые опросы начались, когда социология только вступила в фазу легализации, а социологические исследования в различных общественных сферах требовались уже сегодня.

Фактом, подтверждающим существование «социологии без социологов» в Среднем Поволжье, служат обследования религиозности населения в середине 1960-х гг. Отправной

точкой, давшей начало социологическому изучению религиозности населения, следует считать Постановление ЦК КПСС «Мероприятия по усилению атеистического воспитания населения» от 02.01.1964. Этим документом партийным комитетам и первичным парторганизациям совместно с профсоюзными и комсомольскими комитетами было предписано «разобраться с состоянием религиозности в каждом населенном пункте и коллективе». Поручение толковалось в смысле необходимости изучения религиозности. Партийные органы на уровне областных комитетов приступили к проведению опросов среди населения.

Первый, дебютный опыт исследований в Среднем Поволжье и их дальнейшие перспективы были обсуждены на Всероссийском семинаре по научно-атеистической пропаганде в Казани в 1965 г. В работе семинара участвовали идеологические работники: лекторы районных, областных комитетов партии и общества «Знание». Опытом полевой работы с участниками семинара поделился руководитель лекторской группы Татарского обкома КПСС А. Н. Калаганов. Его доклад дает нам некоторое представление о том, при каких обстоятельствах появилась региональная социология.

Исследования, как было сказано, были инициированы «сверху». Перед атеистической секцией идеологической комиссии Татарского обкома КПСС была поставлена амбициозная задача: «знать географию распространения верований и дать анализ ее распространения» [13, л. 82]. Самодеятельным социологам предстояло решить многочисленные организационно-методические проблемы. Исследовательская деятельность затруднялась тем, что центров, которые осуществляли бы методическое консультирование и руководство массовыми опросами, не существовало. Докладчик сообщает, что на тот момент в стране вообще не было легальной социологии: «Сложность в том, что по Союзу нет единой рекомендации, по которой мы могли бы по одной оценке дать общую картину» [13, л. 87].

Группа выработала собственную, во многом дилетантскую методику. Была спроектирована сплошная, серийная (гнездовая) выборка. На первой ступени в каждом из районов республики было предложено отобрать по 3–4 типичных по национальному составу населенных пункта: с татарским, русским, инонациональным или смешанным населением. Типичная единица должна была обладать усредненной для данного района величиной по количеству дворов, типичным для района экономическим состоянием хозяйства. Отбираемые населенные пункты не должны быть сосредоточены в одной местности, требовался их разброс по всему району. Этими мерами достижение репрезентативности и ограничивалось. Статистическая проверка репрезентативности выборочной совокупности не проводилась. Само понятие репрезентативности в советском обществоведении на тот момент практически не применялось.

Первым обследованием было охвачено около 70 тыс. человек в 370 населенных пунктах республики¹. Взрослое население отобранных с точки зрения типичности для данной местности населенных пунктов подвергалось сплошному обследованию. В качестве метода сбора информации предпочтение было отдано анкетному интервью.

Помимо сомнительной статистической репрезентативности, второй слабой стороной являлась теоретическая неопределенность основного понятия. На шкале отношения к религии оказалось всего два деления: верующие и неверующие. К верующим рекомендовалось

Региональная «социология без социологов» в Среднем Поволжье в советский период Regional "sociology without sociologists" in the Middle Volga Region in the Soviet Period

¹ По другим данным – 79 тыс. чел. в 380 населенных пунктах [14, с. 121].

относить людей, чье сознание находится под влиянием религии в значительной мере [13, л. 87]. И наоборот, тех, у кого религия не занимает большого места в жизни, относили к неверующим. Понимание исследователями религиозности оказалось слишком расплывчатым и операционально сложным для «обследователей» (интервьюеров), которым предписывалось самостоятельно фиксировать мировоззренческие ориентации респондентов. В некоторых случаях обследователи смешивали конфессиональную идентичность с этнической. Выводы о религиозности анкетерами зачастую делались только по внешним признакам – по наличию в доме «предметов религиозного культа»: икон или шамаилей.

Первый опыт был самими исследователями признан неудачным: во-первых, у них отсутствовало теоретическое представление о том, что представляет собой религиозность (Калаганов делает вывод, что «к этому серьезному делу надо подготовить людей, которые могли бы дать правильную оценку, верующий человек или неверующий» [13, л. 83]); вовторых, примененная методика оказалась одновременно и «наивной», и «неверной».

Через год, в 1965 г., с учетом допущенных ошибок и недостатков тем же коллективом было проведено новое выборочное обследование. Оно охватило 30 сельских районов республики и два городских района г. Казани. Всего было обследовано 127 населенных пунктов, 37 производственных коллективов и 87 многоквартирных домов¹. В итоге было выявлено 8500 верующих, что составило 16,5 % от всей совокупности. Религиозность среди русских оказалась на 2 % выше, чем среди татар [13, л. 88]. У 5500 опрошенных в доме имелись иконы или шамаили.

Достойно внимания то, как в этот раз был проработан вопрос конфессиональной идентификации респондентов. К числу верующих посоветовали отнести три категории: «тех, чье сознание находится в значительной степени под влиянием религии»; «тех, у кого религия не занимает большого места в жизни, хотя и является частью мировоззрения»; «тех, кто по существу в бога не верует, но по традиции, по инерции соблюдает религиозные обряды». Элегантно, со ссылкой на партийные установки было обосновано несколько спорное отнесение к верующим последней категории, которую обычно причисляли к колеблющимся или к неверующим: «Партия ставит своей задачей не только борьбу с религией как антинаучной идеологией, но и порожденными ею предрассудками, обычаями и традициями» [14, с. 123].

Нами обнаружен отчет об одном из 30 районов, направленный в идеологический отдел Татарского обкома райкомом Мензелинского района. В декабре 1964 г. в 50 населенных пунктах этой административной единицы изучалась религиозность населения. В качестве исполнителей привлекались комсомольские активисты, члены агитколлективов, работники культурно-просветительских учреждений. Из 9211 опрошенных назвали себя верующими 1723 или 18,7 % [15, л. 6]. Был не только проведен опрос, но и сделана статистическая сводка по району и по отдельным населенным пунктам. Содержательные итоги предвосхитили тот контекст, в котором интерпретировались социологические данные в последующие десятилетия. Был зафиксирован преимущественно пожилой возраст верующих (лиц младше 40 лет среди верующих — 2,7 %), их низкий образовательный («все малограмотные») и социальный статус (колхозники и пенсионеры).

-

 $^{^{1}}$ По другим сведениям – 127 населенных пунктов, 37 производственных коллективов и 78 многоквартирных жилых домов [14, с. 123].

В соседней с Татарстаном Куйбышевской области социологическим назван выборочный похозяйственный опрос, проведенный в 1966 г. районным комитетом КПСС Похвистневского района. Опрос проходил в двух колхозах — татарском и мордовском, где обследованию подверглись примерно по 100 домохозяйств. Судя по основным выводам, организаторов интересовали такие вопросы, как неполное участие трудоспособного населения, прежде всего женщин, в колхозном производстве и неэффективность лекционной пропаганды, которую вели среди сельского населения лекторы из районного и областного центров [16].

Обследования в районах ТАССР и Куйбышевской области в 1964–1966 гг. можно отнести к «социологии без социологов», или к «предсоциологии», поскольку они оказали существенное влияние на последующие исследования. В этих обследованиях были применены стихийные, интуитивные методики. Полученные данные недостаточно представительны и обоснованы. Организаторы имели смутное представление об исследовательских процедурах, репрезентативности данных, принципах анонимности и конфиденциальности. Меры, которые были предприняты руководством Мензелинского района по итогам обследования, с правовой точки зрения представляют собой пример вопиющего нарушения принципа неприкосновенности частной жизни. В сопроводительной записке к отчету указано, что «в каждом населенном пункте установлено количество верующих, за ними закреплены агитаторы из числа коммунистов, комсомольцев и сельской интеллигенции» [15, л. 2].

Первые исследования обошлись без участия социологов, в их качестве выступили партийные работники, ответственные за атеистическую пропаганду. Таким образом, с момента рождения поволжская социология оказалась в условиях автономии от социологической науки и под патронажем идеологических отделов партийных органов.

Итоги первых исследований подняли ряд проблем методологического, методического и организационного уровней, часть которых (неопределенность терминологии и нерепрезентативность данных) была решена профессиональными социологами, а часть (недоверие респондентов к процедуре опроса) так и осталась нерешенной.

Вопросы репрезентативности и необходимого количества единиц изучения неизбежны в любом социологическом исследовании. Грамотному решению этих вопросов препятствовало практически полное отсутствие социологической подготовки у первых исследователей. Объем выборочной совокупности у «предсоциологии» не регламентировался и зависел, скорее всего, только от энтузиазма и организационных возможностей заказчика.

Интересно сравнить масштабы работы региональных «предсоциологов» с подходами ученых Московского университета, которые первыми начали социологическое изучение проблем религии и атеизма. Не обладая столь мощными организационными возможностями, научные коллективы проводили сбор материала в основном экспедиционно. Выезды «в поле» (подобно этнографическим или археографическим экспедициям) осуществлялись ограниченными силами. Во время выезда исследователи успевали охватить один или несколько населенных пунктов [17, с. 5, 6].

Вопросы репрезентативности социологических данных и обоснованного объема выборки были впервые подняты при создании Института научного атеизма. На конференции «Методика и результаты конкретных исследований религиозных пережитков» (1964) [18] были затронуты вопросы методологии, методики и техники исследований, применения количественных методов и ЭВМ. При знакомстве со стенограммой в первую очередь обращает на себя внимание неосведомленность обществоведов, назначенных руководить социологией, в элементарных методических вопросах. Курьезом выглядит полемика между первым президентом Советской социологической ассоциации Ю. П. Францевым и представителем нарождающейся профессиональной социологии В. Б. Ольшанским, который представлял Институт философии АН СССР. Первый отрицательно высказался по поводу применения наиболее распространенного социологического метода – массового опроса, предложив в качестве главного метода сбора информации «беседу» (т. е. неструктурированное интервью) с небольшим, несколько сотен, числом собеседников. Ему возразил Ольшанский: «Научный вывод можно сделать лишь на основе достаточного количества фактов. Без этого нет права на широкие обобщения и на практические рекомендации» [18, л. 59].

Убедившись в неэффективности самодеятельной опросной активности, как пишет американская исследовательница советской региональной политической системы Дж. Хаф, обкомы КПСС обзавелись «социологическими лабораториями» и «социологическими комиссиями», состоящими в основном из волонтеров, для помощи в сборе необходимой информации [19, р. 181]. Номинальные на первых порах социологи унаследовали большую часть исследовательской базы «предсоциологии», включая цели и задачи, организационные схемы, сети интервьюеров, состоявшие из партийных и комсомольских активистов. Уровень стартовой профессиональной подготовки первых социологов был весьма невысок. Однако, по сравнению с «протосоциологами», их отличал более квалифицированный подход к построению выборки, они применяли инструментарий, созданный на основе разработанных в методических центрах (например, Институте научного атеизма) типовых методик. Их исследования проводились «комплексно», т. е. сочетали в себе несколько методов сбора информации.

В данной статье рассматривается ситуация «социологии без социологов» не только как вынужденная, но и как искусственно создаваемая. Эта линия продвигалась представителями догматического обществоведения, которые отождествляли социологию с историческим материализмом. В этой среде существовала уверенность, что по-прежнему можно обойтись без социологов даже при наличии легальной социологии. Важным маркером этой линии было публичное отрицание того факта, что на протяжении четверти века социологии в стране не существовало.

Один из лидеров этой линии, директор Института философии АН СССР Ф. В. Константинов на объединенном заседании кафедр философии Академии общественных наук и Высшей партийной школы, посвященном обсуждению лекций по социологии, прочитанных Ю. А. Левадой, обращаясь к Леваде и его единомышленникам, признает тот факт, что социологические исследования были запрещены, «когда результаты конкретных социальных исследований были направлены против страны, против правительства, против партии. В этих условиях было наложено вето на эти исследования». Однако он категорически отрицает физическое небытие социологии (пусть даже без участия представителей профессии): «Конечно, я скажу, что после этого конкретные социальные исследования замедлились, но никогда, ни на один день не прекращались. Вы напрасно крест ставите на всем и считаете, что только с 1950-х гт. возобновились социологические исследования и было произнесено слово социология. Слово социология было и тогда очень популярно» [20, л. 66].

В докладе на другом ученом совещании с тематикой «О научно-методической основе конкретно-социологических исследований» в 1968 г. В. Н. Малин (ректор Академии общественных наук при ЦК КПСС) заявил, что недопустимо, «чтобы метод конкретных социальных и конкретных социологических исследований был только методом одной группы профессионалов, которые получили у себя диплом социолога» [21, л. 22]. Эти методы должны «стать методом всех отраслей нашей марксистской науки и исторического материализма». Продолжая, Малин пишет о подготовке кадров: «Один товарищ сказал, что нам нужно так же, как в капиталистическом обществе, иметь на каждом предприятии социолога. Я думаю, что наше общество в этом смысле отличается, что те функции, которые там часто несет социолог, у нас должны выполнять партийные, профсоюзные организации, но вообще говоря — иметь социологически грамотного партийного работника на каждом заводе...» [21, л. 25].

Данное выступление нельзя считать выражением позиции отдельных ретроградов. Отсутствие социологии среди вузовских специальностей вплоть до конца 1980-х говорит о том, что эта линия была доминирующей. Ответственное лицо из Министерства высшего и среднего специального образования СССР отказ готовить социологов объясняло примерно так: «Что такое социология – неизвестно. Никаких особых социологов быть не может. Надо дать знания по конкретным социальным исследованиям философам, экономистам, историкам, юристам и т. д. Вот эти философы и прочие и будут вести социологические исследования» [22]. Надежды на прошедших социологические курсы специалистов и ученых различных специальностей были утопией, поскольку внутри этих наук не мог сам по себе появиться запрос на проведение социальных исследований. Для самой советской социологии это почти всегда был внешний заказ – от партийных и советских организаций.

Более того, представители «канонических», родственных социологии общественных дисциплин в регионах зачастую были враждебно настроены к социологическим опросам, поскольку считали их опасным экспериментом, вносящим в сознание масс сомнение относительно идеологических установок. Конфликтная ситуация сложилась, например, в Куйбышевском политехническом институте, где первая социологическая лаборатория появилась в 1969 г. Значительная часть преподавателей кафедр истории, политэкономии и научного коммунизма во главе с заведующими открыто выступили против проведения социологических исследований в вузе. В намерениях решить социальные проблемы с применением эмпирических данных ими усматривался ревизионизм, попрание марксистско-ленинской теории социального развития. Конфронтация стала причиной того, что в 1978 г. сотрудники лаборатории в полном составе покинули институт и перешли в Куйбышевский университет [23, с. 12].

Значительное место в региональной социологии и в 1970-х и 1980-х гг. по-прежнему занимали самодеятельные опросы, инициируемые «на местах». Например, руководители парторганизации одного из предприятий Казани отчитывались о проводимой атеистической работе таким образом: «В трудовых коллективах ателье № 15, 47, цехах № 3 и 4 [объединения Татшвейбыт] для изучения состояния и результатов атеистической работы были проведены социологические исследования. Выяснилось, в частности, что в ателье № 47 трудится одна верующая. Совет атеистов усилил в ателье свою работу» [24, л. 11].

Дилетантские опросы, характерные для «предсоциологии», представляли собой дальнейшее развитие «социологии без социологов». Эта побочная ветвь исследований стимулировалась решениями региональных партийных органов. Так, постановлением бюро Татарского обкома КПСС за подписью Ф. А. Табеева «О состоянии научно-атеистического воспитания в Бугульминском районе» (датировано 08.02.1967) партийным организациям рекомендовано не только «глубоко изучать религиозность населения в каждом населенном пункте и производственном коллективе», но и «выявить верующих и на этой основе организовать действенную индивидуальную работу» [25, л. 1–4]. Первая часть напутствия представляет собой реплику из ранее процитированного постановления ЦК КПСС «О мероприятиях по усилению атеистического воспитания населения», а вторая часть – инициатива обкома.

Советская социология была легитимизирована, по определению М. Буравого, в качестве прикладной (policy sociology) дисциплины на службе у правящей идеологии, далекой от представлений о свободной науке [11, р. 199]. При этом, по мнению Буравого, минимальной была доля публичного и критического компонентов, т. е. социологи не могли обращаться напрямую к неакадемической аудитории и изучать социальные процессы внутри страны с критических позиций. Взаимоотношения региональных социологов с властными структурами строились «на общественных началах», когда местные партийные или комсомольские организации объявляли инициативные начинания, которые на словах были добровольными, но отказаться от участия в которых нельзя было даже беспартийным. Результаты социологических исследований использовались узконаправленно, преимущественно для иллюстрации положений официальных документов. Большая часть материалов исследований ложилась «под сукно».

Разумеется, появившаяся в столь экстремальных условиях социология в регионе была далека от представлений о «правильной» науке. Типичные для региональной социологии советских времен проблемы перечисляет С. А. Ахметова: отрыв эмпирии от теории; мелкотемье – отсутствие масштабных проектов, которые охватывали бы всю республику; текучесть кадров руководителей и частая смена направлений социологических подразделений; дефицит коллективных исследований, что затрудняло выход республиканских ученых на российский и всесоюзный уровень [12, с. 186].

Западная эмпирическая социология в лице международных и национальных ассоциаций самостоятельно выработала стандарты и регламенты взаимодействия с заказчиками и обществом. Несмотря на то, что Советская социологическая ассоциация была создана еще в 1958 г., вплоть до конца 1970-х ее деятельность не выходила за пределы столичных центров. Первым социологическим поколением был выработан, по выражению Б. М. Фирсова [9, с. 132], «негласный кодекс научной честности и порядочности», однако он не был формализован. Отсутствие саморегуляции профессиональной деятельности в советской социологической науке свидетельствовало о ее незрелости, зависимости от системы государственной идеологии. Неудивительно, что под категорию социологических исследований подпадали обследования самого разного свойства и жанра. Это понятие было крайне размыто и отождествлялось с любыми опросами. Нет свидетельств тому, что социологи когдалибо протестовали против упоминания прилагательного «социологический» применительно к непрофессиональным и бессмысленным анкетированиям. Однако тень от таких довольно многочисленных опросов падала на всю эмпирическую социологию в целом.

Значительный сдвиг произошел только в конце 1980-х. В принятом VI Всесоюзной конференцией Советской социологической ассоциации в марте 1987 г. Профессиональном кодексе социолога были установлены нормы отношения социолога с коллегами, заказчиками и исследуемыми в духе сотрудничества, компетентности, научной честности и корректности [26, с. 236–237]. С этого момента началось становление публичной социологии, доступной через масс-медиа широкой общественности, всем, кто испытывает желание сверять свое собственное мнение по какому-либо важному вопросу с мнением общества в стране.

Советская социологическая ассоциация сыграла определенную роль в становлении регионального социологического сообщества. К моменту распада она объединяла в своих рядах порядка 6 тысяч индивидуальных членов [27, с. 331]. В Среднем Поволжье ее первое отделение было образовано в 1974 г. в г. Куйбышеве [23, с. 24]. В 1980 г. на его базе создано Поволжское отделение ассоциации. Работа по пропаганде социологических знаний активно велась Куйбышевским филиалом Поволжского отделения, Пермским, Свердловским филиалами Уральского отделения. В Татарском филиале Поволжского отделения состояло 85 индивидуальных членов, в Куйбышевском – более 100. Несмотря на то, что деятельность региональных отделений и филиалов была ограниченной, сам факт ее существования приглушал активность пресловутой «социологии без социологов», вынуждая партийные органы и предприятия даже в неуниверситетской провинции искать контакты с социологическим сообществом.

Социология в 1989 г. вступает в стадию институционализации, появляются кафедры, отделения и факультеты социологии, диссертационные советы. Однако, по мнению Буравого, за исключением анклавов профессиональной науки в Москве и Петербурге социология возвращается к своему неавтономному, прикладному состоянию [11, р. 199]. Остается констатировать, что проявления «социологии без социологов» в регионах никуда не исчезли.

О том, что негативные черты постсоветской региональной социологии берут начало из советских времен, пишут Г. Е. Зборовский и А. Л. Салагаев. Существует очень значительная проблема отстраненности, изолированности региональных социологов от внутрироссийского и международного научного сообщества. Свердловский социолог Зборовский характеризует ситуацию термином «социологический провинциализм». В его определении это ограниченность интересов и узость кругозора региональных социологов, отсутствие внутренней мотивации для участия в научном процессе [28, с. 158]. Это создает условия для распространения внутри социологического поля имитаторов и непрофессионалов. Филиалы профессиональных ассоциаций в регионах не стали тем барьером, который препятствовал бы их деятельности.

По наблюдениям казанского социолога Салагаева, в вузовской социологии по сей день господствуют догматизм, конформизм и авторитарный стиль руководства, которые достались ей по наследству от мигрировавших туда «научных коммунистов» [29].

В этих условиях профессиональную науку все сильнее теснит эрзац-социология. Эрзац- или псевдосоциология — камуфлируемая под научно-исследовательскую коммерческая деятельность и самореклама. В советские времена, когда существовал высокий символический статус научного знания, а также многоуровневая цензура, данная форма «социологии без социологов» была неактуальной.

Заключение. Проведенное исследование позволило выявить существование «социологии без социологов» в регионах Среднего Поволжья. Социология как область знаний и сфера деятельности в советской провинции появилась благодаря сформированному запросу на изучение общественного мнения, объективную картину которого могли дать только эмпирико-социологические исследования. Неудивительно, что в отсутствие легальной социологии ее функцию на первых порах исполняли самодеятельные исследователи, представители «социологии без социологов». Однако по мере развития региональной социологии в вузовских центрах Среднего Поволжья не произошла ее профессионализация, основной причиной чему стало отсутствие в стране профессионального социологического образования. В руководстве правящей партии осознавали общественную потребность в социологических исследованиях, но догматические воззрения и корпоративные интересы не позволяли примириться с существованием обособленной профессиональной категории социологов. Часть политического истеблишмента была обеспокоена тем, что социологи могли эволюционировать в опасных технократов, способных посягнуть на идеологическую монополию. В статье выявлена закономерность того, что существование «социологии без социологов» в региональных условиях вызвано недостаточной автономностью социологической науки и организационной слабостью ее профессиональных ассоциаций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1. Михайлов В., Переведенцев В. Большие ожидания // Литературная газета. № 24, 14 июня 1967 г. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/perevedencev/stati/014.pdf (дата обращения: 31.08.2022).
- 2. Matthes J. Soziologie ohne Soziologen? Zur Lage des Soziologiestudiums in der Bundesrepublik // Zeitschrift für Soziologie. 1973. Jg. 2. Heft 1. S. 47–58.
- 3. Ahlberg R. Die Rehabilitierung der Soziologie in der Sowjetunion: Der Soziologie-Beschluß des Politbüros und seine Bedeutung // Osteuropa. 1989. Vol. 39, no. 5. S. 478–496.
- 4. Верт Н. Революция в советской социологии: рождение опросов общественного мнения // Социология как предмет специального научного исследования: сб. ст. М.: ИС РАН, 1992. С. 99–111.
- 5. К обществу свободному от религии (Процесс секуляризации в условиях социалистического общества) / отв. ред. П. К. Курочкин. М.: Мысль, 1970.
- 6. Социальное и национальное. Опыт этносоциологических исследований по материалам Татарской АССР / отв. ред. Ю. В. Арутюнян. М.: Наука, 1973.
- 7. Балтанов Р. Г. Социологические проблемы в системе научно-атеистического воспитания. (Проблемы конкретно-социологического анализа религии и атеизма в СССР). Казань: Казанский ун-т, 1973.
- 8. Кудряшов Г. Е. Динамика полисинкретической религиозности. Опыт историко-этнографического и конкретного социологического исследования генезиса, эволюции и отмирания пережитков чувашей. Чебоксары: Чувашское кн. изд-во, 1974.
- 9. Фирсов Б. М. История советской социологии: 1950–1980-е годы. Очерки. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Изд-во Европейского ун-та, 2012.
- 10. Социологическая наука и социологическое образование в Республике Башкортостан / отв. ред. Дж. М. Гилязитдинов. Уфа: Башкир. гос. ун-т, 2002.
 - 11. Burawoy M. Can "Public Sociology" travel as far as Russia? // Laboratorium. 2009. № 1. P. 197–204.
- 12. Ахметова С. А. Эмпирическое наследие социологической мысли в Республике Татарстан: взгляд из настоящего в прошлое // Вестник КГТУ им. А. Н. Туполева. 2012. № 3. С. 184–187.

- 13. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 606. Оп. 1. № 40.
- 14. Калаганов А., Светлов П., Сайфутдинов Ш. На пути к атеизму. Казань: Татарское кн. изд-во, 1967.
- 15. Справка по исследованию религиозности по Мензелинскому району // Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Татарстан (ЦГАИПД РТ). Ф. 8126. Оп. 1. № 28.
- 16. Самарский областной государственный архив социально-политической истории (СОГАСПИ). Ф. 848. Оп. 54. № 55. Л. 1–7.
- 17. Конкретно-социологическое изучение состояния религиозности и опыта атеистического воспитания: сб. ст. / под ред. И. Д. Панцхава. М.: Изд. Моск. ун-та, 1969.
- 18. Стенограммы научно-практической конференции «Методика и результаты конкретных исследований религиозных пережитков» (М., 22.12.1964). РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 4. № 18, 19.
- 19. Hough J. F. The Soviet Prefects: The Local Party Organs in Industrial Decision-making. Cambridge, MA: Harvard Univ. Press, 1969.
 - 20. РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 1. № 514.
 - 21. РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 1. № 388.
- 22. Зюзин Д., Переведенцев В. Когда же придет специалист? Еще раз о подготовке социологов // Литературная газета. 1969. № 2. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/perevedencev/stati/014.pdf (дата обращения: 07.06.2022).
- 23. Тукумцев Б. Г. Очерки истории первой самарской социологической лаборатории. Самара: Самарский ун-т, 2000.
- 24. Протокол 11-го пленума Бауманского РК КПСС от 16.09.1982. ЦГАИПД РТ. Ф. 19. Оп. 45. № 907.
 - 25. ЦГАИПД РТ. Ф. 6064. Оп. 1. № 347. Л. 1-4.
- 26. Ядов В. А. Социологическое исследование: методология, программа, методы. М.: Наука, 1987.
- 27. Иванов В. Н. Социология в СССР. Записки директора института. М.: ИПО «У Никитских ворот», 2014.
- 28. Зборовский Г. Е. Публичная социология в регионе // Известия УрФУ. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2013. № 2. С. 153–159.
- 29. Салагаев А. Л. Кризис провинциальной вузовской социологии и перспективы развития независимых исследовательских центров // Безопасность человека, общества, природы в условиях глобализации как феномен науки и практики. Девятые Вавиловские чтения: сб. ст. / под ред. В. В. Шалаева. Йошкар-Ола: МарГТУ, 2006. С. 273–280.

Информация об авторе.

Кильдеев Мансур Вилевич — кандидат социологических наук (2002), социолог Республиканского центра молодежных, инновационных и профилактических программ «Навигатор», ул. Адоратского, д. 36, г. Казань, Республика Татарстан, 420137, Россия. Автор 70 научных публикаций. Сфера научных интересов: социология религии, региональная социология.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось. Поступила 28.06.2022; принята после рецензирования 10.10.2022; опубликована онлайн 23.12.2022.

REFERENCES

1. Mikhailov, V. and Perevedentsev, V. (1967), "Great expectations", *Literaturnaya gazeta*, no. 24, 14 June 1967, available at: http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/perevedencev/stati/014.pdf (accessed 31.08.2022).

- 2. Matthes, J. (1973), "Soziologie ohne Soziologen? Zur Lage des Soziologiestudiums in der Bundesrepublik", *Zeitschrift für Soziologie*, Jg. 2, Heft 1, Januar 1973, S. 47–58.
- 3. Ahlberg, R. (1989), "Die Rehabilitierung der Soziologie in der Sowjetunion: Der Soziologie-Beschluß des Politbüros und seine Bedeutung", *Osteuropa*, vol. 39, no. 5, S. 478–496.
- 4. Werth, N. (1992), "Revolution in Soviet Sociology: The Birth of Opinion Polls", *Sotsiologiya kak predmet spetsial'nogo nauchnogo issledovaniya: sbornik statei* [Sociology as a subject of special scientific research: collection of articles], IS RAN, Moscow, RUS, pp. 99–111.
- 5. *K obshchestvu svobodnomu ot religii* [On the way to a society free from religion] (1970), Kurochkin, P. K. (ed.), Moscow, Mysl', USSR.
- 6. Sotsial'noe i natsional'noe. Opyt etnosotsiologicheskikh issledovanii po materialam Tatarskoi ASSR [The Social and the National. Experience of ethno-sociological research based on the materials of the Tatar ASSR] (1973), Arutyunyan, Yu.V. (ed.), Nauka, Moscow, USSR.
- 7. Baltanov, R.G. (1973), *Sotsiologicheskie problemy v sisteme nauchno-ateisticheskogo vospitaniya* [Sociological problems in the system of scientific and atheistic education], Kazan un-t, Kazan, USSR.
- 8. Kudryashov, G.E. (1974), *Dinamika polisinkreticheskoi religioznosti* [Dynamics of poly-syncretic religiosity], Chuvashskoe kn. izd-vo, Cheboksary, USSR.
- 9. Firsov, B.M. (2012), *Istoriya sovetskoi sotsiologii: 1950–1980-e gody. Ocherki* [The History of Soviet Sociology: 1950th–1980th: Essays], 2nd ed., SPb., EUPRESS, RUS.
- 10. Sotsiologicheskaya nauka i sotsiologicheskoe obrazovanie v Respublike Bashkortostan [Sociological science and sociological education in the Republic of Bashkortostan] (2002), Gilyazitdinov, J.M. (ed.), Bashkir. gos. un-t, Ufa, RUS.
- 11. Burawoy, M. (2009), Can "Public Sociology" travel as far as Russia?, *Laboratorium*, no. 1, pp. 197–204.
- 12. Akhmetova, S.A. (2012), "Empirical heritage of sociology in the republic of Tatarstan: a view from present to the past", *Vestnik KGTU im. A.N. Tupoleva*, no. 3, pp. 184–187.
 - 13. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI), coll. 606, aids 1, fol. 40.
- 14. Kalaganov, A., Svetlov, P. and Saifutdinov, Sh. (1967), *Na puti k ateizmu* [On the way to atheism], Tatarskoe kn. izd-vo, Kazan, USSR.
- 15. "Information on the study of religiosity in the Menzelinsky district", *Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv istoriko-politicheskoi dokumentatsii Respubliki Tatarstan (TsGAIPD RT)* [Central State Archive of Historical and Political Documentation of the Republic of Tatarstan (TsGAIPD RT)], coll. 8126, aids 1, fol. 28.
- 16. *Samarskii oblastnoi gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii (SOGASPI*), coll. 848, aids 54, fol. 55, p. 1-7.
- 17. Konkretno-sotsiologicheskoe izuchenie sostoyaniya religioznosti i opyta ateisticheskogo vospitaniya [Concrete sociological study of the state of religiosity and the experience of atheistic education]. (1969), in Pantskhava, I.D. (ed.), Moscow Univ., Moscow, USSR.
- 18. Stenogrammy nauchno-prakticheskoi konferentsii "Metodika i rezul'taty konkretnykh issledovanii religioznykh perezhitkov" [Transcripts of the scientific-practical conference "Methodology and results of specific studies of religious survivals"] (Moscow, 22.12.1964), RGASPI, coll. 606, aids 4. fol. 18, 19.
- 19. Hough, J.F. (1969), *The Soviet Prefects: The Local Party Organs in Industrial Decision-making*, Harvard Univ. Press, Cambridge, MA, USA.
 - 20. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI), coll. 606, aids 1, fol. 514.
 - 21. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI), coll. 606, aids 1, fol. 388.
- 22. Zyuzin, D. and Perevedentsev, V. (1969), "When will the specialist arrive? Once again about the training of sociologists", *Literaturnaya gazeta*, no. 2, available at: http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/perevedencev/stati/014.pdf (accessed 07.06.2022).
- 23. Tukumtsev, B.G. (2000), *Ocherki istorii pervoi samarskoi sotsiologicheskoi laboratorii* [Essays on the history of the first Samara sociological laboratory], Samara Univ., Samara, RUS.

- 24. Protokol 11-go plenuma Baumanskogo RK KPSS ot 16.09.1982 [Protocol of the 11th plenum of the Bauman RK CPSU], TsGAIPD RT, coll. 19, aids 45, fol. 907.
 - 25. TsGAIPD RT, coll. 6064, aids 1, fol. 347. P. 1-4.
- 26. Yadov, V.A. (1987), Sotsiologicheskoe issledovanie: metodologiya, programma, metody [The Sociological Survey: Methodology, Program, Methods], Nauka, Moscow, USSR.
- 27. Ivanov, V.N. (2014), *Sotsiologiya v SSSR. Zapiski direktora instituta* [Sociology in the USSR. Notes of the Institute Director], IPO "U Nikitskikh vorot", Moscow, RUS.
- 28. Zborovskiy, G.E. (2013), "Public sociology in the region", *Izvestia of Ural Federal Univ. J. Ser. 1. Issues in Education, Science and Culture*, no. 2, pp. 153–159.
- 29. Salagaev, A.L. (2006), "The Crisis of Provincial University Sociology and Prospects for the Development of Independent Research Centers", *Bezopasnost' cheloveka*, *obshchestva*, *prirody v usloviyakh globa-lizatsii kak fenomen nauki i praktiki. Devyatye Vavilovskie chteniya* [Security of man, society, nature in the context of globalization as a phenomenon of science and practice. Ninth Vavilov Readings], MarGTU, Yoshkar-Ola, RUS, pp. 273–280.

Information about the author.

Mansour V. Kildeev – Can. Sci. (Sociology) (2002), Sociologist of the Republican Center for Youth, Innovative and Preventive Programs "Navigator", 36 Adoratsky str., Kazan, Republic of Tatarstan 420137, Russia. The author of 70 scientific publications. Area of expertise: sociology of religion, regional sociology.

No conflicts of interest related to this publication were reported. Received 28.06.2022; adopted after review 10.10.2022; published online 23.12.2022.

Оригинальная статья УДК 316.77 http://doi.org/10.32603/2412-8562-2022-8-6-72-84

Социальная поддержка как фактор повышения эффективности взаимодействия между врачами и пациентами

Анна Алексеевна Кисельникова^{1⊠}, Евгений Александрович Пашковский²

¹Санкт-Петербургский государственный педиатрический медицинский университет, Санкт-Петербург, Россия

²Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия

¹a.a.kiselnikova@gmail.com, https://orcid.org/0000-0001-7016-6872 ²egn-pashkovsky@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0003-4275-6407

Введение. В статье рассматриваются поддерживающий стиль коммуникации и использование элементов информационной и эмоциональной социальной поддержки как факторы повышения эффективности взаимодействия между врачами и пациентами. Исследовательское допущение состоит в том, что элементы информационной социальной поддержки во взаимодействии российских врачей с пациентами встречаются чаще, чем проявления эмоциональной поддержки; в обществе существует определенный запрос на усиление эмоциональной поддержки, использование поддерживающего стиля коммуникации со стороны медицинских работников. Цели статьи – выявить основные приемы, используемые в профессиональной коммуникации в рамках осуществления социальной поддержки; сформулировать важные проблемные аспекты оказания социальной поддержки врачами пациентам.

Методология и источники. Методологическую рамку исследования составили: теория социальных ролей, позволившая провести анализ социальных ожиданий от коммуникации в профессиональной деятельности врача; концепция психологического стресса и процессов совладания Р. Лазаруса, на основе которой авторами сформулирована и применена в исследовании классификация основных форм социальной поддержки; теория коммуникативных стилей В. Сатир, позволившая выделить отдельные речевые и неречевые паттерны коммуникации как составляющие поддерживающего стиля общения врача.

Результаты и обсуждение. Приводятся результаты анализа записей онлайнконсультаций между врачами и пациентами в режиме телемедицины, а также анкетирования 55 респондентов с использованием закрытых и открытых вопросов. Делаются выводы о том, что в поведении проводящих консультации врачей больше выражена информационная поддержка, чем эмоциональная; в обществе существует определенный запрос на большую эмоциональную вовлеченность, использование элементов личностного отношения, повышение доступности в изложении информации врачами пациентам.

Заключение. В ходе исследования подтвердилось авторское предположение о том, что информационная социальная поддержка в общении современных российских врачей и пациентов реализована в большей степени, нежели эмоциональная;

© Кисельникова А. А., Пашковский Е. А., 2022

Контентдоступенполицензии Creative Commons Attribution 4.0 License. This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

в обществе формируется запрос на использование врачами поддерживающего стиля коммуникации, усиление вовлеченности, личностной заинтересованности в процессе взаимодействия.

Ключевые слова: социальная поддержка, информационная поддержка, эмоциональная поддержка, поддерживающий стиль общения, коммуникация в профессиональной среде

Для цитирования: Кисельникова А. А., Пашковский Е. А. Социальная поддержка как фактор повышения эффективности взаимодействия между врачами и пациентами// ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 6. С. 72–84. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-6-72-84.

Original paper

Social Support as a Factor of Increasing the Efficiency of Interaction between Doctors and Patients

Anna A. Kiselnikova¹⊠, Evgeny A. Pashkovsky²

¹St Petersburg State Pediatric Medical University, St Petersburg, Russia ²Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

¹a.a.kiselnikova@gmail.com, https://orcid.org/0000-0001-7016-6872 ²egn-pashkovsky@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0003-4275-6407

Introduction. The article discusses the supportive style of communication and the use of elements of informational and emotional social support as factors for increasing the effectiveness of interaction between doctors and patients. The research assumption is that elements of informational social support are more common in the interaction of Russian doctors with patients than manifestations of emotional support; in society, there is a certain demand for increased emotional support, the use of a supportive communication style by medical workers. The article has two goals – to identify the main techniques used in professional communication in the framework of the implementation of social support; to formulate the main problematic aspects of the provision of social support by doctors to patients.

Methodology and sources. The methodological framework of the study includes the following: the theory of social roles, which made it possible to analyze social expectations from communication in the professional activities of a doctor; the concept of psychological stress and coping processes by R. Lazarus, on the basis of which we formulated and applied in the study the classification of the main forms of social support; the theory of communicative styles by V. Satir, which made it possible to identify individual speech and non-speech patterns of communication as components of the doctor's supporting communication style.

Results and discussion. The results of the analysis of records of online consultations between doctors and patients in the telemedicine mode, as well as a survey of 55 respondents using closed and open questions are presented. It is concluded that informational support is more expressed in the behavior of doctors conducting consultations than emotional support; in society there is a certain demand for greater emotional involvement, the use of elements of a personal relationship, increasing the availability of information in the presentation of information by doctors to patients.

Conclusion. The study confirmed the author's assumption that informational social support in the communication of modern Russian doctors and patients is implemented to a greater extent than emotional; in society, a request is being formed for doctors to use a supportive communication style, to increase involvement, personal interest in the process of interaction.

74

Keywords: social support, informational support, emotional support, supportive communication style, communication in a professional environment

For citation: Kiselnikova, A.A. and Pashkovsky, E.A. (2022), "Social Support as a Factor of Increasing the Efficiency of Interaction between Doctors and Patients", *DISCOURSE*, vol. 8, no. 6, pp. 72-84. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-6-72-84 (Russia).

Введение. Коммуникативные навыки врача, консультирующего пациента, — важный фактор, влияющий на эффективность его работы. Несмотря на то, что отношения между врачом и пациентом являются в известной мере безличностными, их специфика подразумевает определенную вовлеченность и участие со стороны врача и соответствующие ожидания от пациента. Согласно О. И. Матьяш и др., «в ситуациях обслуживания, где преобладают функциональные отношения "по ролям", мы тем не менее обращаем внимание и на личностный фактор» и «...идем, как правило, к тем, кто относится к нам более "почеловечески"» [1, с. 98]. Пациент, посещая специалиста, ожидает решения своей проблемы, снижения неопределенности, помощи и поддержки. Способности врача убедить пациента в необходимости лечения, дать уверенность в выздоровлении, точно, понятно и емко донести до него всю необходимую информацию и создать атмосферу эмоционального комфорта позволяют значительно повысить качество лечения. Перечисленные навыки общения являются ключевыми составляющими социальной поддержки.

Социальную поддержку можно определить как сложный коммуникативный процесс, направленный на оказание различного рода помощи, необходимой собеседнику в контексте текущей ситуации [2]. Социальная поддержка является одной из ключевых составляющих позитивной коммуникации, представляющей собой взаимодействие, основанное на положительных эмоциях, направленное на взаимопонимание и приносящее удовлетворение всем участникам [3]. Особую актуальность поддерживающая коммуникация приобретает во время кризиса в обществе. Представляется, что запрос на эмпатию, доверительное общение и лучшее взаимопонимание постоянно растет в связи со сложностями, с которыми столкнулись люди в повседневной жизни. Одновременно можно предположить нехватку необходимых для реализации социальной поддержки коммуникативных навыков, владение которыми приобретает особую актуальность для людей, работающих с клиентами.

Данное исследование посвящено проблеме социальной поддержки в общении врача и пациента. В ситуации продолжающейся пандемии новой, малоизученной инфекции понимание пациентами врачей, точность донесения информации, эмоционально-психологическая поддержка населения со стороны медицинских работников являются важными инструментами, влияющими на здоровье людей, их спокойствие и социальную стабильность в целом. Сложности во взаимопонимании могут усиливаться в связи с распространением и развитием различных форм и способов опосредованной коммуникации между врачами и пациентами: онлайн-консультаций, использования мессенджеров, социальных сетей.

Р. Лазарус предложил известную классификацию форм социальной поддержки, выделив информационную, эмоциональную и действенную [4]. Информационная поддержка направлена на предоставление собеседнику необходимой информации или сведений, где ее можно получить в той степени, в которой индивидуум считает себя достаточно проинформированным. Согласно М. С. Соколовой, она может выражаться в виде обратной связи

на вопрос или просьбу, совета, объяснения, четкого определения роли, предложения, инструкций, рекомендаций, перенаправления к другому источнику информации [2]. Эмоциональная поддержка, согласно Т. Л. Крюковой и А. О. Ариповой, во-первых, не связана с активным преобразованием ситуации; во-вторых, является эмоционально ориентированным способом совладания, который заключается в приспособлении к ситуации путем саморегуляции собственного состояния через его улучшение, гармонизацию или возврат к дострессовому, более адаптивному уровню; в-третьих, эмоциональная поддержка всегда предполагает создание атмосферы эмоционального комфорта, взаимопонимания и принятия для личности [5]. Действенная поддержка заключается в интеракции, способной удовлетворить потребности человека в каких-либо материальных предметах и услугах.

Наше исследовательское допущение состоит в том, что элементы информационной социальной поддержки чаще встречаются во взаимодействии российских врачей с пациентами, чем проявления эмоциональной поддержки. Также можно предположить, что в обществе существует определенный запрос на усиление эмоциональной поддержки, использования поддерживающего стиля коммуникации со стороны медицинских работников.

Цели статьи – выявить основные приемы, используемые в профессиональной коммуникации в рамках осуществления социальной поддержки; сформулировать главные проблемные аспекты оказания социальной поддержки врачами пациентам.

Методология и источники. Методологическую рамку исследования составили: теория социальных ролей, позволившая провести анализ социальных ожиданий от коммуникации в профессиональной деятельности врача; концепция психологического стресса и процессов совладания Р. Лазаруса, на основе которой авторами сформулирована и применена в исследовании классификация основных форм социальной поддержки; теория коммуникативных стилей В. Сатир, позволившая выделить отдельные речевые и неречевые паттерны коммуникации как составляющие поддерживающего стиля общения врача.

Результаты и обсуждение.

Анализ записей онлайн-консультаций. Для того чтобы выявить практики социальной поддержки, используемые специалистами, а также сформулировать рекомендации по применению соответствующих техник и приемов коммуникации, был проведен анализ записей онлайн-консультаций, данных профессиональными врачами-терапевтами клиентам в формате аудиозвонков. Авторы рассмотрели особенности коммуникации врачей и пациентов, прежде всего, с точки зрения проявлений информационной и эмоциональной социальной поддержки. Режим опосредованного общения в большой степени исключает возможность действенной поддержки.

Ведущей формой общения врача и пациента является информационная поддержка, которая реализуется во врачебных рекомендациях. В анализируемых консультациях терапевты сервиса стремятся в рамках аудиозвонка собрать анамнез и предложить решение возникшей проблемы, рекомендовать лечение или обследование, направить на прием к профильному специалисту. Было отмечено, что в ситуации опосредованного общения врач обычно использует более мягкие формы побуждения, избегая императивных конструкций. Вместо повелительного наклонения используются глаголы 2-го лица множественного числа настоящего времени: промываете вот таким раствором нос и дальше смотрите / как он себя будет

вести в течение дня / и как он будет вести себя на следующий день; перестаете им пользоваться; обращаетесь к лор-врачу. Самыми частотными стали инфинитивные конструкции с предшествующими словами: необходимо; нужно; можете; можно; лучше; рекомендуется; стоит; я бы посоветовала; можно посоветовать; будет не лишнее; главное вам; придется. Такое выражение врачебного совета представляется успешным для достижения согласия и качества выполнения пациентом рекомендаций врача.

Информационная поддержка на заочных консультациях может выражаться в форме ответа врача на заданный пациентом вопрос, особенно это характерно для экспрессконсультаций. Формат такого общения предполагает, что у клиента сервиса есть возможность задать один четкий и емкий вопрос о волнующей проблеме и получить разъяснения специалиста. Приведем пример часть онлайн-консультации, на которой пациент просит врача объяснить ему назначение терапевта. Пациент: <... > почему валерьянку-то нельзя? Пустырник можно / а валерьянку нельзя. Врач: Смотрите, растительные препараты / валериана / пустырник / на самом деле / как правило, никаких противопоказаний не имеют. Только определенные, например, индивидуальная непереносимость этих препаратов // Бывает, эти препараты несовместимы с какими-то другими препаратами. Успокоительными, например // которые именно такого лекарственного эффекта / не растительные / фармкомпанией разработаны. А если вы не принимаете другие успокаивающие препараты и у вас нет аллергической реакции на валериану / то в целом заболевание щитовидной железы не является противопоказанием к приему валерианы и пустырника. Такой ответ специалиста, на наш взгляд, является примером удачной коммуникации и грамотного речевого поведения. Врач не ограничивается констатацией фармакологических свойств препаратов, а объясняет их подробно, дополняет примерами и в завершение адаптирует первоначальный тезис в соответствии с ситуацией пациента. Врачебные ответы и рекомендации должны быть инструментом не только информационной поддержки, но и эмоциональной, должны успокаивающе воздействовать на пациента. Интересно отметить, что в предложенной анкете, которую заполняли клиенты сервиса после онлайн-консультации, 50 % респондентов ответили, что получили полный ответ на волнующий вопрос и 50 % получили частичный ответ. Но 37,5 % не почувствовали эмоционального облегчения после разговора с врачом.

Эмоциональная поддержка в записанных авторами консультациях реализуется через похвалу (хорошо / что вы хотя бы вспоминаете об этом и делаете) и утешение (ничего особенно страшного в этом нет; сейчас разберемся. Конечно / проконсультируем / подскажем). Рефлексивное слушание также является эффективным способом оказания эмоциональной поддержки. В заочных консультациях врач использует вербальные реакции, такие как выражения подтверждения понимания (понял вас; я поняла; понял-понял), высказывания, повторяющие реплики пациента (П.: и я / так сказать / подсела на сосудосуживающие средства для носа // У меня был заложен нос / было / наверное / какое-то воспаление // Вот // И я // Мне ничего не помогало // Но к аллергологу я не обращалась // И начала пользоваться сосудосуживающими / и теперь вроде аллергии нет / но трудно дышать / без них. — В:. Без них трудно), уточняющие вопросы (А после чего это началось / не припомните? Может быть / переболели какой-нибудь вирусной инфекцией / какой-нибудь простудой?).

На протяжении всей консультации врач не должен допускать того, чтобы его слова могли испугать пациента. Особенно когда предмет разговора действительно очень серьезный. Примером удачного речевого поведения врача можно назвать следующую рекомендацию, в которой он сообщает пациенту о необходимости сделать анализ на онкологию: Ну сначала это должен осмотреть да? кожу дерматолог и сказать / что это доброкачественное всё и можно пользоваться косметическими такими услугами <...> дерматолог посмотрит дерматоскоп и скажет / что пятнышки доброкачественные. Врач старается снизить уровень переживаний пациента, в речи исключить возможность негативного результата анализа. Выбор модальной конструкции со словом «должен» и использование изъявительного наклонения придают уверенность и настраивают на позитивный результат. Речь этого консультирующего специалиста в целом отличается большой мягкостью, что достигается за счет использования уменьшительно-ласкательных форм (процессики, бипантенчиком, ножичком, моментики, вопросики; легонько, аккуратненько, подробненько; немножечко; чистенькая) и слов с позитивным значением или положительной коннотацией (замечательно, хорошо, спокойно, чистая), частым употреблением междометия ∂a с вопросительной интонацией, которое выступает в функции частицы-обращения. Такой вопрос не предполагает ответа пациента, а только включает его в коммуникативное событие (Проверить работу внутренних органов / печени да?; Нет ли какой-то интоксикации да?; Сдать нужно / общеклинический посмотреть / нет ли состояния анемии да?).

Используемые этим специалистом приемы соответствуют коммуникативному стилю «Плакатер» в концепции В. Сатир [6]. Автор данной концепции определяет коммуникативный стиль как устойчивый способ общения, включающий в себя интонацию, телесные движения и позы, выражения лица и характерную лексику. В. Сатир основывается на том, что способность человека к эффективной коммуникации с другими людьми находит препятствие чаще не в содержании того, что говорится или не говорится, а, скорее, в способе, при помощи которого человек коммуницирует. Признавая гибкость использования разных ориентаций как показатель здоровой личности, В. Сатир считала, что можно с равным успехом использовать различные стили коммуникации, если этого требует ситуация. В приведенном примере использование стиля «Плакатер» является ситуативно уместным и обеспечивает эмоциональную поддержку пациента.

Неумение врача оказать эмоциональную поддержку может стать причиной коммуникативной и профессиональной неудачи. Приведем в пример часть диалога, где врач игнорирует переживания пациента. П.: *Ну / гормональные препараты звучит как что-то страшное такое / нет?* – В.: *Гормональные препараты // Ну они // Только вот они помогут // То есть их использовать в течение семи дней*. Обращаясь к врачу, человек надеется избавиться от тревоги, вызванной не только состоянием здоровья, но и неопределенностью, скрывающей проблему, ее лечение и последствия. Но, не получив запрашиваемую поддержку, пациент остается недоволен консультацией, а вероятность выполнения полученных рекомендаций снижается. Следовательно, неумение врача вербально выразить свою поддержку влияет на качество оказания медицинской помощи.

Анализ результатов анкетирования. С целью более глубокого понимания установок и запросов пациентов относительно социальной поддержки со стороны врачей авторы

провели анкетирование, в котором принял участие 51 респондент. Все вопросы касаются опыта их консультаций с врачами-терапевтами и специалистами в качестве пациентов (прием у врача, вызов врача на дом, в государственном или частном лечебном учреждении). Анкета включала как закрытые, так и открытые вопросы.

На вопрос, получается ли у них задать все интересующие вопросы врачу на консультации, две трети респондентов ответили в целом положительно. Около 30 % испытывают затруднения в том, чтобы спросить у врача все, что им хотелось бы. Однако следующий вопрос об обстоятельствах, мешающих задать нужные вопросы, содержал вариант ответа: «Обычно ничего не мешает» с целью контроля ответа на предыдущий вопрос. Этот вариант выбрали лишь 20 % респондентов, что говорит о том, что со сложностями в прояснении на консультации всего необходимого сталкивается большее количество людей. 59 % пациентов задают не все интересующие вопросы на консультации, так как забывают их. Может показаться, что причина такого положения дел никак не связана с коммуникативными навыками врача. Однако эффективнее будет специалист, который сам побуждает пациента к дополнительным вопросам, а также создает на приеме эмоционально комфортную атмосферу, в которой у клиента будет возможность спокойно сосредоточиться и вспомнить все необходимое. Также врач может перед тем, как попрощаться с пациентом, спросить о том, остались ли у него какие-то вопросы. Один из авторов статьи, будучи на приеме у специалиста, анализировал сказанное им и, задумавшись, формулировал вопрос в голове. Врач, очевидно, «считал» это, так как спокойно и вежливо произнес: «Спрашивайте!». Это поспособствовало созданию эмоционально комфортной атмосферы, в которой автору статьи удалось задать врачу все интересующие его вопросы.

Среди других ответов: «Стесняюсь задать вопрос» (41 %), «Времени консультации не хватает» (26 %), «Врач не дает возможности задать вопрос» (19 %), «Боюсь осуждения со стороны врача» (14 %), «Боюсь показаться некомпетентным» (14 %). Обращает на себя внимание, что значительное количество респондентов испытывают смущение при необходимости задать вопрос врачу. Чтобы снизить этот эффект, врач может использовать приемы рефлексивного и нерефлексивного слушания, побуждающие собеседника к продолжению разговора и снижающие неловкость беседы: повторение сказанного клиентом с использованием его лексики, в целесообразности употребления которой он, возможно, сомневается; демонстрация невербальных сигналов слушания и признания происходящего «нормальным» - кивки, не транслирующее каких-либо эмоций выражение лица, отсутствие улыбки, которую клиент может воспринять как знак насмешки или осуждения; побуждение клиента продолжать короткими репликами («Продолжайте, пожалуйста, я слушаю»). Согласно Н. В. Казариновой, в ситуации смущения «функционально все приемы как со стороны наблюдателей, так и со стороны "пострадавшего" должны быть направлены на восстановление его "публичного имиджа" и подтверждение того, что в результате произошедшего отношение к нему не изменилось» [1, с. 413].

На вопрос: «Вы обычно получаете от врача понятные вам ответы на все вопросы, которые задаете?» 92 % респондентов отвечают: «Да, всегда» и «Чаще да». Это говорит о высоком уровне информационной социальной поддержки. Несмотря на то, что личный контакт, большая длительность очной консультации позволяют врачу предоставлять пациенту

более полную и понятную для него информацию, результаты анализа записей онлайнконсультаций также выявляют высокий уровень информационной поддержки.

Следующая группа вопросов была направлена на проверку уровня эмоциональной поддержки. Вопросы были сформулированы в технике шкалирования и касались частоты субъективных оценок различных эмоциональных состояний пациента после приемов у врачей-специалистов. Ответ «1» означал, что ощущение абсолютно не характерно, «10» – выражено максимально и встречается чаще всего. На рис. 1 видно, что у большинства людей степень тревожности после консультации врача снижается.

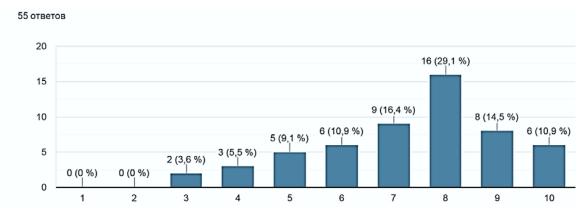

Рис. 1. Шкала ответов на вопрос «Если перед визитом к врачу вы испытываете тревожность, как часто после консультации степень беспокойства снижается?»

Fig. 1. Scale of responses to the question "If you experience anxiety before a visit to the doctor, how often does the degree of anxiety decrease after the consultation?"

В анкете также присутствовал контрольный вопрос «Как часто после визита к врачу у вас возникает необходимость посетить еще одного специалиста схожего профиля?». Подразумевалось, что такая необходимость чаще всего возникает в случае недостаточного доверия к врачу, у которого на приеме пациент оказался первоначально, и (или) сохранившейся неопределенности (хотя иногда у пациента изначально существует намерение в любом случае посетить нескольких врачей одного и того же профиля). Как видно на рис. 2, около половины респондентов более или менее часто испытывают такую необходимость.

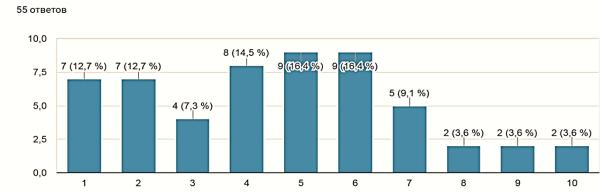

Рис. 2. Шкала ответов на вопрос «Как часто после визита к врачу у вас возникает необходимость посетить еще одного специалиста схожего профиля?»

Fig. 2. Scale of responses to the question "How often after a visit to a doctor do you want to visit another specialist of a similar profile?"

Еще один вопрос об эмоциональной поддержке был задан прямо: «Как часто вы ощущаете на приеме у врача проявления с его стороны эмоциональной поддержки (личност-Социальная поддержка как фактор повышения эффективности взаимодействия между врачами и пациентами 79 Social Support as a Factor of Increasing the Efficiency of Interaction between Doctors and Patients

80

ная вовлеченность в вашу проблему, эмпатия, похвала, подбадривание, обращение по имени)?». Согласно ответам респондентов: 23 % редко сталкиваются с такими проявлениями в коммуникации врача, 44 % – время от времени, 33 % – часто.

Для получения более детальной информации авторами было задано также три открытых вопроса, направленных на фиксацию дополнительных сведений о проявлениях различных форм социальной поддержки со стороны врачей. Первый вопрос был нацелен на выявление позитивно оцениваемых респондентами аспектов консультаций и задан следующим образом: «Что в поведении врачей, на консультациях которых вы были в последнее время, вас приятно удивило?».

Больше всего (25 % из всех ответивших на вопрос) упоминают такие элементы эмоциональной поддержки, как вовлеченность, желание помочь, демонстрацию искренней заинтересованности в решении проблемы: «Вовлеченность в проблему», «Искренность, вовлеченность в проблему, желание помочь», «Специалист действительно хотел помочь и развеять все вопросы/сомнения, касающиеся моей проблемы», «...демонстрировали заинтересованность и желание действительно вылечить», «...живое участие в решении проблемы, желание максимально войти в мою ситуацию...», «...заинтересованность в решении проблемы, желание помочь», «заинтересованность». 16 % говорят о вежливости/вежливом обращении: «вежливое обращение», «вежливость», «компетентность и вежливость врача», «спокойствие, вежливость, подробные объяснения». 10 % респондентов отмечают формирование впечатления о компетентности специалиста, что также можно считать элементом эмоциональной поддержки: «компетентность и вежливость врача», «явная компетентность в вопросе». Также обращает на себя внимание распространенность ответов о создании врачом позитивной эмоциональной атмосферы: «Удалось попасть к специалистке, которая оказалась очень милой женщиной, подбадривающей и дающей понять, что ты в надежных руках, и проблему обязательно решим. Удивило, что она такая позитивная, уместно шутит и смеется с пациентами – даже не знаю, откуда в ней столько сил на такую коммуникацию»; «Участковый врач очень добро относится ко мне, шутит и участливо назвал "солнышком"»; «Внимательность, терпеливость, разбавление напряженной обстановки шутками или просто приятный разговор на отвлеченную тему»; об отсутствии осуждения со стороны врача (что характерно для более молодых специалистов): «В разговоре с ним не чувствовалось никакого осуждения (как это бывает с работниками более старшего поколения). Специалист действительно хотел помочь и развеять все вопросы/сомнения, касающиеся моей проблемы»; «Молодым специалистам легче рассказать о своей проблеме и не бояться осуждения».

Таким образом, именно элементы эмоциональной, а не информационной или действенной поддержки в большей степени приятно удивляют, а значит, согласно впечатлению респондентов, реже встречаются в коммуникации врачей.

Меньшее количество респондентов говорят о том, что их удивила доступность полученной от врача информации: «полное объяснение всего, что необходимо»; «развернутые и понятные ответы (без большого количества медицинских терминов) по конкретной проблеме, часто врачи даже диагноз не говорят»; «объяснение процесса процедуры/болезни доступным языком». Это подтверждает результаты ответов на закрытые вопросы, говорящие о сравнительно высоком уровне информационной поддержки в отношениях между врачами и пациентами.

Данные выводы можно сделать и при анализе ответов на другой открытый вопрос: «Каких действий или фраз со стороны врача вам не хватало на консультациях в последнее время?». Наиболее распространенный ответ (23 % респондентов) говорит о явном запросе на эмпатию, слова поддержки, усиление уверенности в выздоровлении или положительной динамики: «Я понимаю вас, я точно смогу вам помочь»; «слова поддержки»; «внушение уверенности, что все вылечится и все будет хорошо»; «Вам трудно, но вы со всем справитесь, а я помогу вам». Чуть менее распространены ответы (15 %), говорящие о нехватке четкой пошаговой инструкции дальнейших действий пациента: «Нет четкого определения оптимальных действий вместо предложения принять решение самостоятельно», «Приятно, когда врач спокойно объясняет и подробно расписывает, как будет проходить лечение поэтапно — это +1000 к пониманию, что вообще тебе надо делать и что с тобой будет. Но это не все почему-то делают», «Нет пошагового разъяснения дальнейших действий», «Не хватало внимания, четких рекомендаций, подробного объяснения проблемы».

Также нами был задан открытый вопрос: «Что вам не понравилось в коммуникации врачей, к которым вы обращались в последнее время?». Большое количество ответов (21 %) было о том, что негативную реакцию вызвали холодность, отстраненность, безразличие специалиста: «безразличие к проблеме», «желание врача сказать стандартные фразы и отделаться от пациента», «равнодушие», «отсутствие активности, невовлеченность в мою проблему; меня не слушали и не все спрашивали», «холодность, отстраненность». 21 % респондентов так или иначе указывают на грубость или проявления агрессии в общении со стороны врачей: «резкость, поведение типа "начальник-подчиненный" (редко)», «грубость и хамство, как это обычно бывает в госучреждениях», «обесценивание, грубость, переход на личность», «Врач был очень занят другим делом, не полностью выслушал жалобы, отказывался выписать нужные, ранее уже показанные другим врачом направления, дал очень расплывчатое и общее решение проблемы, был агрессивен», «Я подошла к врачу в рабочее время, но в отсутствии других потенциальных пациентов, чтобы просто спросить, может ли врач занести меня в базу данных как переболевшую ковидом (она должна была сделать это сама и сразу). Меня встретили криками и сказали подходить только по записи (ближайшая была через месяц, а информация на госуслугах нужна была уже через пару недель)».

Немного меньший процент (18 %) отмечают использование специальной и не всегда понятной терминологии, слишком краткие ответы на вопросы пациента: «Использование околомедицинских терминов, которые не совсем понятны обычным людям – например, даже простая просьба "поработать кулаком" перед сдачей крови из вены может ввести в ступор из-за размытости формулировки», «краткость».

Таким образом, фокусируясь на негативных впечатлениях после посещения врачей, респонденты отмечают, прежде всего, нехватку не столько информации, сколько атмосферы эмоционального комфорта, успокаивающей и создающей мотивацию для дальнейшего лечения. Эмоциональный труд является, вероятно, одной из составляющих работы врача. Неудачными практиками для медицинского работника являются проявления грубости, насмешек или запугиваний. В этом плане показательно высказывание одного из респондентов: «Могу рассказать историю: недавно болела гайморитом, и после первичного

осмотра мне сказали, что все в целом в норме. Но после рентгена мне прямо сказали, что "все плохо". Считаю, что это было некомпетентно, я очень испугалась. И это было в частной клинике!». Сказанное актуализирует использование врачами приемов рефлексивного слушания, эмпатических навыков, различных методик эмоционального (само)контроля и управления эмоциональным поведением.

Заключение. Согласно результатам исследования, основная гипотеза авторов в целом подтвердилась. На основе анализа теоретических материалов по проблеме, анализа записей онлайн-консультаций и результатов анкетирования респондентов, получавших очные консультации, можно сделать следующие основные выводы.

На онлайн-консультациях минусами коммуникативного поведения врача называют большие паузы в речи специалиста, что может восприниматься как недостаточная компетентность или невовлеченность в проблему пациента. Отсутствие коммуникативной инициативы в поведение врача характерно и для ситуаций реального общения. Врач должен осуществлять контроль над развитием беседы. Такое коммуникативное поведение заложено в статусно-ролевом общении врача и пациента, и несоблюдение этих правил ставит пациента в неловкую ситуацию, когда роль лидера общения перекладывается на него против его воли.

Эффективность коммуникации на заочных консультациях обусловлена речевым поведением врача, так как в ситуации опосредованного общения речь специалиста является единственным возможным инструментом для оказания помощи и поддержки пациенту. Овладевая коммуникативной компетенцией, врач повышает и свой профессиональный уровень. Приемами поддерживающего общения при этом могут стать следующие речевые действия: обращение к пациенту по имени или имени-отчеству; формулы вежливости; вербальная реакция на жалобы пациента, его сомнения и переживания; использование слов с позитивным значением или положительной коннотацией; уточняющие вопросы и выражения, резюмирующие речь пациента; утешающие и поддерживающие реплики и др.

Врач, проводящий очные консультации, обладает более широким инструментарием для формирования поддерживающего стиля коммуникации, включающим приемы нерефлексивного и рефлексивного слушания, эмпатические техники. Успешное применение этих приемов является показателем коммуникативной компетентности врача, важной составляющей эффективности его деятельности. Согласно субъективной оценке респондентов, в обществе существует запрос на большую вовлеченность, использование элементов личностного отношения, повышение доступности в изложении информации врачами пациентам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1. Межличностная коммуникация: теория и жизнь / О. И. Матьяш, В. М. Погольша, Н. В. Казаринова и др. СПб.: Речь, 2011.
- 2. Соколова М. С. К вопросу о классификации социальной поддержки как составляющей позитивной коммуникации // Известия ВГПУ. Сер. Филологические науки. 2017. № 7 (120). С. 95–102.
- 3. Леонтович О. А. Позитивная коммуникация: постановка проблемы // Вестн. РУДН. Сер. Лингвистика. 2015. № 1. С. 164–177. DOI: https://doi.org/10.22363/2687-0088-9411.

- 4. Lazarus R. S. The Psychology of Stress and Coping // Issues in Mental Health Nursing. 1985. Vol. 7, iss. 1–4. P. 399–418.DOI: https://doi.org/10.3109/01612848509009463.
- 5. Арипова А. О., Крюкова Т. Л. Эмоциональная поддержка: о понятии и формах // Вестн. Костр. гос. ун-та. Сер. Педагогика. Психология. Социокинетика. 2019. № 2. С. 102–107. DOI: 10.34216/2073-1426-2019-25-2-102-107.
- 6. Гордон Д. Терапевтические метафоры. СПб.: Белый кролик, 1995. URL: https://libking.ru/books/sci-/sci-psychology/288937-devid-gordon-terapevticheskie-metafory.html (дата обращения: 01.10.2022).

Информация об авторах.

Кисельникова Анна Алексеевна — старший преподаватель кафедры русского языка Санкт-Петербургского государственного педиатрического медицинского университета, ул. Литовская, д. 2, Санкт-Петербург, 194100, Россия; соискатель ученой степени кандидата филологических наук Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. Автор 5 научных публикаций. Сфера научных интересов: речевые жанры медицинского дискурса, коммуникация между врачом и пациентом.

Пашковский Евгений Александрович – кандидат политических наук (2013), доцент кафедры социологии и политологии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор 32 научных публикаций. Сфера научных интересов: социология повседневности, социология эмоций, социальная психология, межличностная коммуникация.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось. Поступила 03.10.2022; принята после рецензирования 20.10.2022; опубликована онлайн 23.12.2022.

REFERENCES

- 1. Mat'yash, O.I., Pogol'sha, V.M., Kazarinova, N.V. et al. (2011), *Mezhlichnostnaya kommunikaciya: teoriya i zhizn'* [Interpersonal communication: theory and life], Rech', SPb., RUS.
- 2. Sokolova, M.S. (2017), "Considering the issue of classification of social support as a component of positive communication", *Ivzestia of the Volgograd State Pedagogical Univ. Philological sciences*, no. 7 (120), pp. 95–102.
- 3. Leontovich, O.A. (2015), "Positive Communication: A Theoretical Perspective", *Vestnik RUDN. Seriâ Lingvistika*, no. 1, pp. 164–177. DOI: https://doi.org/10.22363/2687-0088-9411.
- 4. Lazarus, R.S. (1985), "The Psychology of Stress and Coping", *Issues in Mental Health Nursing*, vol. 7, iss. 1–4, pp. 399–418. DOI: https://doi.org/10.3109/01612848509009463.
- 5. Aripova, A.O. and Kryukova, T.L. (2019), "Emotional support: the concept and forms", *Vestnik Kostroma State Univ. Ser. Pedagogy. Psychology. Sociokinetics*, no. 2, pp. 102–107. DOI: 10.34216/2073-1426-2019-25-2-102-107.
- 6. Gordon, D. (1995), *Terapevticheskie metafory* [Therapeutic metaphors], Belyi krolik, SPb., RUS, available at: https://libking.ru/books/sci-/sci-psychology/288937-devid-gordon-terapevticheskie-metafory.html (accesses 01.10.2022).

Information about the authors.

Anna A. Kiselnikova – Senior Lecturer at the Department of the Russian Language, St Petersburg State Pediatric Medical University, 2 Litovskaya str., St. Petersburg 194100, Russia; applicant for the degree of Can. Sci. (Philology), Saratov State University. The author of

5scientific publications. Area of expertise: speech genres of medical discourse, communication between doctor and patient.

Evgeny A. Pashkovsky – Can. Sci. (Politics) (2013), Associated Professor at the Department of Sociology and Political Science, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of 32 scientific publications. Area of expertise: sociology of everyday life, sociology of emotions, social psychology, interpersonal communication.

No conflicts of interest related to this publication were reported. Received 03.10.2022; adopted after review 20.10.2022; published online 23.12.2022.

Оригинальная статья УДК 32.019.5; 316.4 http://doi.org/10.32603/2412-8562-2022-8-6-85-100

Веб-ресурсы в профессиональной рутинной практике врача-хирурга

Марина Вадимовна Шутова¹, Яна Сергеевна Рочева^{2⊠}

^{1, 2}Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия ²Федеральный научный центр реабилитации инвалидов им. Г. А. Альбрехта, Санкт-Петербург, Россия,

²Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия

¹marbelru@ gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-0095-773X

²rocheva_yana@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-7162-8917

Введение. Статья посвящена изучению современных инициативных практик использования веб-ресурсов врачами-хирургами в целях самообучения, построения карьеры и продвижения в профессиональной среде. Обзор русскоязычных источников показал, что исследований подобной тематики практически нет. Работа строилась на принципах прагматической социологии и выявила структурно-функциональные изменения, проявляющиеся в новых способах повышения профессионального мастерства за счет возможностей, которые дают цифровые технологии.

Методология и источники. Авторы опираются на системный, структурно-функциональный подходы и на методологию французской школы прагматической социологии для описания изменений, которые цифровые технологии вносят в социальный институт медицины. Зарубежные источники показывают высокий интерес исследователей к этому вопросу. Иностранные коллеги разрабатывают тему веб-ресурсов в рутинной практике врача-хирурга, исходя из специализации, целеполагания и др. Публикация строится на основании анкетного опроса 252 хирургов и 4 глубинных интервью.

Результаты и обсуждение. Веб-ресурсы и социальные медиа в профессиональной практике врачей в целом и отдельных специализаций находятся в начальной стадии научно-практического осмысления российской социологии. Обращение к веб-ресурсам в целях повышения профессионального уровня или подготовки к оперативному вмешательству – часть рутинной практики врачей-хирургов. При этом хирурги испытывают недостаток технической и организационной поддержки, реальное использование веб-ресурсов недооценивается, институциональные веб-ресурсы пользуются меньшей популярностью, по сравнению со специализированными сообществами и отдельными каналами в социальных медиа.

Заключение. Российские врачи-хирурги испытывают недостаток возможностей применения интернет-технологий в профессиональной деятельности. Их во многом ограничивает отсутствие технической возможности создания, хранения, распространения видеоархива, специального инструментария, а зачастую навыков для монтажа и комментирования видеозаписей проведенных операций и ведения социальных медиа. Профессиональная репрезентация хирургов на веб-ресурсах является их личной инициативой, видео выкладываются стихийно, мастерство хирурга и качество выложенных

© Шутова М. В., Рочева Я. С., 2022

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License. This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

операций не имеют институционализированных форм регулирования и оценки со стороны профессионального сообщества.

Ключевые слова: взаимодействие врач – пациент, удаленное консультирование, онлайнинструменты в медицинском образовании, социальные медиа врачей, телемедицина, врачхирург

Для цитирования: Шутова М. В., Рочева Я. С. Веб-ресурсы в профессиональной рутинной практике врача-хирурга // ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 6. С. 85–100. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-6-85-100.

Original paper

Web Resources in a Surgeon's Everyday Professional Routine

Marina V. Shutova¹, Yana S. Rocheva^{2⊠}

^{1, 2}Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia
 ²Federal Scientific Center of Rehabilitation of the Disabled n. a. G. A. Albrecht, St Petersburg, Russia
 ²Saint Petersburg State Economic University, St Petersburg, Russia
 ¹marbelru@ gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-0095-773X
 ²rocheva_yana@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-7162-8917

Introduction. Research is devoted to the modern initiative practices of using web resources, which surgeons use to build a career and advance in a professional environment or aim for self-training. A review of Russian-language sources showed that studies on the topic are almost absent. The work was based on the principles of pragmatic sociology and revealed structural and functional changes manifested in new ways to improve professional skills through the opportunities provided by digital technologies.

Methodology and sources. The authors rely on systemic, structural-functional approaches and the methodology of the French school of pragmatic sociology to describe the changes that digital technologies bring to the social institution of medicine. Foreign sources show a high researchers' interest in this field. Foreign colleagues develop the topic of web resources used in the routine practice of a surgeon having regard to his / her specialization, goal setting, etc. The publication is based on a questionnaire survey of 252 surgeons and four indepth interviews.

Results and discussion. Web resources and social media in the professional practice of doctors in general and individual specializations are at the initial stage of scientific and practical understanding of Russian sociology. Appealing to web resources to improve the professional level or prepare for surgery is part of the routine practice of surgeons. At the same time, surgeons lack technical and organizational support, the actual use of web resources is underestimated, and institutional web resources are less popular than specialized communities and individual social media channels.

Conclusion. Russian surgeons act in a resource-constrained Internet technology environment in their working place, bound by the lack of technical capabilities for creating, storing, and distributing video archives, the lack of special tools, and, often, skills for editing and commenting on videos, operations, and maintaining social media. The professional representation of surgeons on web resources is their initiative, and videos of the surgical operation are uploaded spontaneously. The mastership of the surgeon and the quality of the surgical operation posted do not have institutionalized forms of regulation and evaluation by the professional community.

Keywords: medical education online tools, social media for doctors, telemedicine, surgeons, web resources in medicine, surgeons

For citation: Shutova, M.V. and Rocheva, Ya.S. (2022), "Web Resources in a Surgeon's Everyday Professional Routine", *DISCOURSE*, vol. 8, no. 6, pp. 85–100. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-6-85-100 (Russia).

Введение. Цифровые коммуникационные практики повышения мастерства и карьерного продвижения российских хирургов в профессиональной среде неинституционализированы, стихийны и на данный момент мало изучены научным сообществом. В то же время эти практики для многих являются неотъемлемой частью повседневной профессиональной рутины. Мы наблюдаем инициативное использование хирургами веб-ресурсов и широких социальных медиа. Польза и значимость практик репрезентации современных хирургов на веб-ресурсах не имеют закрепленных форм оценки со стороны профессионального сообщества, что требует осмысления.

Настоящее исследование направлено на изучение специфических характеристик сложно организованного объекта — самообразования врачей-хирургов в цифровой среде. В данном случае системный подход наиболее полно отвечает потребностям исследования, так как, согласно Д. С. Клементьеву, «системный анализ в области социологии управления представляет собой комплекс исследований, направленных на выявление общих тенденций и факторов развития организации или института и выработку мероприятий по совершенствованию системы управления» [1, с. 193], что относится и к скрытым, еще неинституционализированным объектам. Статья опирается на такие важные методологические направления социологии, как структурно-функциональный анализ в концепциях Р. Мертона и Т. Парсонса [2, 3], Н. Лумана [4] и прагматической социологии Б. Латур [5].

Т. Парсонс определяет основные функции социальной системы, такие как адаптация (способность приспособиться к среде); достижение цели (система должна обладать способностью достигать тех целей, которые продиктованы функцией адаптации); интеграция (для достижения цели система должна обладать достаточным единством и сбалансированностью); интернализация (поддержание существующего порядка), и идентифицирует их со структурами и частями социальной системы, эти функции выполняющими. Опираясь на базовый теоретический посыл Т. Парсонса: «Действие – это система», мы имеем возможность наблюдать зарождение новых систем в области медицинского образования, повышения квалификации хирургов.

Рассматривая социальную систему с точки зрения Н. Лумана [4], мы видим в первую очередь систему значимой коммуникации, которая определяется через ценности, вовлеченные в эту коммуникацию. В соответствии с этим подходом, ценности являются общими, индивидуально символизируемыми точками зрения, которые позволяют человеку предпочитать определенные состояния или действия. Ценности можно воспринимать как самореферирующие единства для себя и, следовательно, они также формируют самореферирующую систему. Мастерство является одной из высших ценностей в сообществе практикующих хирургов, достижение мастерства, признание хирурга мастером своего дела – притягательный образ вершины карьеры в профессиональном сообществе.

Другим методологическим основанием для исследования стала традиция прагматической социологии [5]. Фокус внимания в конкретном виде деятельности узкой социальной группы, посредством которого объединяются совокупности и утверждаются сетевые

общности – коллективы, а структуры становятся осязаемыми. Цифровые трансформации и сетевые структуры все более актуализируются в современном обществе. Эту идею отметили участники круглого стола «Социология управления: вчера, сегодня, завтра»: на рубеже XXI в. на смену изучению структур управления приходит понимание коммуникативной природы управления; на смену приоритету в исследовании социального порядка приходит осознание необходимости исследования неопределенности в социальных процессах [6]. Укрепляется точка зрения о том, что любая сфера жизнедеятельности общества, в которой получила распространение цифровизация, в том числе здравоохранение, означает также и внедрение цифровизации и сетевых коммуникаций в управление этими сферами [7, 8]. В то же время, по мнению А. А. Али-Заде, в цифровой социальной среде производство знания, процесс обмена знаниями и опытом уже не требует обязательного «разрешения» от социальных институций, далеко не всегда управляем и подконтролен. Как следствие, чрезвычайно важным становится мониторинг зарождения новых практик, их изучение и учет конструктивного (порождающего) характера человеческой активности, в том числе и в профессиональной среде [9].

Таким образом, на основе системного подхода нам удалось выявить новые тенденции в развитии мастерских образовательных практик в хирургии, которые реализуются через систему инициативного использования врачами веб-ресурсов, что подтверждает идею Н. Лумана о ценностях в системе значимой коммуникации. Хирурги используют веб-ресурсы стихийно, на наших глазах складывается новая практика передачи мастерства посредством видеозаписи, хранения и распространения операций. С учетом влияния коммуникативной природы управления и цифровизации общества эта практика могла бы быть институционализирована, так как существующие институциональные способы повышения квалификации и продвижения (онлайн-обучение, практические конференции) не закрывают в полном объеме потребности активных практикующих хирургов ни с точки зрения повышения квалификации, ни с точки зрения возможности продвижения своего бренда в профессиональном сообществе. Для решения этих задач хирурги обращаются к возможностям сети Интернет. Эта тенденция тем ярче, чем больше у них есть возможностей для самореализации. Сетевая коммуникация самым непосредственным образом влияет на производство и закрепление практического знания в медицинской профессиональной среде. Нам необходимо реалистично оценивать масштабы этого влияния, чтобы понять, стоим ли мы на пороге новых глобальных практик производства и преумножения хирургического мастерства или речь идет об использовании потенциала сетевого взаимодействия для эффективного решения локальных задач хирурга?

В рамках социологии управления и социологии медицины формируются направления по изучению веб-ресурсов как инструмента обучения и обмена информацией во врачебном сообществе. В настоящее время в России накоплен опыт изучения изменений, которые современные телекоммуникационные технологии вносят в социальный институт медицины, его можно разделить на несколько групп исследований:

I. Взаимодействие врач – пациент. Репрезентации врачей в онлайн-среде [10], использование веб-ресурсов как инструментов продвижения бренда врача и для его взаимодействия с пациентами [11, 12].

- II. Удаленное консультирование (телемедицина) и системы поддержки принятия врачебных решений.
- III. Онлайн-инструменты в медицинском образовании [13, 14], повышении квалификации врача [15–17] и системе непрерывного медицинского образования [18, 19].

Методология и источники. Авторы опираются на системный и структурно-функциональный подходы и прагматическую социологию для описания изменений, которые современные телекоммуникационные технологии вносят в социальный институт медицины. В фокусе внимания – репрезентации врачей в онлайн-среде: использование веб-ресурсов как инструмента продвижения бренда врача в профессиональной среде и его взаимодействия с пациентами. К этой сфере относятся удаленное консультирование (телемедицина), онлайнинструменты в медицинском образовании (в том числе повышение квалификации и система непрерывного медицинского образования (НМО)) и инициативное использование врачами веб-ресурсов в профессиональных целях. Обзор русскоязычных источников литературы показал, что исследований, посвященных использованию врачами веб-ресурсов в профессиональных целях, практически нет. Среди авторов следует отметить работы В. Г. Нестерова, Е. В. Нестеровой, Е. В. Павленко, Е. А. Тарасенко. Зарубежные источники показывают высокий интерес исследователей к этому вопросу, что нашло отражение в работах S. D. Wexner, A. M. Petrucci, R. R. Brady, M. Ennis-O'Connor, J. E. Fitzgerald, J. Mayol, L. E. Long, C. Leung, J. S. Hong, H. J. Logghe, C. L McFadden, N. J. Tully, Ch. Zerrweck, C. Arana, S. Calleja, J. P. Wagner, A. L. Cochran и др.

Обращает внимание, что зарубежные авторы разрабатывают тему веб-инструментов в рутинной практике врача исходя из профессиональной специализации, целеполагания и национальных особенностей. В связи с высокой активностью наибольший интерес привлекают онлайн-репрезентации хирургов. Настоящая публикация строится на основании анкетного опроса 252 врачей-хирургов и 4 глубинных интервью.

Результаты и обсуждение. Тема инициативного использования врачами интернет-ресурсов в профессиональных целях в русскоязычной социологии (социология медицины, социология образования, социология управления) практически не представлена. Проводились отдельные авторские эмпирические исследования в рамках социологии медицины: В. Г. Нестеров, Е. В. Нестерова в 2009 г. [20], коллектив авторов в 2011 г. [21] и Е. В. Павленко 2015 г. [22] Только в одной работе Е. А Тарасенко [23] фокус внимания авторов был сосредоточен именно на исследовании вопроса использования врачами возможностей современных телекоммуникационных технологий в профессиональной деятельности. Вывод, к которому они пришли на момент исследования: «У многих врачей нет постоянного доступа в Интернет. Использование Интернета в профессиональных целях среди врачей также ограничено. Сравнение как доступности, так и опыта, частоты, целей использования Интернета врачами со всей аудиторией Рунета показывает "отсталость" современных врачей от своих пациентов в плане освоения информационных технологий». На сегодня этот вывод уже утратил свою актуальность. Последнее русскоязычное исследование, где затрагиваются вопросы использования интернет-технологий в практике врачей, проводилось в 2015 г. и продемонстрировало активную динамику роста вовлеченности интернет-коммуникаций в профессиональную деятельность врача: 55,7 % опрошенных посещают специализированные

.....

сайты по определенной медицинской проблеме или заболеванию, 40,2 % пользуются электронными медицинскими библиотеками, 38,3 % посещают сайты периодических медицинских изданий, 34,5 % применяют интернет-версии справочников лекарственных препаратов, 32,3 % используют Интернет для общения с коллегами, в том числе в рамках профессиональных социальных сетей [22].

Е. В. Павленко делает вывод о том, «...что специализированные социальные сети для врачей (doctornarabote, medtusovka, evrica, ВрачиРФ и пр.) посещают 26,1 % опрошенных, специализированные форумы – 23,1 %, состоят в медицинских сообществах в социальных сетях («Одноклассники», «Вконтакте» и др.) 50 %» [22, с. 33].

Еще в 2013 г. Е. А. Тарасенко [23] показала высокий потенциал профессиональных социальных сетей и платформ для медицинских работников, указывая, что они являются инструментом создания и накопления информации, источником повышения профессиональных знаний и помогают врачам поддерживать профессиональный тонус. Но внимание российских исследователей в большей степени сконцентрировано на институциональных вопросах: современных технологиях в здравоохранении, вузовском образовании и НМО, а также в области использования социальных сетей для продвижения врача и привлечения пациентов. Без упоминания отдельной специализации, в то время как зарубежная практика показывает наличие практической проработанности вопросов инициативного использования врачами интернет-ресурсов, в том числе отдельных специальностей.

Российских исследований, посвященных практикам использования социальных сетей в профессиональной рутинной деятельности врача, найти практически не удалось. В то время как элементарный поиск google scholar (http://scholar.google.ru/) только по запросу «social media in surgery» выдает минимум 92 публикации с 2017 по 2021 гг. по теме использования социальных медиа именно для профессиональных целей (не включая статьи по построению имиджа врача в целях привлечения пациентов). Существуют отдельные исследования, посвященные влиянию социальных медиа на практику, образование и взаимодействие с пациентами врачей узких специальностей, например хирургов-колопроктологов [24–26], сравнению динамики использования социальных медиа хирургами различных специализаций: «Необходимо понимать высокую значимость использования Интернета и социальных медиа в среде хирургов общего профиля и бариатрических хирургов. Фейсбук* показывает высокую активность и тех, и других (личную, профессиональную, академическую и маркетинговою), но бариатрические хирурги демонстрируют заметно большую вовлеченность, кроме того, в их среде больше маркетинговых стратегий и инвестиций» [27, р. 1634], а также хирургов без учета специализации [28]. Исследователи анализируют специфику профессионального использования социальных медиа не только в зависимости от хирургической специализации врача, но и его гражданской принадлежности – Германия [29], Дания [30].

Отдельного упоминания заслуживает исследование влияния социальных медиа на продвижение хирургических исследований и самообразование специалистов, опубликованное Дж. Майол и Дж. Дзяковой в 2017 г. Авторы отмечают, что главное преимущество исполь-

-

^{* *}Социальные сети, запрещенные на территории Российской Федерации. Принадлежат экстремистской организации.

зования социальных медиа для хирургов — это мощный ресурс быстрого обмена информацией: «Социальные сети обеспечивают мгновенный и неограниченный доступ, многосторонние связи и быстрый обмен идеями и исследованиями между международными пользователями и трансформируют современную исследовательскую коммуникацию. <...> Эти функции особенно привлекательны для хирургов-исследователей, и поэтому неудивительно, что их применение для многих из них сразу же стало очевидным. <...> Поиск в PubMed показывает, что количество статей, включающих термины "социальные сети" и "хирургические исследования", за последние 10 лет выросло в геометрической прогрессии» [31]. Они выделяют основные векторы использования социальных сетей хирургами в профессиональных и исследовательских целях:

- поиск единомышленников коллег, интересующихся теми же направлениями;
- уточнение актуальных научных вопросов;
- поддержка сетей клинических исследований;
- вовлечение пациентов и их набор на клинические испытания;
- совместные исследования по результатам наблюдения пациентов;
- обмен информацией и знаниями;
- продвижение хирургических исследований в научной среде, а также среди пациентов, студентов-медиков;
 - повышение узнаваемости ролевой модели хирурга-ученого;
 - сбор информации для исследований, основанных на данных.

Эту же тему развивает К. Хьюз в статье, посвященной роли социальных медиа в хирургии [32].

Целый ряд зарубежных исследований посвящены рассмотрению роли отдельных видов социальных медиа в ругинной практике врача – подкастов, микроблогов [33, 34], видеохостинга [35–37] и платформ прямой трансляции операций для повышения квалификации хирургов [38]. В своих исследованиях зарубежные коллеги пробуют оценить возможности и риски, плюсы и недостатки подобного самообразования хирургов [39-41], в том числе и с институциональной точки зрения. Рассмотрению подвергается и влияние пандемии на динамику использования социальных медиа в профессиональных целях, которое ожидаемо увеличилось: «Использование социальных сетей для хирургического обучения во время Covid-19, по-видимому, растет и развивается» [42, р. 1]. Большинство авторов сходятся в позитивном видении влияния социальных медиа на профессиональный рост врачей-хирургов: «Положительное влияние социальных сетей в хирургии постоянно возрастает, несмотря на наличие некоторых сложных аспектов, таких как сохранение медицинского профессионализма. Врачи должны уважать конфиденциальность и честность пациентов будучи в Интернете. Тем не менее их личное выражение также заслуживает уважения, а не может быть названо "непрофессиональным" только за то, что они передают личные взгляды и убеждения» [43, р. 2].

Таким образом, сравнительный анализ российской и зарубежной литературы, посвященной специфике использования веб-ресурсов в профессиональной практике врачей-хирургов, показал необходимость изучения российских практик применения веб-ресурсов в профессиональной рутинной работе врачей-хирургов в целом и отдельных специализаций в частности для понимания перспектив и рисков их использования, а также в целях рассмотрения

существующих практик как основы для формирования коммуникативной природы управления новым социальным феноменом. В рамках социологической науки обсуждается проблема возникновения новых социальных структур за счет реализации недостающих исследуемой группе функций.

Результаты и обсуждение. В целях анализа роли и места веб-ресурсов в повседневной практике российских врачей-хирургов было проведено авторское исследование методом анкетного опроса хирургов различных специализаций, работающих в области лапароскопической и эндоскопической хирургии, среди участников двух специализированных международных конференций — «Летняя сессия РОЭХ-2021. Технологии в хирургии: мнение экспертов, безопасное использование, обучение» и «Endourocenter meeting-2021». Общее число опрошенных — 252 человека. Тип исследования — пилотажное, выборка — невероятностная, по методу снежного кома. Выбор места проведения исследования обусловлен возможностью единовременного контакта с исследуемой аудиторией — хирургами из разных регионов РФ.

Численность генеральной совокупности может определяться двумя способами. Первый — это численность всех врачей хирургов (без анестезиологов-реаниматологов) в РФ, по данным Росстата, в 2020 г. составила 78 400 человек [44, с. 114]. Второй способ — это количество врачей-хирургов, которые инициативно используют интернет-ресурсы в профессиональных целях. Такие данные можно получить по материалам эмпирических исследований, которые в настоящее время отсутствуют.

Авторы исследования предположили, что врачи-хирурги нуждаются в удобной площадке для саморазвития и законной площадке для непосредственного взаимодействия с производителями медицинского оборудования. Хирургам нужно технологическое пространство, где они могут почувствовать себя результативными не только за счет удовлетворения от прекрасно проведенной операции, но и в области своего карьерного продвижения, способности влиять на окружающую среду.

Исследование показало, что веб-ресурсы – один из ведущих инструментов, который врачи-хирурги используют для подготовки к операциям, получения консультаций и самообразования. Видео, которое они выкладывают для обсуждения с коллегами или обучения, хранится, как правило, в их личном архиве, так как у клиник далеко не всегда есть техническая и (или) финансовая возможность поддерживать клинический операционный видеоархив. Применение интернет-технологий в профессиональной деятельности российского врача-хирурга является его личной инициативой и ответственностью. Видеоархивы клиник находятся в стадии формирования: только 57,9 % опрошенных упомянули наличие в той или иной форме клинического видеоархива операций. В 57,6 % случаев лидирующей причиной отсутствия клинического архива являются технические сложности, связанные с его ведением и защитой. О факте существования личного видеоархива заявили примерно половина опрошенных с небольшими различиями по стажу работы: он есть у 67,9 % врачей со стажем 5-10 лет, у 55,4 % - со стажем свыше 10 лет, у 46,3 % - со стажем менее 5 лет. Как правило, архив небольшой: у 52,1 % опрошенных менее 100 видеозаписей операций. В качестве причин ведения видеоархива респонденты назвали: самосовершенствование, научные исследования – 58,2 % опрошенных, обучение – 47,9 %, свой бренд, портфолио для выступлений – 40,4 %, защита от неадекватных пациентов, безопасность – 32,9 %.

Самым популярным способом поделиться видео с коллегами оказалась традиционная флешка – об этом заявили треть опрошенных (30,6 %), в облаке хранят информацию 15,8 %. Делятся видео операций раз в месяц 20,2 % опрошенных, раз в неделю 14,3 %. С ростом стажа растет частота выкладывания видео среди тех, кто делает это «часто и регулярно», «раз в год» и «раз в месяц». Ответ «никогда не делюсь видео» чаще всего встречался у половины респондентов со стажем менее 5 лет (51,2 %). Врачи самостоятельно ищут применение своим видеоматериалам. В основном видеозаписи операций используются для научных исследований, обучения, продвижения собственного бренда. Хирурги практически не рассматривают возможности коммерциализации своего видеоархива операций.

Результаты опроса демонстрируют, что применение интернет-технологий в части формирования видеоархива у врачей-хирургов идет нечасто и нерегулярно и преимущественно по их личной инициативе. Главная причина такой ситуации – отсутствие технической возможности. Видео само по себе (без комментариев и пояснений) малополезно, а специалисты не располагают навыками и достаточным количеством свободного времени для видеомонтажа. При этом почти половина опрошенных (40,6 %) еженедельно просматривает видео коллег для повышения своего профессионального уровня. Основными ресурсами получения этой информации, оказались не профессиональные порталы и профессиональные социальные площадки такие как Врачи.рф или doktornarabote.ru, а социальные медиа общего профиля – YouTube (31 %), Facebook* (31,8 %), Instagram* (22,6 %). Примечателен факт, что Facebook оказался популярен среди опрошенных всех групп вне зависимости от мероприятия и стажа работы. Были отмечены следующие положительные стороны использования сети Интернет для повышения квалификации врача: доступность, возможность получения быстрой обратной связи, отсутствие ограничений по географическому признаку (можно получить рекомендации как коллег-соотечественников, так и зарубежных).

Помимо опроса, были проведены 4 экспертных социологических интервью с хирургами: онкологами, урологом и эндоскопистом. Выбор экспертов строился на основе следующих параметров: хирургическая специализация, наличие технической возможности видеозаписи операций, признание профессиональной среды, которое выражается в регулярных (один раз в месяц и чаще) приглашениях на проведение мастер-классов и выступлениях на научно-практических конференциях, и наличие собственного профессионального канала для коллег в социальных медиа. В процессе качественного исследования было выявлено, что у многих хирургов к настоящему времени уже выработана собственная оценка различных веб-ресурсов и их роли при подготовке к операциям, сложились определенные привычки и приоритеты в выборе источников информации.

«Первым делом я захожу на YouTube. Я вообще считаю YouTube оптимальной площадкой, так как он помогает показать себя и коллегам, и пациентам. Сейчас такие пациенты, что и операции смотрят» (хирург-эндоскопист, 15 лет практики). «Лучший источник обучения для современного хирурга из тех, что я знаю – это Websurg. Аналогов ему нет. Можно еще YouTube пользоваться для собственного продвижения» (хирург-онколог, 6 лет практики).

^{*} Социальные сети, запрещенные на территории Российской Федерации. Принадлежат экстремистской организации.

«Я веду свой канал на YouTube, потому что мне нравится монтировать. Но от него никакого профита. У меня есть свой сайт, я за него плачу, но он намного менее посещаемый, и продвигать дальше его нет смысла, потому что на YouTube это проще» (хирург-онколог, 20 лет практики, профессор, владелец популярного профессионального канала на YouTube).

Таким образом, авторы приходят к следующим выводам:

- 1. Исследования использования хирургами социальных медиа в профессиональных целях, таких как самообучение, продвижение в профессиональном сообществе, в русскоязычном сегменте практически не представлены. Материалы, которые удалось найти, ограничиваются такими направлениями, как анализ взаимодействия врач пациент, удаленное консультирование (телемедицина) и возможности информационно-коммуникационных технологий в обучении (повышении квалификации) врачей. Последнее исследование, посвященное социальным сетям в профессиональной практике врача, проводилось в 2013 г.
- 2. Тема инициативного использования хирургами веб-ресурсов и широких социальных медиа в целях продвижения в профессиональной среде и повышения квалификации и мастерства в русскоязычном сегменте практически не представлена. Остаются неохваченными вопросы повышения квалификации, активности хирурга в социальных медиа в зависимости от профессионального стажа, специализации и прочих факторов. Нет понимания роли вебресурсов в построении бренда хирурга в профессиональной среде. Качество и полезность размещенных на веб-ресурсах видеозаписей операций не имеют закрепленных форм оценки со стороны профессионального сообщества.
- 3. Российские хирурги испытывают недостаток возможностей применения интернеттехнологий в профессиональной деятельности, отсутствия доступа к сети Интернет. Опрос показал, что их во многом ограничивает отсутствие технической возможности создания, хранения, распространения видеоархива, а также специального инструментария для монтажа и комментирования видеозаписей, проведенных операций.
- 4. Использование социальных медиа в профессиональной деятельности врача-хирурга это его личная инициатива, ответственность и финансовые вложения. Клиники не всегда готовы оказывать врачам поддержку в этом направлении.
- 5. Российские хирурги в профессиональной деятельности применяют интернет-технологии реже, чем им хотелось бы. Главная причина такой ситуации отсутствие технических возможностей. При этом опрошенные показали свою заинтересованность в подобной деятельности, в том числе готовность работать по коммерческим грантам и в своих исследовательских целях.
- 6. Несмотря на наличие профессиональных социальных сетей, они не пользуются большой популярностью. Хирургам требуется не просто портал, который мог бы объединять врачей разных специализаций, а система, с помощью которой будет удобно подгружать, хранить, редактировать, комментировать и публиковать профессиональное видео, а также верифицировать свой профессиональный уровень.

Заключение. Изучение веб-ресурсов в профессиональной рутинной практике хирурга проведено в контексте современной социологии управления. В центре внимания оказались структурно-функциональные изменения, выраженные посредством новых способов повышения профессионального мастерства (обучения) за счет возможностей, которые дают цифровые технологии, что приводит к формированию новых сетевых сообществ. Результаты

опроса позволяют предположить, что институционализация новых форм обучения будет возможна в случае интеграции клиниками технических средств или создания специальной площадки. Эмпирически было продемонстрировано, что использование веб-ресурсов в рутинной профессиональной практике врача-хирурга инициативно и внеинституционально.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1. Клементьев Д. С. Социология управления. М.: Изд-во МГУ, 2008.
- 2. Мертон Р. Социальная теория и социальные структуры / пер. с англ. Е. Н. Егоровой, 3. В. Кагановой, В. Г. Николаева, Е. Р. Черемиссиновой. М.: АСТ; Хранитель, 2006.
- 3. Парсонс Т. О структуре социального действия / пер. И. Бакштейн, Г. Беляевой, Л. Седова и др. М.: Академический Проект, 2000.
 - 4. Луман Н. Введение в системную теорию / пер. с нем. К. Тимофеевой. М.: Логос, 2007.
- 5. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / пер. с англ. И. Полонской. М.: ИД ВШЭ, 2014.
- 6. Тихонов А. В. Социология управления: вчера, сегодня, завтра (материалы круглого стола) // Социол. исслед. 2018. № 2 (406). С. 102–113. DOI: 10.7868/S0132162518020113.
- 7. Титаренко Л. Г., Карапетян Р. В. Цифровая трансформация трудовой сферы: сравнительный анализ показателей России и Беларуси // Журнал Белорус. гос. ун-та. Социология. 2021. № 1. C. 52-69. DOI: 10.33581/2521-6821-2021-1-52-69.
- 8. Богданов В. С., Смирнова А. С. Проблема социологического измерения социально-сетевого группообразования в условиях реализации российских национальных проектов // Научный результат. Социология и управление. 2020. Т. 6, № 4. С. 146–168. DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-4-0-9.
- 9. Али-Заде А. А. Общественные науки в социально-технической системе: наука принятия решений и управление социальными конфликтами в цифровой среде (аналитический обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 8. Науковедение. 2021. № 3. С. 29–50. DOI: 10.31249/naukoved/2021.03.01.
- 10. Волкова Е. В. Коммуникативные тактики и вербальные средства реализации стратегии профессиональной самопрезентации врача в Instagram // Вест. ТГПУ. 2020. № 3 (209). С. 114–123. DOI: 10.23951/1609-624X-2020-3-114-123.
- 11. Shutova M. V., Rocheva Ya. S. Digital media and new patient-clinic-doctor interaction patterns // Proc. of the 2021 Communication Strategies in Digital Society Seminar, 14 April 2021, St Petersburg. P. 87–90. DOI: 10.1109/ComSDS52473.2021.9422865.
- 12. Маджаева С. И., Гагарина Е. Ю. Медицинский интернет-форум и социальная сеть: определение и функции // Вест. ЧелГУ. 2019. № 6 (428). Сер. Филологические науки. Вып. 117. С. 101–106. DOI: 10.24411/1994-2796-2019-10613.
- 13. Современные информационно-образовательные технологии в последипломном образовании врачей-педиатров / Н. Я. Селиванова, Н. Б. Мерзлова, Л. И. Каржавина и др. // Здоровье и образование в XXI веке. 2008. Т. 10, № 4. С. 728–729.
- 14. Кобринский Б. А. Компьютеризированные и дистанционные обучающие системы (на примере медицинской диагностики) // Открытое образование. 2018. Т. 22, № 2. С. 45–53. DOI: http://dx.doi.org/10.21686/1818-4243-2018-2-45-53.
- 15. Путинцев А. Н., Алексеев Т. В., Шмелева Н. Н. Современные технологии для информационной поддержки врачей и повышения квалификации // Врач и информационные технологии. 2015. № 2. С. 36–44.
- 16. Пудова С. С. Использование информационно-коммуникационных технологий как фактор повышения профессиональной культуры будущего врача // Вест. РУДН. Сер. Информатизация образования. 2013. № 2. С. 66–72.

- 17. Кротов И. А., Коновалов О. Е., Васильева Т. П. Повышение профессиональной квалификации врачами ультразвуковой диагностики // Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н. А. Семашко. 2020. № 2. С. 48–53. DOI: 10.25742/NRIPH.2020.02.007.
- 18. Непрерывное медицинское образование и возможности практического врача / Н. И. Зернова, Е. М. Плешкова, Л. П. Парменова и др. // Смоленский медицинский альманах. 2018. № 3. С. 75–78.
- 19. Ланько С. В., Тихомирова А. А., Котиков П. Е. Использование дистанционных образовательных технологий в системе непрерывного медицинского образования // Медицина: теория и практика. 2019. Т. 4. Спецвыпуск. С. 302–303.
- 20. Нестеров В. Г., Нестерова Е. В. Характеристика медицинской аудитории Рунета // Кубанский научный медицинский вестник. 2009. № 7 (112). С. 104–108.
- 21. Анализ использования глобальной телекоммуникационной сети информационных ресурсов врачами-терапевтами поликлиник / В. Г. Нестеров, С. В. Игрунова, Е. В. Нестерова и др. // Russian J. of Education and Psychology. 2011. № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/analizispolzovaniya-globalnoy-telekommunikatsionnoy-seti-informatsionnyh-resursov-vrachamiterapevtami-poliklinik (дата обращения: 14.05.2022).
- 22. Павленко Е. В. Врачи в условиях электронного здравоохранения: отношение специалистов к использованию компьютера и Интернета в профессиональной деятельности // Социология медицины. 2015. Т. 14, № 2. С. 30–35.
- 23. Тарасенко Е. А. Профессиональные социальные медиа врачей: перспективы и угрозы развития // Бизнес. Общество. Власть. 2013. № 14. С. 20–30.
- 24. Social media in colorectal surgery / S. D. Wexner, A. M. Petrucci, R. R. Brady et al. // Colorectal Disease. 2017. Vol. 19, iss. 2. P. 105–114. DOI: https://doi.org/10.1111/codi.13572.
- 25. Patterns of internet and social media use in colorectal surgery / L. E. Long, C. Leung, J. S. Hong et al. // BMC Surg. 2019. Vol. 19, no. 52. DOI: https://doi.org/10.1186/s12893-019-0518-4.
- 26. History of Social Media in Surgery / H. J. Logghe, C. L. McFadden, N. J. Tully, C. Jones // Clin Colon Rectal Surg. 2017. Vol. 30, iss. 4. P. 233–239. DOI: 10.1055/s-0037-1604250.
- 27. Social media, advertising, and internet use among general and bariatric surgeons / C. Zerrweck, S. Arana, C. Calleja et al. // Surgical Endoscopy. 2020. Vol. 34. P. 1634–1640. DOI: https://doi.org/10.1007/s00464-019-06933-5.
- 28. Professional Use of Social Media Among Surgeons: Results of a Multi-Institutional Study / Ju. P. Wagner, A. L. Cochran, Ch. Jones et al. // J. of Surgical Education. 2018. Vol. 75, iss. 3. P. 804–810. DOI: https://doi.org/10.1016/j.jsurg.2017.09.008.
- 29. Social media use in German visceral surgeons: a cross-sectional study of a national cohort / C. M. Boßelmann, B. Griffiths, H. J. Gallagher et al. // Colorectal Disease. 2018. Vol. 20, iss. 2. P. 144–149. DOI: https://doi.org/10.1111/codi.13839.
- 30. Jensen K. K., Gögenur I. Nationwide cross-sectional study of Danish surgeons' professional use of social media // Danish Medical J. 2018. Vol. 65, no. 9. A5495. URL: http://ugeskriftet.dk/dmj/nationwide-cross-sectional-studydanish-surgeons-professional-use-social-media (дата обращения: 08.03.2022).
- 31. Mayol J., Dziakova J. Value of social media in advancing surgical research // British J. of Surgery. 2017. Vol. 104, iss. 13. P. 1753–1755. DOI: https://doi.org/10.1002/bjs.10767.
- 32. Hughes K. What role could social media play in surgery? // Surgery. 2018. Vol. 36, iss. 11. P. 671–673. DOI: https://doi.org/10.1016/j.mpsur.2018.09.005.
- 33. The academic tweet: Twitter as a tool to advance academic surgery / H. J. Logghe, L. V. Selby, M. A. Boeck et al. // J. of Surgical Research. 2018. Vol. 226. P. VIII-XII. DOI: https://doi.org/10.1016/j.jss. 2018.03.049.
- 34. Visual Abstracts to Disseminate Research on Social Media: A Prospective, Case-control Crossover Study / A. M. Ibrahim, K. D. Lillemoe, M. E. Klingensmith, Ju. B. Dimick // Annals of Surgery. 2017. Vol. 266, iss. 6. P. e46-e48. DOI: 10.1097/SLA.000000000002277.

- 35. Erdem H., Sisik A. The Reliability of Bariatric Surgery Videos in YouTube Platform // Obesity Surgery. 2018. Vol. 28, iss. 3. P. 712–716. DOI: https://doi.org/10.1007/s11695-017-2911-3.
- 36. The videos on YouTube® related to hallux valgus surgery have insufficient information / M. Uzun, T. Cingoz, M. E. Duran et al. // Foot and Ankle Surgery. 2022. Vol. 28, iss. 4. P. 414–417. DOI: https://doi.org/10.1016/j.fas.2021.05.009.
- 37. Reliability and Educational Value of Laparoscopic Sleeve Gastrectomy Surgery Videos on YouTube / K. Toolabi, R. Parsaei, F. Elyasinia et al. // Obesity Surgery. 2019. Vol. 29, iss. 9. P. 2806–2813. DOI: https://doi.org/10.1007/s11695-019-03907-3.
- 38. Ovaere S., Zimmerman D. D. E., Brady R. R. Social Media in Surgical Training: Opportunities and Risks // J. of Surgical Education. 2018. Vol. 75, iss. 6. P. 1423–1429. DOI: https://doi.org/10.1016/j.jsurg.2018.04.004.
- 39. Petrucci A. M., Chand M., Wexner S. D. Social Media: Changing the Paradigm for Surgical Education // Clinics in Colon and Rectal Surgery. 2017. Vol. 30, iss. 4. P. 244–251. DOI: 10.1055/s-0037-1604252.
- 40. Are online surgical discussion boards a safe and useful venue for surgeons to ask for advice? A review of the International Hernia Collaboration Facebook Group / K. Bernardi, A. N. Milton, W. Hope et al. // Surgical Endoscopy. 2020. Vol. 34, iss. 3. P. 1285–1289. DOI: https://doi.org/10.1007/s00464-019-06895-8.
- 41. Is the American College of Surgeons Online Communities a safe and useful venue to ask for surgical advice? / K. Bernardi, P. Shah, E. P. Askenasy et al. // Surgical Endoscopy. 2020. Vol. 34, iss. 3. P. 5041–5045. DOI: https://doi.org/10.1007/s00464-019-07299-4.
- 42. Survey of Social Media Use for Surgical Education During Covid-19 / D. Laurentino Lima, R. Nogueira Cordeiro Laurentino Lima, D. Benevenuto, et al. // J. of the Society of Laparoendoscopic & Robotic Surgeons. 2020. Vol. 24, iss. 4. P. e2020.00072. DOI: 10.4293/JSLS.2020.00072.
- 43. Preserving Surgical Professionalism in Social Media; Long Live the Media, But Let Live the Surgeon / S. Mantziari, G. Piazza, Ju. Mayol et al. // Annals of Surgery. 2021. Vol. 2, iss. 2. P. e058. DOI: 10.1097/AS9.0000000000000058.
 - 44. Здравоохранение в России. М.: Росстат, 2021.

Информация об авторах.

Шутова Марина Вадимовна — ассистент кафедры связей с общественностью Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Проф. Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор 11 научных публикаций. Сфера научных интересов: социология медицины, социология управления, управление онлайн-коммуникациями, цифровизация медицины, взаимоотношения врач — пациент.

Рочева Яна Сергеевна — кандидат социологических наук (2011), ведущий научный сотрудник Федерального научного центра реабилитации инвалидов имени Г. А. Альбрехта, ул. Бестужевская, д. 50, Санкт-Петербург, 195067, Россия; доцент кафедры связей с общественностью Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Проф. Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия; доцент кафедры социологии и управления персоналом Санкт-Петербургского государственного экономического университета, наб. канала Грибоедова, д. 30-32, литер А, Санкт-Петербург, 191023, Россия. Автор более 100 научных публикаций. Сфера научных интересов: социология медицины, взаимоотношения врач — пациент, цифровизация медицины, права инвалидов, исследования инвалидности.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

REFERENCES

- 1. Klement'ev, D.S. (2008), *Sotsiologiya upravleniya* [Sociology of management], Izd-vo MGU, Moscow, RUS.
- 2. Merton, R. (2006), *Social theory and social structure*, Transl. by Egorova, E.N., Kaganova, Z.V., Nikolaev, V.G., Cheremissinovaya, E.R., Moscow, Khranitel', ACT, RUS.
- 3. Parsons, T. (2000), *Structura of Social Action*, Transl. by Bakshtein, I., Belyaeva, G., Sedov, L. et al., Akademicheskii Proekt, Moscow, RUS.
 - 4. Luhman, N. (2007), Einführung in die Systemtheorie, Transl. by Timofeeva, K., Logos, Moscow, RUS.
- 5. Latour, B. (2014), *Reassembling the social. An introduction to actor-network-theory*, Transl. by Polonskaya, I., Moscow, RUS.
- 6. Tikhonov, A.V. (2018), "Sociology of governance and administration: yesterday, today tomorrow", *Sociological Research*, no. 2 (406), pp. 102–113. DOI: 10.7868/S0132162518020113.
- 7. Titarenko, L.G. and Karapetyan, R.V. (2021), "Digital transformation of the labour sphere: a comparative analysis of the indicators of Russia and Belarus", *J. of the Belarusian State Univ. Sociology*, no. 1, pp. 52–69. DOI: 10.33581/2521-6821-2021-1-52-69.
- 8. Bogdanov, V.S. and Smirnova, A.S. (2020), "Problems of sociological measurement of social and network group formation in the context of national projects implementation", *Research Result. Sociology and management*, vol. 6, iss. 4, pp. 146–168. DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-4-0-9.
- 9. Ali-Zade, A.A. (2021), "Social sciences in the socio-technical system: the science of decision-making and social conflicts management in the digital environment. (Analytical review)", *Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 8: Science studies*, no. 3, pp. 29–50. DOI: 10.31249/naukoved/2021.03.01.
- 10. Volkova, E.V. (2020), "Communicative tactics and verbal means of implementing a doctor's professional self-presentation strategy in Instagram", *TSPU Bulletin*, no. 3 (209), pp. 114–123. DOI: 10.23951/1609-624X-2020-3-114-123.
- 11. Shutova, M.V. and Rocheva, Ya.S. (2021), Digital media and new patient-clinic-doctor interaction patterns, *Proceedings of the 2021 Communication Strategies in Digital Society Seminar*, 14 April 2021, St Petersburg, RUS, pp. 87–90. DOI: 10.1109/ComSDS52473.2021.9422865.
- 12. Madzhaeva, S.I. and Gagarina, E.Yu. (2019), "Medical internet-forum and social network: definition, functions", *Bulletin of Chelyabinsk State Univ. no. 6 (428). Philology Sciences*, iss. 117, pp. 101–106. DOI: 10.24411/1994-2796-2019-10613.
- 13. Selivanova, N.Ya., Merzlova, N.B., Karzhavina, L.I. et al. (2008), "Modern information and educational technologies in postgraduate education of pediatricians", *Health and Education in the 21st Century*, vol. 10, no. 4. pp. 728–729.
- 14. Kobrinsky, B.A. (2018), "Computerized and distance learning systems (the case of medical diagnostics)", *Open Education*, vol. 22, no. 2, pp. 45–53. DOI: http://dx.doi.org/10.21686/1818-4243-2018-2-45-53.
- 15. Putintsev, A.N., Alexeev, T.V. and Shmeleva, N.N. (2015), "Modern technologies in information support of physicians and advanced training", *Physicians and IT*, no. 2, pp. 36–44.
- 16. Pudova, S.S. (2013), "Using information and communication technologies as a factor of improving professional culture of a future doctor", *RUDN J. of Informatization in Education*, no. 2, pp. 66–72.
- 17. Krotov, I.A., Konovalov, O.E. and Vasilieva, T.P. (2020), "Upgrade training of ultrasonic medical investigation specialists", *Bulletin of Semashko National Research Institute of Public Health*, no. 2, pp. 48–53. DOI: 10.25742/NRIPH.2020.02.007.
- 18. Zernova, N.I., Pleshkova, E.M., Parmenova, L.P. et al. (2018), "Continuing medical education and the capacity of a health practitioner", *Smolensk medical almanac*, no. 3, pp. 75–78.
- 19. Lan'ko, S.V., Tikhomirova, A.A. and Kotikov P.E. (2019), "The use of distance learning technologies in the system of continuing medical education", *Medicine: theory and practice*, vol. 4, supplement, pp. 302–303.

- 20. Nesterov, V.G. and Nesterova, E.V. (2009), "The characteristic of medical internet auditory", *Kuban scientific medical bulletin*, no. 7 (112), pp. 104–108.
- 21. Nesterov, V.G., Igrunova, S.V., Nesterova, E.V. et al. (2011), "Evaluation of global telecommunication net of informational resources usage by primary care physicians", *Russian J. of Education and Psychology*, no. 3, available at: https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-ispolzovaniya-globalnoy-telekommunikatsionnoy-seti-informatsionnyh-resursov-vrachami-terapevtami-poliklinik (accessed 14.05.2022).
- 22. Pavlenko, E.V. (2015), "The physicians in conditions of e-health care: attitude of specialists to application of computer and Internet in professional activities", *Sociology of Medicine*, vol. 14, no. 2, pp. 30–35.
- 23. Tarasenko, E.A. (2013), "Professional social media of doctors: prospects and threats of development", *Biznes. Obshchestvo. Vlast*' [Business. Society. Power], no. 14, pp. 20–30.
- 24. Wexner, S.D., Petrucci, A.M., Brady, R.R. et al. (2017), "Social media in colorectal surgery", *Colorectal Disease*, vol. 19, iss. 2, pp. 105–114. DOI: https://doi.org/10.1111/codi.13572.
- 25. Long, L.E., Leung, C., Hong, J.S. et al. (2019), "Patterns of internet and social media use in colorectal surgery", *BMC Surg*, vol. 19, article: 52 (2019). DOI: https://doi.org/10.1186/s12893-019-0518-4.
- 26. Logghe, H.J., McFadden, C.L., Tully, N.J. and Jones, C. (2017), "History of Social Media in Surgery", *Clin Colon Rectal Surg*, vol. 30, iss. 4, pp. 233–239. DOI: 10.1055/s-0037-1604250.
- 27. Zerrweck, C., Arana, S., Calleja, C. et al. (2020), "Social media, advertising, and internet use among general and bariatric surgeons", *Surgical Endoscopy*, vol. 34, pp. 1634–1640. DOI: https://doi.org/10.1007/s00464-019-06933-5.
- 28. Wagner, Ju.P., Cochran, A.L., Jones, Ch. et al. (2018), "Professional Use of Social Media Among Surgeons: Results of a Multi-Institutional Study", *J. of Surgical Education*, vol. 75, iss. 3, pp. 804–810. DOI: https://doi.org/10.1016/j.jsurg.2017.09.008.
- 29. Boßelmann, C.M., Griffiths, B., Gallagher, H.J. et al. (2018), "Social media use in German visceral surgeons: a cross-sectional study of a national cohort", *Colorectal Disease*, vol. 20, iss. 2, pp. 144–149. DOI: https://doi.org/10.1111/codi.13839.
- 30. Jensen, K.K. and Gögenur, I. (2018), "Nationwide cross-sectional study of Danish surgeons' professional use of social media", *Danish Medical J.*, vol. 65, no. 9. A5495, available at: http://ugeskriftet.dk/dmj/nationwide-cross-sectional-studydanish-surgeons-professional-use-social-media (accessed 08.03.2022).
- 31. Mayol, J. and Dziakova, J. (2017), "Value of social media in advancing surgical research", *British J. of Surgery*, vol. 104, iss. 13, pp. 1753–1755. DOI: https://doi.org/10.1002/bjs.10767.
- 32. Hughes, K. (2018), "What role could social media play in surgery?", *Surgery*, vol. 36, iss. 11, pp. 671–673. DOI: https://doi.org/10.1016/j.mpsur.2018.09.005.
- 33. Logghe, H.J., Selby, L.V., Boeck, M.A. et al. (2018), "The academic tweet: Twitter as a tool to advance academic surgery", *J. of Surgical Research*, vol. 226, pp. VIII-XII. DOI: https://doi.org/10.1016/j.jss.2018.03.049.
- 34. Ibrahim, A.M., Lillemoe, K.D., Klingensmith, M.E. and Dimick, Ju.B. (2017), "Visual Abstracts to Disseminate Research on Social Media: A Prospective, Case-control Crossover Study", *Annals of Surgery*, vol. 266, iss. 6, pp. e46-e48. DOI: 10.1097/SLA.0000000000002277.
- 35. Erdem, H. and Sisik, A. (2018), "The Reliability of Bariatric Surgery Videos in YouTube Platform", *Obesity Surgery*, vol. 28, iss. 3, pp. 712–716. DOI: https://doi.org/10.1007/s11695-017-2911-3.
- 36. Uzun, M., Cingoz, T., Duran, M.E. et al. (2022), "The videos on YouTube® related to hallux valgus surgery have insufficient information", *Foot and Ankle Surgery*, vol. 28, iss. 4, pp. 414–417. DOI: https://doi.org/10.1016/j.fas.2021.05.009.
- 37. Toolabi, K., Parsaei, R., Elyasinia, F. et al. (2019). "Reliability and Educational Value of Laparoscopic Sleeve Gastrectomy Surgery Videos on YouTube", *Obesity Surgery*, vol. 29, iss. 9, pp. 2806–2813. DOI: https://doi.org/10.1007/s11695-019-03907-3.

- 38. Ovaere, S., Zimmerman, D.D.E. and Brady, R.R. (2018), "Social Media in Surgical Training: Opportunities and Risks", *J. of Surgical Education*, vol. 75, iss. 6, pp. 1423–1429. DOI: https://doi.org/10.1016/j.jsurg.2018.04.004.
- 39. Petrucci, A.M., Chand, M. and Wexner, S.D. (2017), "Social Media: Changing the Paradigm for Surgical Education", *Clinics in Colon and Rectal Surgery*, vol. 30, iss. 4, pp. 244–251. DOI: 10.1055/s-0037-1604252.
- 40. Bernardi, K., Milton, A.N., Hope, W. et al. (2020), "Are online surgical discussion boards a safe and useful venue for surgeons to ask for advice? A review of the International Hernia Collaboration Facebook Group", *Surgical Endoscopy*, vol. 34, iss. 3, pp. 1285–1289. DOI: https://doi.org/10.1007/s00464-019-06895-8.
- 41. Bernardi, K., Shah, P., Askenasy, E.P. et al. (2020), "Is the American College of Surgeons Online Communities a safe and useful venue to ask for surgical advice?", *Surgical Endoscopy*, vol. 34, iss. 3, pp. 5041–5045. DOI: https://doi.org/10.1007/s00464-019-07299-4.
- 42. Laurentino Lima, D., Nogueira Cordeiro Laurentino Lima, R., Benevenuto, D. et al. (2020), "Survey of Social Media Use for Surgical Education During Covid-19", *J. of the Society of Laparoendoscopic & Robotic Surgeons*, vol. 24, iss. 4: e2020.00072. DOI: 10.4293/JSLS.2020.00072.
- 43. Mantziari, S., Piazza, G., Mayol, Ju. et al. (2021), "Preserving Surgical Professionalism in Social Media; Long Live the Media, But Let Live the Surgeon", *Annals of Surgery*, vol. 2, iss. 2, p. e058. DOI: 10.1097/AS9.0000000000000058.
 - 44. Zdravookhranenie v Rossii [Healthcare in Russia] (2021), Rosstat, Moscow, RUS.

Information about the authors.

Marina V. Shutova – Assistant Lecturer at the Department of Public Relations, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of 11 scientific publications. Area of expertise: sociology of medicine, sociology of management, online communications management, digitalization of medicine, doctor-patient interaction.

Yana S. Rocheva – Can. Sci. (Sociology) (2011), Leading Researcher, Federal Scientific Center of Rehabilitation of the Disabled n. a. G. A. Albrecht, str. Bestuzhevskaya, 50, St Petersburg 195067, Russia; Associated Professor at the Department of Public Relations, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia; Associated Professor at the Department of Sociology and Human Resources Management, Saint Petersburg State Economic University. emb. Canal Griboedov, 30-32, letter A, St Petersburg 191023, Russia. The author of more than 100 scientific publications. Area of expertise: sociology of medicine, doctor-patient interaction, digitalization of medicine, rights of the disabled, disability research.

No conflicts of interest related to this publication were reported. Received 07.07.2022; adopted after review 10.10.2022; published online 23.12.2022.

Оригинальная статья УДК 316.772.4; 316.775 http://doi.org/10.32603/2412-8562-2022-8-6-101-115

Взаимодействие «человек – социальный робот»: через преодоление барьеров к гибридной коммуникации

Владимир Игоревич Игнатьев^{1⊠}, Ксения Игоревна Спиридонова²

^{1, 2}Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия
¹ighnatiev.v@inbox.ru, https://orcid.org/0000-0003-3243-4404

²xenia_spirit@mail.ru

Введение. В статье анализируются проблемы, возникающие при коммуникации человека и социального робота. Исследуются барьеры, мешающие человеку адаптироваться к специфике средств коммуникации, встроенных в программное обеспечение устройств с искусственным интеллектом. Анализируются реакции человека на поведение гуманоидных роботов в различных ситуациях их использования. Выявляется наличие у человека установки на адаптацию к модели поведения устройств. Проверяется гипотеза возникновения гибридной коммуникации как способа преодоления барьеров общения человека с интеллектуальными устройствами.

Методология и источники. Реализованный в статье подход интерпретирует коммуникацию человека и социального робота как подобное субъект-субъектному взаимодействию, как исполнение социальных ролей разнородными участниками коммуникации, реализующими модель взаимной адаптации к реакциям Другого. Использован метод наблюдения, опосредованный цифровыми записями ситуаций общения человека с различными типами устройств. Применен необтрузивный (unobtrusive) метод, исключающий контакт исследователя с объектом исследования. Источниками послужили аудиовизуальные документы, содержащие записи демонстрации общения человека с социальным роботом.

Результаты и обсуждение. Выявлена слабая ориентация человека на корректировку своих реакций на действия социального робота, которая одновременно сопровождается периодическими попытками модифицировать поведение. На развитие гибридных реакций влияет увеличение продолжительности общения человека с устройством. В большей степени гибридные формы коммуникации продолжают присутствовать в программном обеспечении, встроенном в социальных роботах для коммуникации с человеком.

Заключение. В процессе воспроизводства устойчивого характера коммуникации в особенностях взаимодействия каждой из сторон возникали способы ответных реакций для преодоления блокады, не предвиденные ни разработчиками алгоритмов, ни человеком, вступающим в коммуникацию с роботом с ожиданием запрограммированного «машинного поведения». Такой процесс остается односторонним и пока не дополняется активностью другой стороны – участием человека в синтезе естественного и искусственного языков, что невозможно без модификации языка самого человека, его культурных и телесных модификаций.

Ключевые слова: социальный робот, искусственный интеллект, гибридная коммуникация, адаптация, коммуникационные алгоритмы, модификации человека

© Игнатьев В. И., Спиридонова К. И., 2022

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

Для цитирования: Игнатьев В. И., Спиридонова К. И. Взаимодействие «человек – социальный робот»: через преодоление барьеров к гибридной коммуникации // ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 6. С. 101–115. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-6-101-115.

Original paper

"Human – Social Robot" Interaction: Through Overcoming Barriers to Hybrid Communication

Vladimir I. Ignatyev¹⊠, Ksenia I. Spiridonova²

^{1,2} Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia ¹ighnatiev.v@inbox.ru, https://orcid.org/0000-0003-3243-4404 ²xenia_spirit@mail.ru

Introduction. The article analyzes the problems that arise during communication between a person and a social robot. Barriers that prevent a person from adapting to the specifics of communication tools embedded in the software of devices with artificial intelligence are revealed. Human reactions to the behavior of humanoid robots in various conditions of their use are analyzed. The presence of a person's desire to adapt to the behavior pattern of the device is checked. The authors also test the hypothesis of the emergence of hybrid communication as a way to overcome the barriers of human communication with smart devices.

Methodology and sources. The approach implemented in the article interprets the communication of a person and a social robot as a similar subject-subject interaction of performers of social roles by heterogeneous communication participants who implement a model of mutual adaptation to the reactions of the Other. As the key methods there was used the method of observation, mediated by digital recordings of human communication situations with various types of devices. A nonobtrusive (unobtrusive) research method was applied, which excludes the contact of the researcher with the object of study. The sources were audiovisual documents containing recordings of a demonstration of human communication with a social robot.

Results and discussion. A weak orientation of a person to adjust his reactions to actions on the part of a social robot with simultaneous attempts to modify his behavior with a focus on imitation of the robot was revealed. The development of hybrid reactions is affected by an increase in the duration of human communication with the device. To a greater extent, hybrid forms of communication continue to be present in the software embedded in social robots of its communication with a person.

Conclusion. In the process of reproducing the stable nature of communication in the peculiarities of the behavior of each of the parties, there were ways of responding to overcome the blockade, not foreseen either by the developers of the algorithms or by a person entering into communication with a robot with the expectation of programmed "machine behavior". Such a process remains predominantly one-sided and is not supplemented by the activity of the other party – a person, their participation in the synthesis of natural and artificial languages, which is impossible without modification of the language of the person oneself, and their cultural and bodily modifications.

Keywords: social robot, artificial intelligence, hybrid communication, adaptation, communication algorithms, human modifications

For citation: Ignatyev, V.I. and Spiridonova, K.I. (2022), ""Human - Social Robot" Interaction: Through Overcoming Barriers to Hybrid Communication", *DISCOURSE*, vol. 8, no. 6, pp. 101–115. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-6-101-115 (Russia).

Введение. Возрастание темпов и масштабов роботизации стимулирует совершенствование модели взаимодействия человека с этими устройствами. Растет количество исследований коммуникации человека и социального робота (Human-Robot Interaction – HRI) [1–4]. В центре внимания находится вопрос о практической возможности приблизить их к модели межчеловеческого общения. Устройства обеспечивают алгоритмами для первичного анализа ситуаций и простейших процедур целеполагания. В большинство моделей социальных роботов закладываются элементарные функции подражания межчеловеческому общению. К характеристикам этих устройств можно отнести антропоморфность облика, некоторое выражение и/или восприятие эмоций, имитирование социального поведения и способность к установлению социальных контактов. При разработке программного обеспечения вводятся параметры действий, схожих с межчеловеческими коммуникациями и исполнением простейших социальных ролей. Одновременно при совершенствовании функционала возрастает напряжение между стремлением добиться желаемых параметров поведения и неспособностью найти подходящую модель развития коммуникаций.

Информация о проблемах повышения степени согласованности интеракций и взаимопонимания между человеком и социальным роботом содержится в отечественных и зарубежных публикациях экспертных исследований, обращение к которым позволяет обозначить ряд выявленных в них типичных проблем. Обозначим следующие:

- неспособность робота давать осознанный ответ [5, 6];
- возможность задержек ответа со стороны робота [7, 8];
- вероятность прерывания беседы раньше времени [9];
- ответы с использованием общих фраз [10, 11];
- отсутствие способности запоминания предыдущих реплик и учета ситуации [11];
- не распознавание содержания нечеткой речи [12, 13];
- трудности восприятия при наложении фраз [11–13, 14, с. 202, 282];
- игнорирование высказываний людей, если робот не распознает их как команду [14, c. 200];
 - неестественность для людей использования экрана монитора робота [11];
 - неестественность движений робота [7];
 - низкий уровень невербального общения [7, 11];
 - не распознавание эмоциональных просодий [11];
 - не соотносимость запроса человека с областью знания робота [14, с. 180];
 - непонимание косвенных речевых актов [11];
 - коммуникации посредством выполнения простых команд [11];
 - большая инициативность человека [11].

Эти проблемы коммуникации необходимо рассматривать как отправные точки ее совершенствования, что требует постоянного мониторинга и обращения к эмпирическим исследованиям, чему и посвящена настоящая статья. Особое внимание обращено на выявлении изменений в поведении самого человека, поскольку в проводимых исследованиях не всегда учитывается, что он как первая сторона интеракции также должен постоянно менять приемы коммуникации, адаптируясь к своему автоматическому напарнику. Эта недооценка обращения внимания на необходимости взаимных трансформаций относится не только к практической, но и к научной проблеме. Теоретическим объектом представленного в статье

исследования является коммуникация человека и социального робота, а в качестве эмпирического объекта использовано содержание аудиовизуальных записей цифровыми устройствами, которые представляют собой источники информации, содержащие наблюдения за коммуникацией. Предмет и цель исследования – выявление изменения характера коммуникаций со стороны социального робота и человека. Следует подчеркнуть, что объект исследования мы фиксирует как систему «коммуникация человек и социальный робот», а не как односторонне направленный процесс «коммуникация человека с социальным роботом». При этом исходим из того, что наша исследовательская позиция – это фиксация их взаимодействия как подобного социальному, когда реакция социального робота меняет поведение человека и способствует формированию гибридных форм их совместной коммуникации.

Методология и источники. Приведенные ранее типичные случаи проблем коммуникации человека и социального робота, как правило, представляют собой регистрации в наблюдениях отдельных и изолированных для стороннего наблюдателя образцов конкретных ситуаций коммуникации. Причем наблюдения и диагностику осуществляли зачастую сами авторы – разработчики проектов, не ставя задачу сравнивать действия роботов разных проектов с другой идеологией проектирования и дизайном. Ракурс нашего подхода иной: провести наблюдения (опосредованные записями цифровой техники) за коммуникациями человека с различными типами устройств. При интерпретации поведения обоих агентов мы их принимали на момент наблюдения в статусе актора – исполнителя социальной роли, отвлекаясь от того, что одна из сторон – полностью продукт конструирования другой, но активно сама участвует в ответном «конструировании» поведения своего создателя. Для нас была важно фиксировать степень успешности заданных роботу способов коммуникации с человеком, оставляя вне поля зрения программное обеспечение ее содержания. Мы стремились проверить, насколько успешно справляются обе стороны с функцией установления контактов и взаимопонимания. Но особенно интересовало, какие изменения вносят оба агента в форму (процедуры) и содержание (лексику и семантику) коммуникации. При этом учитывался особый – технический – характер одного из агентов, а также особенность ситуации для самого человека: говорить не с подобным себе, а с автоматом.

Методика исследования – анализ аудиовизуальных документов, содержащих запись демонстрации коммуникации человека с социальным роботом. Особенность и преимущество данной методики состоит в том, что она позволяет получить сведения о коммуникациях человека и социального робота без вмешательства наблюдателя, поскольку производится без его личного присутствия при ситуации. Тем самым был использован необтрузивный (unobtrusive) метод, исключающий контакт исследователя с объектом исследования [15]. Важно отметить особенность примененной процедуры документирования воспринимаемой с экрана аудиовизуальной информации: использована версия «гибридного скриншота», когда записывать приходилось не только услышанное, но и наблюдаемое на экране. Поэтому полученные в результате описания одновременно содержат их анализ и некоторые предварительные выводы, относящиеся к конкретным ситуациям.

Характеристика эмпирического объекта. Источниковой базой послужил видеохостинг YouTube. Был проведен поиск видеороликов, содержащих коммуникацию человека и социального робота. Первый тип видеороликов посвящен демонстрации поведения социальных роботов в разных ситуациях при выполнении предписанных им задач: робот-учитель (3), робот-консультант (1), робот-гид (3), робот-администратор (1), терапевтический робот (1), сервисный робот (1), робот-компаньон (3), робот для детей с аутизмом (3). Общее количество видеороликов данного типа — 18. Второй тип видеороликов демонстрирует наиболее полную беседу с роботами. Количество видеороликов данного типа — 2. Критериями отбора роликов первого типа являлось наличие социального робота, выполняющего определенную функцию, и взаимодействия человека с социальным роботом. Критериями отбора роликов второго типа являлись наличие социального робота, его способность поддерживать диалог, не короткая продолжительность беседы. Для видеороликов двух типов был обязателен критерий использования русского языка или наличие английских субтитров.

Была сформулирована гипотеза, придающая смысл всему исследованию и выступающая как его идея: в процессе коммуникации человека и социального робота возникает гибридная форма коммуникации.

Интерпретация основных понятий. Социальный робот – антропоморфное автономное устройство, которое обладает характеристиками, позволяющими пользователю приписывать ему социальные качества. Социальная коммуникация – коммуникативная деятельность людей, которая обусловлена целым рядом социально значимых оценок, конкретных ситуаций, коммуникативных сфер и норм общения, принятых в данном обществе [16]. Социальный гибрид – продукт симбиоза разнородных социальных объектов, переходящий в их синтез, в процессе которого рождается новый объект действия и взаимодействия [17]. Гибридная коммуникация – процесс взаимной адаптации языков субъектов коммуникативного взаимодействия, когда рождается новый, третий язык [17].

Смысловые единицы (единицы поиска – аспекты поведения). 1. Особенности коммуникаций со стороны социального робота в ситуациях: а) в которых варианты взаимодействия с человеком запрограммированы; б) когда робот попадет в тупик, общаясь с человеком, не найдя варианта ответа на вопрос, или не в состоянии продолжать беседу. 2. Особенности коммуникаций со стороны человека: а) особенности построения фраз человеком (характер отношения человека к роботу); б) поведение человека при возникновении затруднений со стороны робота.

Далее представлены комментарии и формулировки выводов из анализа материалов, содержащихся в аудиовизуальных записях. Возможность включения в статью их полного описания ограничена ее допустимым объемом, поэтому мы вынуждены привести отдельные примеры и ссылки на источники. Обобщение результатов содержится в заключении.

Результаты и обсуждение. *Задача 1.* Анализ коммуникаций робота. Ситуация: робот коммуницирует на основе заложенного в него описания действий в алгоритме.

Ожидание наблюдателя (a): варианты предложений для беседы с человеком запрограммированы, поэтому ожидать интерпретацию от робота получаемых от человека сообщений (вопросов, указаний) не стоит.

Анализ источников. Пример подобного поведения робота содержится в видеоролике о роботе-гиде Persephone [18]. Он проводит экскурсию в австралийской пещере, где демонстрируется взаимодействие научного руководителя пещеры Алистрати с роботом. Фраза выглядит не совсем естественной. Можно сказать, что робот использует заложенный в нем алгоритм ответа.

Следующий случай также демонстрирует четкое выполнение роботом алгоритма. Корреспондент находится на приеме в МФЦ у робота-консультанта PROMOBOT [19]. На вопрос корреспондента о том, что умеет робот, тот сразу же спрашивает о цели визита, т. е. возвращает человека к проигрыванию определенного сценария. Робот внимательно следит за выполнением каждого шага, когда замечает недочеты в выполнении инструкции, сообщает об этом. Люди произносят команды, а робот четко их выполняет. Выполнение просьб происходит и в следующем случае: основатель PROMOBOT демонстрирует возможности робота в имитации эмоций [19]. Вероятно, разработчики вложили ответную реакцию – использование фразы до изображения эмоции, чтобы коммуникация с роботом больше походила на коммуникацию с человеком. Для робота не составляет труда выполнять данные просьбы, поскольку они входят в систему команд робота. В беседе журналиста с роботом Егіса заметно, что ведущую позицию в задании вопросов занимает робот [20]. Он просит присесть, первым здоровается с человеком, представляется. Именно Егіса задает много вопросов.

Ожидание наблюдателя (б): возможны ситуации, когда робот попадает в тупик, общаясь с человеком, не найдя варианта ответа на вопрос. Примером может служить содержание видеоролика о роботе-администраторе Xiaoxi [21]. Посетитель здоровается с роботом, однако его ответ не соответствует тому, о чем просил человек. Робот, по всей видимости, отреагировал лишь на первую фразу. В его алгоритме не было заложено последовательное выполнение сразу двух поставленных перед ним задач, что и привело к выполнению лишь первой задачи.

Случай с роботом NAO демонстрирует трудность его своевременной реакции на реплики людей [21]. Робот взаимодействует в школе с детьми с расстройством аутистического спектра, учит их улавливать тонкости человеческих эмоций. Предложение для беседы с человеком было запрограммировано, поэтому робот не смог прервать свою фразу, несмотря на то, что нужный ответ уже был дан.

Ситуация взаимодействия пожилого мужчины с роботом Реррег отображает неправильное истолкование им ответа человека [22]. В программе, заложенной в роботе, существуют лишь несколько вариантов возможных ответов. Робот не услышал явного отказа или согласия – не было четкой команды.

Во взаимодействии ведущего передачи с миниатюрным роботом ROBOHON заметно непонимание и игнорирование им фраз человека [23]. Робот проводит экскурсию, при этом прослеживается отсутствие ответов на вопросы, поскольку, вероятно, ответы на них не были запрограммированы разработчиком. Затем, проезжая мимо достопримечательности, робот начинает рассказывать о ней без данных на то команд. Ведущий хочет что-то сказать, но робот продолжает рассказ, и человек не решается говорить. Можно наблюдать, как робот следует лишь заложенному в него алгоритму проведения экскурсии и не в состоянии поддерживать беседу с человеком.

В разговоре журналиста с роботом Erica прослеживается его игнорирование ответа на вопрос [20]. Робот занял ведущую позицию в беседе – сам задавал вопросы человеку. Но он не стал отвечать на встречный вопрос человека и задал возникший у него самого вопрос.

В следующем случае разработчик демонстрирует возможности робота-компаньона Rudy [24]. Видно, что диалог происходит по жестко заданному алгоритму, неадекватному

ситуации: обращение человека к роботу – вопрос-уточнение робота – команда человека. Можно наблюдать, как робот не понимает, в чем заключается просьба и как нужно помочь человеку.

Другим примером непонимания со стороны устройства является беседа с роботом-компаньоном ElliQ [25]. Пожилая женщина спрашивает о том, какая сегодня погода, но программа словно дает сбой. Возникает небольшая пауза, затем робот просит скорректировать формулировку вопроса: «Извините, пожалуйста, перефразируйте свою просьбу». Робот не в состоянии сразу понять вопрос и адекватно на него ответить. При этом он оповещает о возникшей проблеме и предлагает путь ее решения: переформулировать фразу человека.

При непонимании вопросов или незнании ответов на них роботами может использоваться попытка смены темы: «Я не понимаю. Как насчет...?» [26]. Далее робот демонстрирует запрограммированный разработчиком вариант ответа для тупиковой ситуации: признание в непонимании вопроса и перевод темы, притом с использованием шутки (внезапной и неподходящей к ситуации фразы). Подобным приемом пользуется робот PROMBOT [19].

Роботы Реррег и PROMBOT, помимо попытки изменения темы, применяют фразы, отвлекающие внимание. Первый робот использует юмор, второй просит оказать несложную и приятную услугу – улыбнуться. Эти приемы были заранее продуманы разработчиками, видимо, с целью снижения возможной негативной реакции человека.

Задача 2. Анализ коммуникаций со стороны человека. Ожидание наблюдателя (а): как человек строит фразы, отвечая роботу или задавая ему вопросы? Чтобы ответить на данный вопрос, следует рассмотреть характер отношения человека к роботу, а именно первоначальное действие (приветствие) и дальнейшую интеракцию. Взаимодействует человек с роботом как с партнером или же как с неким новым техническим устройством?

Анализ источников. Случай, когда корреспондент приходит на прием в МФЦ к роботуконсультанту PROMOBOT, отображает отношение человека к роботу как к предмету [19]. Из видеозаписи можно понять, что человек изначально воспринимает робота не как себе подобного, а лишь как объект для репортажа. Более того, корреспондент говорит зрителям про робота «он», несмотря на то, что робот выполнен как робот-женщина. То есть даже не видит необходимости учитывать гендерный аспект.

Восприятие робота как автоматическое устройство можно заметить и в случае с сервисным роботом Care-O-bot 3 [27]. Он мало похож на антропоморфоного робота: у него отсутствуют ноги, имеются лишь одна «рука», которая находится сзади, и слабовыраженное очертание головы. Помимо этого, вместо «глаз» лишь две камеры в верхней части корпуса. Но взгляд человека обычно направлен на середину корпуса. Возможно, это связано и с тем, что на том же уровне периодически появляется подставка для различных предметов. Вербальная коммуникация с роботом полностью отсутствует: человек с ним не разговаривает, даже не произносит никаких восклицаний, междометий, комментариев. Вероятно, этому способствовует отсутствие у устройства выраженных антропоморфорных черт.

Противоположную ситуацию можно наблюдать в интеракции научного директора пещеры Алистрати с роботом-гидом Persephone [18]. Робот имеет голову, два светящихся фонаря – «глаза». Человек смотрит роботу в «глаза», а не в экран, который расположен значительно ниже (на экране изображена карта пещеры). Происходит адаптация человека к

108

этому «Другому» благодаря антропоморфным чертам робота. Но, несмотря на это, восприятие робота человеком вряд ли можно назвать подобным восприятию его как человека. Пока робот отвечает человеку, тот неотрывно смотрит на него и не шевелится, не опускает микрофон, а продолжает держать его возле себя.

Показателен случай учета антропоморфности при коммуникации директора Дербентского музея-заповедника с роботом PROMOBOT [19]. Директор обращается с приветствием: «Добрый день, друг наш, коллега. Узнал меня?». Но при этом можно понять, что человек учитывает, что перед ним робот, считывая невербальную информацию: мужчина мельком смотрит в «глаза» робота, но больше внимание уделяет экрану, расположенному ниже его «головы».

В ситуации участия робота Кееко в помощи проведения занятия в группе детей китайского детского сада видим, что дети заинтересованно играют с роботом [28]. Можно предположить, что ребенок относится к роботу не как к человеку, а, скорее, как к животному. Такое же отношение прослеживается и во взаимодействии пожилых женщин в доме престарелых с зооморфными роботами-терапевтами [29].

Отношение к роботу как к сотруднику можно наблюдать во взаимодействии посетителя с роботом-администратором Xiaoxi [21]. Человек обращается к нему по имени, присваивая роботу некоторую уникальность. Повтор фраз выглядит не совсем естественным, словно человек пытается проверить, как робот будет при этом себя вести. Ожидание реакции на происходящее от стороннего человека (видимо, разработчика и/или того, кто внедрил робота в дом мужчины) также может служить подтверждением этому. Затем робот говорит: «Мы могли бы делать это вечно». Человек сразу переводит взгляд на него и отвечает: «О, нет. Мы можем» и смеется — ответ робота мужчине понравился.

Во взаимодействии подростков с расстройством аутистического спектра в школе с роботом Реррег было заметно некоторое недоверие, опасение к нему [30]. Не наблюдается доверие и при первом взаимодействии: подросток ждал поддержки или одобрения со стороны человека, не вступившего во взаимодействие с роботом. Подобную ситуацию можно наблюдать в общении ребенка младших классов с роботом NAO: после ответа на вопрос о погоде, мальчик посмотрел на реакцию учительницы, вероятно, проверяя правильность своего ответа.

Во взаимодействии ребенка с расстройством аутистического спектра с роботом QTrobot, напротив, можно заметить, что реакция людей ему не столь важна [31]. Когда мальчик роняет листок, то извиняется за это перед роботом, а не перед человеком, находящимся рядом, или человеком, стоящим за камерой. В данном случае во время интеракции проявляется более высокая значимость робота для ребенка.

Доверие и расслабленность наблюдается и в интеракции пожилой женщины с роботом ElliQ в своем доме [25]. Женщина выполняет физическое упражнение на тренажере и просит робота рассказать анекдот, обращаясь к нему по имени. В данном случае имя служит, скорее, сигналом для робота к началу взаимодействия. Несмотря на то, что явных характеристик, указывающих на пол, во внешности устройства нет, пожилая женщина говорит о роботе «она». Робот находится в доме женщины несколько месяцев, и та, видимо, привыкла к проигрыванию определенного сценария. Это наводит на мысль о том, что происходят

модификации в коммуникации. Женщина, вступая в интеракции с машиной, следовала «правилам игры» робота и уподобила себя этой машине.

Можно сделать вывод, что важна продолжительность взаимодействия с роботом: она может влиять на изменение интеракции со стороны людей. Человек начинает больше доверять роботу, поскольку может предугадать его реакцию на те или иные свои действия. Также длительность знакомства и контакта с устройством способствует модификации коммуникации: человек привыкает к роботу, начинает понимать, как с ним функционировать наиболее эффективным образом, может заранее мысленно выстраивать алгоритм диалога и начать подстраивает свою речь нужным образом. Модификации, упрощения фраз при первом вза-имодействии с роботом, как правило, не наблюдается, если коммуникация протекает успешно и со стороны робота не возникает ошибок.

Рассмотрим ситуации затруднений, возникающих у человека. Ожидание наблюдателя (б): в каких случаях у человека возникают затруднения и по каким причинам? Необходимо ответить на следующие вопросы: как человек понимает содержания фразы робота или какие испытывает затруднения в ее построении? Как корректирует привычный способ построения фраз и их содержание, вносит ли коррективы в ходе коммуницирования (разговора) с роботом? Использует ли смену интонации, работает ли с эмоциями? Есть ли изменения в визуальном восприятии, и возникает ли эмоциональное реагирование на реплики робота?

Примером непонимания уместности фразы робота может служить взаимодействие ведущего передачи с роботом-гидом ROBOHON [23]. Человек совершенно не понимает, как следует реагировать на подобное поведение, и решает прослушать композицию ROBOHON еще раз, не прерывая его. Он вновь подстраивается под поведение робота и следует заложенному в нем алгоритму.

Попытки настроить желанную коммуникацию с роботом пробует ведущий во время коммуникации с ROBOHON [23]. Ведущий задает ему вопрос – робот отвечает. Очевидно, робот не понял вопрос. Человек обдумывает, как лучше сказать. Но понимает, что произнесенный вопрос был корректным и повторяет его вновь, ничего в нем не меняя. Включает кнопку на работе, полагая, что это может улучшить его работу. Затем пытается задать вопрос, обращаясь к роботу по имени, полагая, что это может служить ему сигналом начала взаимодействия, пытается наладить коммуникацию. Робот не отвечает. Ведущий молча смотрит на него, немного плавно наклоняет его назад, словно пытается слегка потрясти. Подобное действие люди совершают, пытаясь наладить какой-либо прибор, наивно полагая, что это может сработать.

В следующей ситуации отображается быстрая потеря интереса человека при бездействии робота. Реррег стоит неподвижно и ничего не говорит [22]. После совершения некоторых попыток человек устает и предпочитает отстраниться, а не добиваться активации устройства.

Неестественные интонации в коммуникациях человека с роботом можно заметить во фразах основателя PROMOBOT. Проговаривая: «Покажи удивление», он произносит медленно слово «покажи» [19]. После удачной демонстрации роботом удивления, основатель осознает, что можно попробовать изменить интонацию, так как робот его понимает. В остальных рассмотренных случаях интонация при взаимодействии людей с роботами являлась схожей, как при взаимодействии людей друг с другом.

Выводы. 1. Аудиовизуальный анализ коммуникаций социального робота позволил выявить возможности заложенных в нем алгоритмов. Робот может отвечать полным предложением, не используя сокращенные варианты; при отдаче человеком четкой команды строго выполняет ее, если она входит в систему команд робота; разработчиком может закладываться использование роботом шуток при интеракциях с человеком; робот может занимать ведущую позицию в задавании вопросов; может стремиться выполнять действия согласно алгоритму и направлять человека к его выполнению. Также наблюдение показало, как робот ведет себя в ситуациях, когда попадает в тупик, общаясь с человеком: при постановке нескольких задач робот может выполнить лишь одну из них; может проигнорировать нужный ответ человека, если тот был дан раньше времени, заложенного на ответ в программе робота; если команда человека отсутствует в системе возможных команд робота, он может выполнить наиболее подходящее, на его взгляд, действие или проигнорировать; при непонимании вопросов или незнании ответов на них робот может использовать оповещение о возникшей проблеме и просьбу переформулировать команды или попытку смены темы.

2. Анализ поведения человека в коммуникации с социальным роботом позволил сделать следующие выводы. При первом взаимодействии с роботом не происходит модификации коммуникации или упрощения фраз, на что может влиять продолжительность интеракции: человек начинает больше доверять роботу и/или начинает подстраиваться под его алгоритм. Интонация людей при коммуникации с роботом, как правило, схожа с интонацией при коммуникации с людьми. Эмоциональное отношение к роботу было позитивным в каждом случае: люди выражали свое желание взаимодействовать с роботом либо были нейтральны, испытывали к нему некоторое недоверие. Эмоциональное реагирование на реплики робота во всех случаях не имело негативной окраски, например, раздражения или обиды. При возникновении ошибок со стороны робота люди испытывали удивление, смеялись, отстранялись или подстраивались под его поведение.

Заключение. Таким образом, в коммуникациях человека и социального робота можно наблюдать появление тенденции к взаимной адаптации, особенно когда в некоторых моментах коммуникации возникает напряжение в процедуре прямой и обратной связи. Тогда разряжение напряжения приводит к возникновению гибридных актов со стороны робота, что проявляется в использовании им некоторых элементов и принципов человеческого языка. Но это использование протекает в форме столкновения с непониманием и ведет к следующей блокаде акта коммуникации. Подобное же происходит при общении человека с социальным роботом: человек вынужден менять свое поведение, подстраиваться под его манеру. В этой ситуации часто появлялась блокада в форме растерянности от непонимания роботом вопроса или просьбы. И все же в процессе воспроизводства устойчивого характера коммуникации в особенностях коммуницирования каждой из сторон возникали способы ответных реакций для преодоления блокады, не предвиденные ни разработчиками алгоритмов, ни человеком, вступающим в коммуникацию с роботом с ожиданием запрограммированного «машинного поведения». Однако эти корректировки реакций, первоначально отсутствующие и возникшие как результат гибридизации, остаются лишь «вспышками», угасающими после завершения контакта и имеющими продолжение и развитие преимущественно в виде совершенствования специального языка общения человека и машины. Наш вывод: такой

процесс остается односторонним и пока не дополняется активностью другой стороны – участием человека в синтезе естественного и искусственного языков, что невозможно без модификации языка самого человека, а значит, и его культурных и телесных модификаций. Это станет неизбежным, если вариантом дальнейшего совершенствования технологий искусственного интеллекта станет императив его сосуществования с человеком как их взаимного дополнения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1. Гасумова С. Е., Портер Л. Роботизация социальной сферы // Социология науки и технологий. 2019. Т. 10, № 1. С. 79–94. DOI: 10.24411/2079-0910-2018-10006.
- 2. Коммуникация «человек машина». Переосмысление коммуникации, технологии и самих себя / пер. с англ. А. М. Морозовой; под ред. А. Гузман. Харьков: Изд-во «Гуманитарный Центр», 2022.
- 3. Абрамов Р. Н., Катечкина В. М. Социальные аспекты взаимодействия человека и робота: опыт экспериментального исследования // Журнал социологии и социальной антропологии. 2022. T. XXV, № 2. C. 214–243. DOI: https://doi.org/10.31119/jssa.2022.25.2.9.
- 4. Зильберман Н. Н. Функциональная классификация социальных роботов // Гуманитарная информатика. 2014. № 8. С. 30-39.
- 5. Создатели робототехники: через два-три года людей в офисах не будет // Инновационный центр «Сколково». URL: https://sk.ru/news/sozdateli-robototehniki-cherez-dvatri-goda-lyudeyv-ofisah-ne-budet/ (дата обращения: 25.05.2021).
- 6. Ford M. Architects of Intelligence: The Truth about AI from the People Building It. Birmingham, UK: Packt Publishing, 2018. URL: http://fa.bme.sut.ac.ir/Downloads/AcademicStaff/3/Courses/44/ Architects%20of%20Intelligence.pdf (дата обращения: 19.03.2021).
- 7. Bonarini A. Communication in Human-Robot Interaction // Current Robotics Reports. 2020. № 1. P. 279–285. DOI: 10.1007/s43154-020-00026-1.
- 8. Робот на проводе. Социолог о проблемах коммуникации между человеком и голосовыми помощниками // Российский научный фонд. URL: https://rscf.ru/news/presidentialprogram/robot-na-provode/ (дата обращения: 11.12.2021).
- 9. Проблемы цифрового общения: почему ошибаются чат-боты и можно ли это исправить? // Markswebb. URL: https://markswebb.ru/blog/chatbot-problems-and-hints/ (дата обращения: 21.12.2021).
- 10. Разговоры с роботом. Можно ли научить чат-бот общаться // RB.RU. URL: https://rb.ru/opinion/razgovory-s-robotom/ (дата обращения: 11.11.2021).
- 11. Mavridis N. A review of verbal and non-verbal human–robot interactive communication // Robotics and Autonomous Systems. 2015. Vol. 63, Part 1. P. 22-35. DOI: https://doi.org/10.1016/j.robot.2014.09.031.
- 12. Я слышу голоса: общительный массив для дружелюбного робота // Promobot. URL: https://promo-bot.ru/blog/ya-slyshu-golosa-obshhitelnyj-massiv-dlya-druzhelyubnogo-robota/ (дата обращения: 10.10.2021).
- 13. Verbal Communication in Robotics: A Study on Salient Terms, Research Fields and Trends in the Last Decades Based on a Computational Linguistic Analysis verbal communication in robotics: a study on salient terms, research fields and trends in the last decades based on a computational linguistic analysis / A. Marin Vargas, L. Cominelli, F. Dell'Orletta, E. P. Scilingo // Frontiers in Computer Science. 2021. Vol. 2. P. 591164. DOI: https://doi.org/10.3389/fcomp.2020.591164.
- 14. Приключения технологий: барьеры цифровизации в России / К. П. Глазков, Л. В. Земнухова, О. С. Логунова и др. М.; СПб.: ФНИСЦ РАН, 2020. DOI: https://doi.org/10.31119/978-5-89697-339-3.

111

- 15. Крыштановская О.В. Бесконтактная социология: новые формы исследований в цифровую эпоху // Цифровая социология. 2018. Т. 1, № 1. С. 4–8. DOI: https://doi.org/10.26425/2658-347X-2018-1-4-8.
- 16. Подгорецки Ю. Социальная коммуникация наука XXI века // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Т. 7, № 2. С. 157–163.
- 17. Игнатьев В. И. Объект социологии в метаморфозе морфогенеза гибридного социума // Социологические исследования. 2022. № 4. С. 114–123. DOI: 10.31857/S013216250017890-2.
- 18. MOVIA Robotics. MOVIA's NAO Robot Leads Morning Meeting In The Classroom | MOVIA STORIES // YouTube. URL: https://www.youtube.com/watch?v=JgmOuSO7iFQ (дата обращения: 01.02.2022).
- 19. Promobot Russia. Первый канал: посетителей МФЦ в Перми консультирует робот | Promobot // YouTube. URL: https://www.youtube.com/watch?v=7MCZLwCPvJs&list=LL&index=60 (дата обращения: 07.03.2022).
- 20. The Guardian. Erica: 'I want to be more like a human' // YouTube. URL: https://www.youtube.com/watch?v=87heidlFqG4&ab_channel=TheGuardian (дата обращения: 09.03.2022).
- 21. South China Morning Post. Chinese court introduces robot guide is ready // YouTube. URL: https://www.youtube.com/watch?v=hRSTFX4J_yw&list=LL&index=9&ab_channel=SouthChinaMornin gPost (дата обращения: 17.03.2022).
- 22. BBC. Can robots take care of the elderly? // YouTube. URL: https://www.youtube.com/watch?v=XuwP5iOB-gs&ab_channel=BBC (дата обращения: 17.03.2022).
- 23. DW Shift. How good is this Robot as Tour Guide? Traveling in Japan with ROBOHON // YouTube. URL: https://www.youtube.com/watch?v=be8WOGe5iJk&list=LL&index=11&t=371s&ab_channel=DWShift (дата обращения: 10.03.2022).
- 24. VOA News. Elder Care Robots // YouTube. URL: https://www.youtube.com/watch?v=P_0jzsNF8kA&ab channel=VOANews (дата обращения: 15.03.2022).
- 25. Bloomberg Quicktake: Originals. The Companion Robot Designer // YouTube. URL: https://www.youtube.com/watch?v=eGySFLW0qDs (дата обращения: 11.03.2022).
- 26. Tech Insider. We Interviewed Pepper The Humanoid Robot // YouTube. URL: https://www.youtube.com/watch?v=zJHyaD1psMc&t=127s&ab_channel=TechInsider (дата обращения: 16.03.2022).
- 27. FraunhoferIPA. Robot Companion for the Elderly // YouTube. URL: https://www.youtube.com/watch?v=Z1MJPdhniXc&ab_channel=FraunhoferIPA (дата обращения: 12.03.2022).
- 28. South China Morning Post. Robot teachers invade Chinese kindergartens // YouTube. URL: https://www.youtube.com/watch?v=jppnAR1mtOw&list=LL&index=34&ab_channel=SouthChinaMorningPost (дата обращения: 14.03.2022).
- 29. Голос Америки. Роботы помогают пожилым людям // YouTube. URL: https://www.youtube.com/watch?v=zi184eLhUfA&ab_channel=%D0%93%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D1%81%D0%90%D0%BC%D0%B5%D1%80%D0%B8%D0%BA%D0%B8 (дата обращения: 19.03.2022).
- 30. UWE Bristol. Pepper the Robot joins school to support autistic young people // YouTube. URL: https://www.youtube.com/watch?v=EolxcjTVOgs&ab_channel=UWEBristol (дата обращения: 07.03.2022).
- 31. Lux Al. QTrobot Expressive robot helping children with autism learning social skills // YouTube. URL: https://www.youtube.com/watch?v=9wNV2k1jfgQ&ab_channel=LuxAl (дата обращения: 05.03.2022).

Информация об авторах.

Игнатьев Владимир Игоревич – доктор философских наук (1998), профессор (2000), профессор кафедры социологии и массовых коммуникаций Новосибирского государственного технического университета, пр. К. Маркса, д. 20, Новосибирск, 630073, Россия. Академик Российской Академии социальных наук, член-корреспондент Международной академии наук высшей школы. Автор более 120 научных публикаций. Сфера научных интересов:

философия и социология технологий и информатизации, социальные и антропологические аспекты изучения технологий искусственного интеллекта, проблема техносубъекта и гибридного социума, теория исторического развития, системные и резонансные процессы в обществе.

Спиридонова Ксения Игоревна – магистрант (2-й курс) кафедры социологии и массовых коммуникаций Новосибирского государственного технического университета, пр. К. Маркса, д. 20, Новосибирск, 630073, Россия. Автор 9 научных публикаций. Сфера научных интересов: социология коммуникаций и теория социальной работы.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось. Поступила 19.09.2022; принята после рецензирования 17.10.2022; опубликована онлайн 23.12.2022.

REFERENCES

- 1. Gasumova, S.E. and Porter, L. (2019), "Robotization of the social sphere", *Sociology of Science and Technology*, vol. 10, no. 1, pp. 79–94. DOI: 10.24411/2079-0910-2018-10006.
- 2. Kommunikatsiya "chelovek mashina". Pereosmyslenie kommunikatsii, tekhnologii i samikh sebya [Communication "human machine". Rethinking communication, technology and themselves] (2022), Transl. by Morozova, A.M., in Guzman, A. (ed.), Gumanitarnyy Tsentr, Kharkov, UKR.
- 3. Abramov, R.N. and Katechkina, V.M. (2022), "Social Aspects of Human-Robot Interaction: Experimental Research Experience", *The J. of Sociology and Social Anthropology*, vol. XXV, no. 2, pp. 214–243. DOI: https://doi.org/10.31119/jssa.2022.25.2.9.
- 4. Zilberman, N.N. (2014), "Functional classification of social robots", *Humanitarian Informatics*, no. 8, pp. 30–39.
- 5. "The creators of robotics: in two or three years there will be no people in the offices" (2016), *Innovation centre "Skolkovo"*, available at: https://sk.ru/news/sozdateli-robototehniki-cherez-dvatrigoda-lyudey-v-ofisah-ne-budet/ (accessed 25.05.2021).
- 6. Ford, M. (2018), *Architects of Intelligence: The Truth about AI from the People Building It*, Packt Publishing, Birmingham, UK, available at: http://fa.bme.sut.ac.ir/Downloads/AcademicStaff/ 3/Courses/44/Architects%20of%20Intelligence.pdf (accessed 19.03.2021).
- 7. Bonarini, A. (2020) "Communication in Human-Robot Interaction", *Current Robotics Reports*, no. 1, pp. 279–285. DOI: 10.1007/s43154-020-00026-1.
- 8. "Robot is on a wire. Sociologist about the problems of communication between a person and voice assistants" (2020), *Russian Science Foundation*, available at: https://rscf.ru/news/presidential-program/robot-na-provode/ (accessed 11.12.2021).
- 9. "Problems of digital communication: why chatbots are wrong, and can it be fixed?" (2021), *Markswebb*, available at: https://markswebb.ru/blog/chatbot-problems-and-hints/ (accessed 21.12.2021).
- 10. "Conversations with a robot. Is it possible to teach a chatbot to communicate" (2018), RB.RU, available at: https://rb.ru/opinion/razgovory-s-robotom/ (accessed 11.11.2021).
- 11. Mavridis, N. (2015), "A review of verbal and non-verbal human-robot interactive communication", *Robotics and Autonomous Systems*, vol. 63, part 1, pp. 22–35. DOI: https://doi.org/10.1016/j.robot.2014.09.031.
- 12. "I Hear Voices: A Sociable Array for a Friendly Robot" (2021), *Promobot*, available at: https://promobot.ru/blog/ya-slyshu-golosa-obshhitelnyj-massiv-dlya-druzhelyubnogo-robota/ (accessed 10.10.2021).
- 13. Marin Vargas, A., Cominelli, L., Dell'Orletta, F. and Scilingo, E.P. (2021), "Verbal Communication in Robotics: A Study on Salient Terms, Research Fields and Trends in the Last Decades Based on a Computational Linguistic Analysis", *Frontiers in Computer Science*, vol. 2: 591164. DOI: https://doi.org/10.3389/fcomp.2020.591164.

- 14. Glazkov, K., Zemnukhova, L.V., Logunova, O.S. et al. (2020), *Prikliucheniia tekhnologii: baríeri tsifrovizatsii v Rossii* [Technology adventures: barriers to digitalization in Russia], FNISTS RAN, Moscow, SPb., RUS. DOI: https://doi.org/10.31119/978-5-89697-339-3.
- 15. Kryshtanovskaya, O.V. (2018), "Contactless sociology: new forms of research in a digital age", *Digital Sociology*, vol. 1, no. 1, pp. 4–8. DOI: https://doi.org/10.26425/2658-347X-2018-1-4-8.
- 16. Podgorecki, J. (2015), "Social communication: a field of study for the XXI century", *Historical and social educational idea*'s, vol. 7, no. 2, pp. 157-163.
- 17. Ignatyev, V.I. (2022), "Object of Sociology in the Metamorphosis of Morphogenesis of Hybrid Society", *Sociological Studies*, no. 4, pp. 114–124. DOI: 10.31857/S013216250017890-2.
- 18. "MOVIA Robotics. MOVIA's NAO Robot Leads Morning Meeting In The Classroom | MOVIA STORIES" (2021), *YouTube*, available at: https://www.youtube.com/watch?v=JgmOuSO7iFQ (accessed 01.02.2022).
- 19. "Protobot Russia. Channel One: Visitors to the MFC in Perm are advised by a robot | Protobot" (2020), *YouTube*, available at: https://www.youtube.com/watch?v=7MCZLwCPvJs&list=LL&index=60 (accessed 07.03.2022).
- 20. "The Guardian. Erica: 'I want to be more like a human'" (2017), *YouTube*, available at: https://www.youtube.com/watch?v=87heidlFqG4&ab_channel=TheGuardian (accessed 09.03.2022).
- 21. "South China Morning Post. Chinese court introduces robot guide is ready" (2018), *YouTube*, available at: https://www.youtube.com/watch?v=hRSTFX4J_yw&list=LL&index=9&ab_channel=South ChinaMorningPost (accessed 17.03.2022).
- 22. "BBC. Can robots take care of the elderly?" (2017), *YouTube*, available at: https://www.youtube.com/watch?v=XuwP5iOB-gs&ab_channel=BBC (accessed 17.03.2022).
- 23. "DW Shift. How good is this Robot as Tour Guide? Traveling in Japan with ROBOHON" (2020), *YouTube*, available at: https://www.youtube.com/watch?v=be8WOGe5iJk&list=LL&index=11&t=371s&ab_channel=DWShift (accessed 10.03.2022).
- 24. "VOA News. Elder Care Robots" (2018), *YouTube*, available at: https://www.youtube.com/watch?v=P_0jzsNF8kA&ab_channel=VOANews (accessed 15.03.2022).
- 25. "Bloomberg Quicktake: Originals. The Companion Robot Designer" (2018), *YouTube*, available at: https://www.youtube.com/watch?v=eGySFLW0qDs (accessed 11.03.2022).
- 26. "Tech Insider. We Interviewed Pepper The Humanoid Robot", *YouTube*, available at: https://www.youtube.com/watch?v=z|HyaD1psMc&t=127s&ab_channel=TechInsider (accessed 16.03.2022).
- 27. "FraunhoferIPA. Robot Companion for the Elderly" (2013), *YouTube*, available at: https://www.youtube.com/watch?v=Z1MJPdhniXc&ab_channel=FraunhoferIPA (accessed 12.03.2022).
- 28. "South China Morning Post. Robot teachers invade Chinese kindergartens" (2018), *YouTube*, available at: https://www.youtube.com/watch?v=jppnAR1mtOw&list=LL&index=34&ab_channel=SouthChinaMorningPost (accessed 14.03.2022).
- 29. "Voice of America. Robots help the elderly" (2022), *YouTube*, available at: https://www.youtube.com/watch?v=zi184eLhUfA&ab_channel=%D0%93%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D1%81%D0%90%D0%BC%D0%B5%D1%80%D0%B8%D0%BA%D0%B8 (accessed 19.03.2022).
- 30. "UWE Bristol. Pepper the Robot joins school to support autistic young people" (2021), *YouTube*, available at: https://www.youtube.com/watch?v=EolxcjTVOgs&ab_channel=UWEBristol (accessed 07.03.2022).
- 31. "Lux Al. QTrobot Expressive robot helping children with autism learning social skills" (2019), *YouTube*, available at: https://www.youtube.com/watch?v=9wNV2k1jfgQ&ab_channel=LuxAl (accessed 05.03.2022).

Information about the authors.

114

Vladimir I. Ignatyev – Dr. Sci. (Philosophy) (1998), Professor (2000), Professor at the Department of Sociology and Mass Communications, Novosibirsk State Technical University, 20

K. Marx ave., Novosibirsk 630073, Russia. Academician RASC, Corresp. Member of IAS High School. The author of more than 120 scientific publications. Area of expertise: philosophy and sociology of technology and informatization, social and anthropological aspects of the study of artificial intelligence technologies, the problem of techno-subject and hybrid society, the theory of historical development, systemic and resonant processes in society.

Kseniay I. Spiridonova – Master's Degree student (2nd year) of the Department of Sociology and Mass Communications, Novosibirsk State Technical University, 20 K. Marx ave., Novosibirsk 630073, Russia. The author 9 scientific publications Area of expertise: sociology of communication and theory of social work.

No conflicts of interest related to this publication were reported. Received 19.09.2022; adopted after review 17.10.2022; published online 23.12.2022.

Языкознание Linguistics

Оригинальная статья УДК 81-13; 81'23 http://doi.org/10.32603/2412-8562-2022-8-6-116-128

Концептуализация темпоральных отношений, структурирующих эмоциональный мир человека в стихотворении Т. Мура «No – leave my heart to rest»

Анна Викторовна Диль

Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, Санкт-Петербург, Россия, annadiehl2018@yahoo.com, https://orcid.org/0000-0002-9835-117X

Введение. Настоящее исследование, выполненное в русле лингвокогнитивной парадигмы, посвящено изучению лингвокультурной специфики интерпретации темпоральных маркеров, а также рассмотрению способов концептуализации категории художественного времени в рамках когнитивного сценария стихотворения Т. Мура «No – leave my heart to rest». Актуальность данного исследования обусловлена интересом специалистов в области лингвистики к национально-культурной специфике интерпретации категории времени в литературных произведениях, где временные маркеры служат обеспечению темпорального континуума когнитивного сценария в рамках конкретного произведения. Цель исследования заключается в выявлении специфики концептуализации темпоральных отношений в стихотворении Т. Мура «No – leave my heart to rest» посредством когнитивного анализа темпоральных маркеров, структурирующих репрезентацию эмоционального мира лирического героя. Новизна исследования определяется его антропоцентрической направленностью, а также междисциплинарным подходом к анализу языкового материала с точки зрения психологии, культурологии и когнитивной лингвистики.

Методология и источники. Теоретические положения в основе данного исследования представлены в трудах ученых, занимавшихся анализом эмоциональных концептов и категории темпоральности в лингвокультурной и антропоцентрической парадигмах. В процессе анализа лексического материала в статье применяются следующие методы исследования: метод сплошной выборки, функционально-семантический метод, метод компонентного анализа, метод дефиниционного анализа, а также описательный метод и метод количественной обработки данных.

Результаты и обсуждение. В статье представлены результаты категоризации лексических единиц с темпоральной семантикой, которые в контексте рассматриваемого стихотворения моделируют временную перспективу эмоциональных переживаний героя. Выделенные лексические единицы отмечены маркером темпоральности, т. е. соотнесенности в рамках художественного мира произведения с определенным этапом жизни лирического героя.

Заключение. Установлено, что темпоральные маркеры прошлого и настоящего в стихотворении Т. Мура «No – leave my heart to rest» с точки зрения своей лингво-

© Диль А. В., 2022

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License. This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

прагматической функции моделируют и структурируют мир эмоциональных переживаний лирического героя и служат цели реализации временного континуума в рамках событийного пространства анализируемого стихотворения.

Ключевые слова: темпоральные маркеры, эмоциональный мир человека, концепт, номинации эмоций

Для цитирования: Диль А. В. Концептуализация темпоральных отношений, структурирующих эмоциональный мир человека в стихотворении Т. Мура «No – leave my heart to rest» // ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 6. С. 116–128. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-6-116-128.

Original paper

Conceptualization of Temporal Relationships Structuring the Emotional World of a Person in the Poem "No - leave my heart to rest" by T. Moore

Anna V. Diehl

Saint Petersburg University of Management Technologies and Economics, St Petersburg, Russia, annadiehl2018@yahoo.com, https://orcid.org/0000-0002-9835-117X

Introduction. This study, carried out in line with the linguo-cognitive paradigm, is devoted to the study of linguo-cultural specifics of the interpretation of temporal markers, as well as to the analysis of ways to conceptualize the category of artistic time within the framework of the cognitive scenario of the poem "No - leave my heart to rest" by T. Moore. The relevance of this study is explained by the interest of specialists in the field of linguistics to the national and cultural specificity of the interpretation of the category of time in literary works, where time markers serve the purpose of providing a temporal continuum of the cognitive scenario within a particular work. The purpose of the study is to identify the specifics of the conceptualization of temporal relations in the poem "No – leave my heart to rest" by T. Moore by means of a cognitive analysis of temporal markers that structure the representation of the emotional world of the lyrical hero. The relevance of this study is determined by its anthropocentric orientation, as well as an interdisciplinary approach to the analysis of linguistic material from the point of view of psychology, cultural studies and cognitive linguistics.

Methodology and sources. The theoretical principles underlying this study are presented in the works of researchers involved in the analysis of emotional concepts and the category of temporality in the linguocultural and anthropocentric paradigms. In the process of analyzing lexical material in the article, the following research methods were used: the method of continuous sampling, the functional-semantic method, the method of component analysis, the method of definitional analysis, as well as the descriptive method and the method of quantitative data processing.

Results and discussion. The article presents the results of the categorization of lexical units with temporal semantics, which, in the context of the poem under consideration, model the temporal perspective of the main character's emotional experiences. The selected lexical units are marked with a marker of temporality, that is, correlation within the artistic world of the work with a certain stage in the life of the lyrical hero.

Conclusion. It has been established that the temporal markers of the past and present in the poem "No – leave my heart to rest" by T. Moore from the point of view of their linguopragmatic function model and structure the world of emotional experiences of the lyrical hero and serve the purpose of realizing the time continuum within the event space of the analyzed poem.

Keywords: temporal markers, human emotional world, concept, nominations of emotions

For citation: Diehl, A.V. (2022), "Conceptualization of Temporal Relationships Structuring the Emotional World of a Person in the Poem "No – leave my heart to rest" by T. Moore", *DISCOURSE*, vol. 8, no. 6, pp. 116–128. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-6-116-128 (Russia).

Введение. Категория времени относится к фундаментальным категориям человеческого сознания и мышления, обладающим национальной спецификой. Вопрос концептуализации времени в различных культурах рассматривается, как правило, именно в междисциплинарной перспективе с учетом разнообразных культурологических, индивидуальнопсихологических, социолингвистических характеристик конкретного лингвокультурного сообщества.

Считается, что осознание категории времени человеком пришло через осмысление категории движения, что и подтверждается фактом осмысления сущности времени в терминах движения, вербализованном во многих языках: рус. «Время идет (летит)»; англ. "Time flies" [1].

Исследования категории времени в аспекте феноменологии позволяют выявить и такую основополагающую характеристику субъективного (или внутреннего) темпорального опыта, как его первичность по отношению к концептуализации времени. Темпоральные концепты в своей совокупности выстраиваются в когнитивные темпоральные модели, структурирующие результаты чувственного опыта человека [1, с. 137]. Более того, экспериментально было доказано, что с точки зрения физиологии человек не может дистанцироваться от времени, так как обладает способностью интуитивно ощущать его протяженность, даже не глядя на часы и находясь в стороне от какого-либо источника информации о времени. Таким образом, категория времени в сознании и мировосприятии человека индивидуализируется и приобретает антропоцентристскую сущность: человек как бы проецирует категорию времени на свою собственную жизнь, а темпоральность в свою очередь начинает трактоваться в конкретных категориях человеческого бытия. Как отмечает С. А. Чугунова, подобный подход к интерпретации категории темпоральности в феноменологии существенно отличается от традиционного варианта трактовки этой категории в когнитивистике, в теории когнитивной метафоры в частности. Так, время в когнитивистике, являясь «абстрактным концептом», может рассматриваться как «результат вторичной концептуализации» [1, с. 137].

С. А. Чугунова считает, что категория темпоральности подразумевает когнитивную сопряженность с движением не столько вне, сколько «внутри индивида». Так, изучение особенностей концептуализации темпорального опыта не ограничивается лишь анализом языковых единиц, а, наоборот, должно быть связано непосредственно с личным опытом носителя конкретного языка [1], для которого концепты «настоящее», «прошлое» и «будущее» обладают эгоцентрическими когнитивными характеристиками [1, с. 140].

Под темпоральностью в контексте языкознания традиционно понимается комплекс языковых средств, принадлежащих различным уровням языковой системы и служащих цели выражения временных отношений [2, с. 312-1]. Категория темпоральности обладает функцией локализации событий в рамках высказывания или текста по отношению к самому речевому сообщению, позволяя соотнести текст или высказывание с определенным

временным планом (прошлого, настоящего и будущего соответственно). Таким образом, морфологическим ядром категории темпоральности является грамматическая категория времени глагола, в основе которой лежит соотнесение передаваемой ситуации с моментом говорения [2, с. 312-1; 3].

В настоящем исследовании мы придерживаемся точки зрения А. В. Бондарко о том, что понятийная категория темпоральности отражает сущность физического и философского аспектов времени и репрезентируется в языке за счет использования самых разнообразных лексических, грамматических и комбинированных средств [4].

Выражение аспекта темпоральности в речи напрямую связано с наличием у слушающего определенных знаний о коммуникативной ситуации, представляющей собой своеобразную точку отсчета времени, «согласно которой определяется время говорения» [2, с. 312-2]. Таким образом, темпоральная система служит цели упорядочивания событий во временной перспективе [2, с. 312-2].

Система темпоральных отношений включает в себя следующие понятия:

- абсолютная ориентация во времени (1) «раньше»: действие происходит до момента речи; 2) «сейчас»: действие происходит непосредственно в момент речи; 3) «потом»: действие следует за моментом речи);
- относительная ориентация во времени (называемое действие соотносится не с моментом речи как точкой отсчета, а с другим действием: рус. «Услышав их рассказ, мы расчувствовались»).

С другой стороны, немаловажная роль с точки зрения степени эксплицированности временных отношений в речевом отрезке (высказывании, тексте) отводится вербализации такого временного параметра, как «отдаленность времени действия от момента речи» [2, с. 312-1]. Так, временные отношения в рамках высказывания могут представляться неопределенными (рус.: однажды, недавно, когда-то, после того, затем), а также уточняться отсылкой на временной промежуток между описываемой ситуацией и моментом говорения (в течение нескольких дней, в течение недели, на протяжении года и др.).

Категория лингвистического времени в рамках художественной литературы превращается в категорию художественного времени. Художественное время, отличаясь многомерностью, обратимостью, а также разнонаправленностью, моделирует темпоральный континуум текста в литературных произведениях. С. А. Жукова выделяет две основные формы реализации модели времени – метонимическую и метафорическую. Метонимическая модель традиционно используется при формировании текстового континуума; в рамках этой модели событие рассматривается как часть временного потока. Метафорическая модель времени является типичной для художественных произведений больших жанров, а также лирических произведений, в которых время фигурирует в качестве объекта специального осмысления [5].

Рассматривая разновидности темпоральных маркеров, структурирующих темпоральный текстовый континуум художественного произведения (на материале современного короткого немецкоязычного рассказа), исследователь предлагает следующую классификацию:

- 1) средства эксплицитной хрононимии;
- 2) средства имплицитной хрононимии;

3) средства интенсификации хрононимии [5].

Средства эксплицитной хрононимии объединяют:

- 1) хронопунктурные (абсолютные и относительные) темпоральные маркеры;
- 2) хронометрические темпоральные маркеры (определенные и неопределенные);
- 3) хронологические (проспективные и ретроспективные) темпоральные маркеры [5].
- С. А. Жукова также выделяет средства имплицитной хрононимии, содержащие в себе косвенные указания на временной отрезок, с которым соотносятся события в рамках художественного произведения. Речь идет о словах-реалиях и опосредованных маркерах, которые будят воображение читателя, наталкивают на размышления и побуждают его самостоятельно восстановить хронологию событий в произведении посредством анализа имплицитно выраженной информации и привлечения к анализу своего собственного, личного опыта [5].

Одним из основополагающих направлений развития современной когнитивной лингвистики является междисциплинарный, интегрированный подход к исследованиям языковых явлений. В рамках художественного мира лирического произведения концепт времени, моделируемый при помощи использования темпоральных маркеров, тесно переплетается с эмоциональными концептами, раскрывая и дополняя их когнитивную сущность; соотнесение конкретных фактов из жизни героев с определенными временными этапами позволяет найти возможные объяснения их поступкам, выявить индивидуальные особенности их психологии и мышления. По указанной причине теоретическая основа настоящего исследования представлена как трудами исследователей, посвященными рассмотрению сущности и специфики функционирования категории темпоральности в лингвистике [1–5], так и работами ученых, исследовавших лингвокультурную специфику репрезентации эмоций на материале различных языков [6–8]. Эмоциональная составляющая внутреннего мира героев поэтических произведений эксплицируется и моделируется временной перспективой развертывания событий в художественном темпоральном континууме.

Актуальность настоящего исследования обусловлена интересом современных исследователей из области лингвистики и лингвокультурологии к проблеме языковой репрезентации временных характеристик как неотъемлемой составляющей моделирования темпорального континуума литературного произведения. Междисциплинарный характер исследования материала, его антропоцентрическая направленность, подразумевающая прагмалингвистический анализ маркеров темпоральности с учетом их роли в эксплицировании эмоциональных концептов стихотворения Т. Мура «No – leave my heart to rest», определяют новизну настоящей работы. Комплексное исследование лингвокультурного потенциала номинаций временных отношений, а также изучение специфики функционирования категории темпоральности в контексте поэтического произведения, на наш взгляд, расширяет перспективы дальнейших исследований, посвященных интерпретации сущности темпоральной составляющей художественных текстов.

Цель исследования заключается в выявлении специфики концептуализации темпоральных отношений в стихотворении Т. Мура «No – leave my heart to rest» посредством когнитивного анализа темпоральных маркеров, структурирующих репрезентацию эмоционального мира лирического героя. Для достижения указанной цели были поставлены следующие задачи:

- 1) определить лингвокультурную сущность категории времени и описать варианты интерпретации понятия «темпоральность» в лингвистике;
- 2) категоризировать маркеры темпоральности, в когнитивном плане связанные с моделированием и вербальным воплощением особенностей эмоционального мира лирического героя стихотворения Т. Мура «No leave my heart to rest»;
- 3) произвести лингвокогнитивный анализ лексических единиц-номинантов темпоральных отношений в контексте стихотворения Т. Мура «No leave my heart to rest», формирующих временной континуум в художественном пространстве рассматриваемого произведения.

Методология и источники. В настоящей статье в процессе анализа лексического материала применяются следующие методы исследования: метод сплошной выборки, функционально-семантический метод, метод компонентного анализа, метод дефиниционного анализа, а также описательный метод и метод количественной обработки данных.

Материалом исследования послужили дефиниции лексических единиц, содержащие в себе сему соотнесенности с темпоральными отношениями, представленные в словарях Cambridge Dictionary of English [9], Collins Cobuild English Language Dictionary [10] и Oxford Dictionary of English [11].

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что его результаты дополняют и конкретизируют, в частности, общую теорию темпоральности. Лингвокогнитивный анализ языковых репрезентаций категории темпоральности с учетом когнитивной взаимосвязи эмоциональных и временных концептов в рамках поэтического произведения представляет собой принципиально новый способ анализа прагмалингвистической функции темпоральной лексики в художественной литературе.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов и методики исследования при анализе специфики функционирования маркеров темпоральности в произведениях художественной литературы на материале различных языков на лекциях и семинарах по стилистике, лексикологии, лингвокультурологии, прагмалингвистике и филологическому анализу текста.

Результаты и обсуждение. Стихотворение-песня Т. Мура «No – leave my heart to rest» входит в собрание стихов «Мелодии разных народов». Помимо темы свободы и борьбы за независимость, основными лейтмотивами творчества Т. Мура являются любовь и тоска по прошлому. Его лирический герой чувствителен, раним, склонен к меланхолии и ностальгии по прошлому (стихотворения «Fare thee well, thou lovely one!», «Then, fare the well», «Joys of youth, how fleeting!», «Hear me but once», «Take hence the bowl», «Where are the visions» [12] и др.). Эмоциональные переживания лирического персонажа, а также восприятие событийной составляющей его жизни сквозь призму эмоций и ощущений образуют смысловую доминанту художественного мира лирики Т. Мура.

В настоящем исследовании мы придерживаемся убеждения о том, что лингвокогнитивная интерпретация номинаций эмоций, в частности осмысление ассоциативных связей, лежащих в основе метафорических наименований эмоциональных переживаний человека в поэзии Мура, позволяет выявить индивидуально-авторскую специфику трактовки концептосферы «эмоциональный мир человека».

Стихотворение-песня «No – leave my heart to rest» тематически связано с тоской по утраченной юности, в которой осталось все самое лучшее в жизни лирического героя: «No – leave my heart to rest, if rest it may // When youth, and love, and hope, have past away» (pyc. «Нет! – сердцу отдых дай, чувств не буди: // Любовь, Надежда, Юность – позади») [12, с. 116–117]. В основе событийной линии стихотворения лежит противопоставление счастливого и безмятежного прошлого лирического героя его тоскливому настоящему. Один временной план сменяет другой по мере того, как лирический герой предается размышлениям. Первые две строки стихотворения тематически связаны с грустной констатацией лирическим героем того факта, что лучшие годы остались позади. Первое семистишие также содержит в себе косвенную отсылку к прошлому. Речь идет о воспоминаниях героя о прекрасных мгновениях, которые не суждено вернуть: «Bring back the hue it wore, the scent it shed?» (рус. «Цветов прекрасных буйный аромат») [12, с. 116–117]. Во втором семистишии герой рассуждает о реальности обретения счастья рядом с любимой в случае, если их встреча произошла бы намного раньше: «Oh, had I met thee then, when life was bright, // Thy smile still have fed its tranquil light» (рус. «Тебя б мне встретить на заре своей, // Кормился б лишь улыбкою твоей...») [12, с. 116–117]. Эти строки проникнуты восторженно-мечтательной интонацией: в воображении герой снова предается мечте, несбыточность которой он вслед за тем осознает и как бы пробуждается ото сна: «No – leave my heart to rest, if rest it may // Since youth, and love, and hope, have past away» (рус. «Нет! – сердцу отдых дай, чувств не буди: // Любовь, Надежда, Юность – позади») [12, с. 116–117].

Подобные переходы из одного темпорального плана в другой в контексте описания эмоционального состояния героя напоминают прием потока сознания: читатель воспринимает внутренний монолог лирического героя, в рамках которого события локализуются в пределах двух временных планов — настоящего и будущего. Для персонажа возможность обретения любви в будущем исключена уже в момент произнесения им внутреннего монолога; по этой причине временной план будущего в анализируемом стихотворении не наблюдается.

Таким образом, в основе темпоральной перспективы произведения лежит дихотомия настоящее—прошлое. Композиционно стихотворение делится на два семистишия (септимы). Строки «No — leave my heart to rest, if rest it may // When youth, and love, and hope, have past away» представляют собой рефрен, открывающий и завершающий первое семистишие. Эти же две строки (не считая замены союза when на since) завершают второе семистишие, подводя своеобразный итог идейному содержанию лирического произведения в целом. На данном примере мы можем наблюдать проявление ритмико-синтаксического параллелизма, представляющего собой характерную особенность песенного стиля и служащего цели создания эффекта музыкальности в стихотворении-песне Т. Мура «No — leave my heart to rest». Каждая из завершающих строк семистиший содержит лексемы, номинирующие эмоции или же эмоционально заряженные понятия — youth, love и hope.

В рассматриваемом стихотворении использование эмотивной лексики служит цели экспликации двух эмоционально заряженных концептов — «прошлое» и «настоящее», каждый из которых соотносится с конкретным временным пластом жизни лирического героя. Таким образом, можно наблюдать тесное взаимодействие и взаимовлияние двух концептов — «время» и «эмоциональное состояние», в контексте когнитивного континуума произведения.

Прошлое в рамках индивидуального восприятия лирического героя окрашено в светлые тона, в то время как временной отрезок настоящего связан с чувством разочарованности и отрешенности.

Концепт «настоящее», перекликающийся в рамках когнитивного сценария анализируемого стихотворения с концептом «отрицательные эмоции», тематически связан с проявлением таких эмоциональных состояний (реакций) героя, как разочарованность, отрешенность (апатия) и усталость. В рамках анализа языковых репрезентаций концепта «настоящее» выделяем два существительных (leaf – лист, heart – сердце), глаголы (to pass away – проходить (о чувствах) в форме have past away – позади, т. е. дословно «прошли»; to rest – отдыхать) и 6 прилагательных (fled – ушедший, роог – бедный, несчастный, fallen – опавший, dead – пожухлый, wrecked – разбитый, lost – потерянный).

Для усиления драматизма ситуации, связанной с осознанием лирическим героем несбыточности и иллюзорности надежд, в контексте экспликации противопоставления многоообещающего прошлого безрадостному настоящему неоднократно используются такие тропы, как метафора, сравнение и эпитет. Так, например, темпоральный аспект настоящего в художественном пространстве стихотворения ассоциируется с ощущением безысходности и отрешенности: все лучшее в жизни лирического героя давно позади, и жизнь его сравнивается с опавшим и засохшим листом: «То some poor leaf that's fallen and dead». Во втором семистишии его жизнь в символическом плане сравнивается с разбитым судном: «When wrecked and lost his bark before him lies» [12, с. 116].

Вторая аксиологическая доминанта стихотворения – концепт «прошлое», представлен лексическими единицами, окрашенными в светлые, радостные тона. Эмоциональный фон строк, посвященных воспоминаниям о прошлом, резко контрастирует с настроением лирического героя в настоящем. В процессе анализа сверхсловных номинаций эмоциональных впечатлений героя стихотворения были выделены метафорические наименования эмоций, используемые в контексте рассматриваемого произведения для усиления драматизма описываемой ситуации. Описание прошлого изобилует красочными метафорами и эпитетами: мгновения счастья в прошлом сравниваются с летними часами («summer hours»), а «опавший пожухлый лист» («poor leaf that's fallen and dead») – метафора жизни героя, некогда «обладал цветом и ароматом» («the hue it wore, the scent it shed»). Прошлое представляется лирическому герою ярким этапом его жизни («when life was bright...»), излучающим спокойный, безмятежный свет («its tranquil light») [12, с. 116–117].

Лингвокогнитивный анализ ассоциативно-образного потенциала метафорических характеристик лексических единиц, тематически связанных с описанием счастливого прошлого лирического героя, позволяет реконструировать индивидуальное авторское видение эмоциональных концептов как философско-эстетических феноменов, обладающих особой художественной значимостью в темпоральном пространстве анализируемого произведения.

Отдельно рассмотрим лексемы love (the feeling of liking another adult very much and being romantically and sexually attracted to them) [9]; youth (the quality or state of being young) [10]; hope (something good that you want to happen in the future, or a confident feeling about what will happen in the future) [9], вербализующие эмоционально заряженные концепты «любовь», «юность», «надежда». Выделенные концепты символически связаны с пересечением двух

временных планов (настоящего и будущего) и объединяют их в единый темпоральный континуум лирического произведения. Любовь в лирике Т. Мура – в целом неоднозначное по своей психологической природе чувство, как правило, являющееся источником сомнений и переживаний лирического героя. Помимо трех выделенных лексем особое место в лингвокогнитивном пространстве стихотворения занимает связующая вышеобозначенные временные планы лексема heart: сердце лирического героя упоминается в контексте стихотворения три раза и принадлежит как прошлому, так и настоящему. Ритмичные повторы первой и второй строк стихотворения в завершении первого семистишия и в самом конце стихотворения, содержащие лексему heart (лирический герой просит покоя для своего уставшего от надежд сердца), способствуют реализации прагмалингвистической установки произведения. Прошлое и настоящее попеременно то сближаются, то отдаляются друг от друга в рамках общего темпорального континуума стихотворения. В один момент временные планы настоящего и прошлого накладываются друг на друга в форме воспоминаний – лирический герой снова познает любовь, и это чувство будит в нем тоску по светлым, безоблачным моментам прошлого. Любовь дарит призрачную надежду на счастье: «But now thou comest like sunny skies // Too late to cheer the seaman's eyes» [12, c. 116–117].

В основе подобного сравнения лежит ассоциативная связь между положительным результатом перцептивного восприятия (услада для глаз) и солнечным светом, иллюстрирующая смежность эмоциональной (положительная реакция человека на зрительный стимул) и перцептивной (восприятие окружающего мира при помощи зрения) сфер бытия человека. Встреча с возлюбленной для лирического героя подобна озаренному солнцем небу. Мотивирующий образ солнца на небе в образной структуре рассматриваемого сравнения символично отражает значимость этой встречи: любовь вносит свои коррективы в устоявшееся мировидение героя, заставляет вспомнить о прошлом и представить себе, что его жизнь могла сложиться иначе.

Таким образом, в ходе анализа структуры и содержания художественной концептосферы «эмоциональный мир человека» в стихотворении Т. Мура «No – leave my heart to rest» выявляется ее динамизм и гетерогенность в структурно-содержательном отношении. Основной причиной неоднозначности трактовки эмоциональных переживаний лирического героя является то, что в рамках художественного пространства этого стихотворения концепт времени тесно переплетается с эмоциональными концептами, уточняя и углубляя их когнитивную интерпретацию, так как позволяет соотнести поступки и факты из жизни героя с конкретными этапами его жизненного пути, найти им объяснение. Действительность, описываемая в рассматриваемом стихотворении, обладает временными и пространственными координатами. Герой встречает любовь и осознает, что эта встреча происходит слишком поздно, так как лучшие годы его жизни уже позади. Категория художественного времени, фиксирующая временные координаты художественного пространства произведения, объединяет в себе признаки как объективного времени, так и времени субъективного [5].

В стихотворении «No – leave my heart to rest» нами был выявлен всего один хронопунктурный маркер (в соответствии с терминологией С. А. Жуковой [5]), фиксирующий первый временной пласт событий, описываемых в произведении, – лексема now: «But now thou comest like sunny skies» [12, с. 116–117]. Лексема маркирует план настоящего, когда лирический герой

встречает свою любовь. План прошлого в стихотворении обозначается наречием then: «Oh, had I met thee then, when life was bright...», которое мы определяем, как единственный хронологический маркер в рамках временного континуума произведения, выполняющий функцию соединения планов прошлого и настоящего в повествовании — введение наречия then в контекст стихотворения переносит читателя назад, в прошлое. По этой причине выделенный темпоральный маркер может быть отнесен к ретроспективным.

Все остальные темпоральные маркеры в рамках анализируемого стихотворения относятся к категории имплицитных. Косвенные маркеры темпоральности объединяют отсылки к описанию природных явлений: «...when summer hours are fled, to some poor leaf that's fallen and dead» [12, с. 116]. Очевидно, что метафорическое изображение ушедшего лета и наступления зимы в виде упоминания прямых и косвенных признаков, традиционно связанных со сменой времен года, символизирует факт преодоления лирическим героем определенного этапа своей жизни, прощания с юностью и осознания тяжелого бремени жизненного опыта.

В первом семистишии с точки зрения экспликации категории темпоральности особого внимания заслуживает глагол pass away, обладающий зависимым грамматическим значением предельности: «...When youth, and love, and hope, have passed away» [12, c. 116–117].

Помимо лексических способов экспликации, категория темпоральности в стихотворении «No – leave my heart to rest» выражается преимущественно посредством грамматических средств. Глагольная категория времени реализуется за счет оппозиций форм прошедшего и настоящего времени. В первом семистишии используется форма глагола pass away в Present Perfect («When youth, and love, and hope, have passed away...»), служащая цели подведения итогов: молодость героя осталась позади, а с нею ушли все надежды. В третьей и четвертой строках первого семистишия выделяются причастия и прилагательные с терминативным значением, которые в сочетании с глаголом to be в форме Present Simple образуют составное именное сказуемое: summer hours are fled; leaf that's fallen and dead.

На первый взгляд, временной план настоящего для лирического героя связан с ощущением отрешенности и осознанием того, что все лучшее для него уже позади. Однако во втором семистишии выясняется, что темпоральная перспектива плана настоящего имеет двойственную природу. Герой подводит итоги своего жизненного пути по конкретной причине — в его жизни появляется возлюбленная. Таким образом, субъективное (личное) настоящее время для него связано со встречей с любимой, которая приходит в его жизнь и озаряет ее светом: «Виt now thou comest like sunny skies...» [12, с. 116]. Использование глагольной формы в Present Simple знаменует своеобразное перемещение в рамках временного пространства стихотворения — из прошлого в настоящее. Таким образом, в данном случае мы имеем дело со временем субъективным; первые четыре строки второго семистишия представляют собой кульминационный момент событийной линии стихотворения, в котором прошлое сопоставляется с настоящим и часть переживаемой героем реальности в его воображении переносится в прошлое.

Лирический герой в своих размышлениях сожалеет о том, что не встретил свою возлюбленную раньше. Так, например, в начале второго семистишия при описании воспоминаний и связанных с ними надежд в ретроспективном плане в придаточной части условного предложения используются глаголы в Past Perfect и Past Simple («Oh, had I met thee then,

when life was bright...»), а в главном предложении присутствует модальная конструкция might + have + Participle II, выражающая гипотезу или догадку по отношению к действию в прошлом: «Thy smile might still have fed its tranquil light» [12, с. 116–117]. Метафоричное описание яркого прошлого лирического героя также подается в ретроспективном плане с использованием глагольных форм в Past Simple: «Bring back the hue it wore, the scent it shed?» [12, с. 116–117].

Выделенные глагольные формы (had I met, life was bright, might still have fed, the hue it wore, the scent it shed) тематически связаны с временным планом прошлого и оцениваются лирическим героем ретроспективно с точки зрения момента говорения. Формы же настоящего времени соотносятся непосредственно с процессами и действиями, происходящими в плане настоящего для героя произведения, т. е. в момент его размышлений (внутреннего монолога); вокруг них и выстраивается система темпоральных отношений в художественном пространстве стихотворения. В свою очередь, темпоральные маркеры не только обеспечивают событийный континуум произведения, но и способствуют раскрытию индивидуально-психологических и эмоциональных характеристик лирического героя.

Заключение. В настоящем исследовании была предпринята попытка лингвокогнитивного осмысления специфики моделирования когнитивного содержания художественной концептосферы «эмоциональный мир человека» в стихотворении Т. Мура «No – leave my heart to rest» при помощи использования темпоральных маркеров. Установлено, что темпоральные маркеры, тематически связанные с временными планами прошлого и настоящего в данном произведении, с точки зрения своей лингвопрагматической функции служат цели экспликации эмоционального мира лирического героя, а также способствуют реализации временного континуума в рамках когнитивного сценария анализируемого стихотворения.

Анализ разновидностей темпоральных маркеров, представленных в стихотворении «No – leave my heart to rest», позволил прийти к выводу, что лингвофилософская категория времени в анализируемом лирическом произведении моделируется за счет использования как лексических, так и грамматических средств ее объективизации; при этом грамматические средства превалируют над лексическими в количественном соотношении.

Перспектива дальнейшего исследования смыслообразующих и лингвопрагматических характеристик временных маркеров состоит в исследовании их влияния на реализацию и экспликацию ассоциативного потенциала наименований эмоциональных состояний человека на материале произведений англоязычных и других зарубежных авторов с целью расширения и углубления общей теории темпоральности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1. Чугунова С. А. Темпоральные концепты и методы их исследования // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2009. № 5 (143). Сер. Филология. Искусствоведение. Вып. 29. С. 134–142.
- 2. Дубровская О. В. Категория темпоральности // Современные тенденции и инновации в науке и производстве: материалы IX междунар. научно-практич. конф., Междуреченск, 15 апреля 2020 г. Междуреченск: Кузбас. гос. техн. ун-т им. Т. Ф. Горбачева, 2020. С. 312-1–312-3.
 - 3. Тарасова Е. В. Время и темпоральность. Харьков: Изд-во «Основа» при ХГУ, 1992.
- 4. Теория функциональной грамматики: введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис / отв. ред. А. В. Бондарко. Л.: Наука, 1987.

- 5. Жукова С. А. Особенности темпоральной организации художественного текста: на материале современных немецкоязычных коротких рассказов: дисс. ... канд. филол. наук / Рос. гос. ун-т им. Иммануила Канта. Калининград, 2010.
- 6. Апресян В. Ю. Опыт кластерного анализа: русские и английские эмоциональные концепты (II) // Вопросы языкознания. 2011. № 2. С. 63–88
- 7. Красавский Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской культурах. М.: Гнозис, 2008.
- 8. Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе (на материале английского языка): дисс. ... д-ра филол. наук / Ин-т языкознания АН СССР. М., 1988.
 - 9. Cambridge Dictionary. URL: http://dictionary.cambridge.org (дата обращения: 27.05.2022).
 - 10. Sinclair J. Collins Cobuild English Language Dictionary. 1st ed. London: Collins, 1987.
- 11. Oxford Dictionary of English. 2nd ed., in C. Soanes, A. Stevenson (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2010.
 - 12. Поэзия английского романтизма XIX в. / пер. с англ. И. З. Фрадкина. СПб.: Анима, 2004.

Информация об авторе.

Диль Анна Викторовна – кандидат филологических наук (2015), доцент (2022), доцент кафедры лингвистики и переводоведения Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, Лермонтовский пр., д. 44, Санкт-Петербург, 190103, Россия. Автор 28 научных публикаций. Сфера научных интересов: контрастивная лингвистика, когнитивная лингвистика, германская и романская филология, национальная румынская литература XIX—XX вв.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось. Поступила 01.06.2022; принята после рецензирования 05.07.2022; опубликована онлайн 23.12.2022.

REFERENCES

- 1. Chugunova, S.A. (2009), "Temporal concepts and their research methods", *Bulletin of Chelyabinsk State Univ.*, no. 5 (143), *Philology. Art History*, iss. 29, pp. 134–142.
- 2. Dubrovskaya, O.V (2020), "Temporality", *Innovation on science and industry, X International Scientific Conference*, Mezhdurechensk, April 15, 2020, KuzSTU, Mezhdurechensk, pp. 312-1–312-3.
- 3. Tarasova, E.V. (1992), *Vremya i temporal'nost'* [Time and temporality], Osnova pri KhGU, Khar'kov, UA.
- 4. *Teoriya funktsional'noi grammatiki. Vvedenie. Aspektual'nost'. Vremennaya lokalizovannost'. Taksis* [The theory of functional grammar. Introduction. Aspectuality. Temporal localization. Taxis] (1987), Bondarko, A.V. (ed.), Nauka, Leningrad, USSR.
- 5. Zhukova, S.A. (2010), "Features of the temporal organization of a literary text: on the material of modern German-language short stories", Can. Sci. (Philology) Thesis, Russian State Univ. named after Immanuel Kant, Kaliningrad, RUS.
- 6. Apresjan, V.Yu. (2011), "Cluster analysis of emotive concepts in Russian and Engish (II)", *Voprosy Jazykoznanija*, no. 2, pp. 63–88.
- 7. Krasavskii, N.A. (2008), *Emotsional'nye kontsepty v nemetskoi i russkoi kul'turakh* [Emotional Concepts in German and Russian Cultures], Gnosis, Moscow, RUS.
- 8. Shakhovskii, V.I. (1988), Categorization of emotions in the lexical-semantic system (based on the material of the English language), Dr. Sci. (Philology) Thesis, Institut yazykoznaniya AN SSSR, Moscow, USSR.
 - 9. Cambridge Dictionary, available at: http://dictionary.cambridge.org (accessed 27.05.2022).
 - 10. Sinclair, J. (1987), Collins Cobuild English Language Dictionary, 1st ed., Collins, London, UK.

- 11. Oxford Dictionary of English (2010), Soanes, C. and Stevenson, A. (eds.), 2nd ed., Oxford Univ. Press, Oxford, UK.
 - 12. English romanticism verse XIX century (2004), Transl. by Fradkin, I.Z., Anima, SPb., RUS.

Information about the author.

Anna V. Diehl – Can. Sci. (Philology) (2015), Docent (2022), Assistant Professor at the Department of Linguistics and Translation Studies, Saint Petersburg University of Management Technologies and Economics, 44 Lermontovskiy ave., St Petersburg 190103, Russia. The author of 28 scientific publications. Area of expertise: contrastive linguistics, cognitive linguistics, Germanic and Romance philology, national Romanian literature of the XIX-XX centuries.

No conflicts of interest related to this publication were reported. Received 01.06.2022; adopted after review 05.07.2022; published online 23.12.2022.

Оригинальная статья УДК 811.23 http://doi.org/10.32603/2412-8562-2022-8-6-129-141

Этика и лингводидактика виртуального образовательного пространства: новые смыслы

Григорий Александрович Рожков^{1⊠}, Юлия Валерьевна Таратухина², Любовь Александровна Цыганова³

¹Санкт-Петербургский государственный химико-фармацевтический университет,
Санкт-Петербург, Россия

²Институт проблем управления РАН, Москва, Россия

³НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия

^{1™}grigory.rozhkov@pharminnotech.com, https://orcid.org/0000-0002-4403-3993

²jvt@ipu.ru, https://orcid.org/0000-0002-6191-3984

³Itsyganova@hse.ru, https://orcid.org/0000-0003-2769-843X

Введение. Целью данного исследования является анализ этических и лингводидактических аспектов виртуального образовательного пространства высшей школы. Пандемия COVID-19 послужила катализатором процессов перехода образования в онлайн-формат. Безусловно, большинство учебных заведений и преподавателей были вынуждены в короткие сроки адаптировать методы и формы онлайн-организации учебного процесса. Проблематика онлайн-образования давно рассматривалась с научной и практической сторон, однако столь быстрый и вынужденный переход в онлайн обнажил некоторое количество проблем и особенностей этого вида коммуникации. Одной из наиболее значимых является проблема этики онлайн-коммуникации в образовании.

Методология и источники. Теоретическая база исследования представлена работами российских и зарубежных авторов в области педагогики высшей школы (И. В. Роберт, И. П. Кужелева-Саган), теории поколений (Н. Хоув и В. Штраусс, Д. и И. Стиллман, Е. Шамис) и межкультурных коммуникаций (Г. Хофтеде). Эмпирическую базу исследования составили данные, полученные в ходе интервью с педагогами (23) и студентами (27) высшей школы (полуструктурированные, выборка случайная), анализ контента учебных чатов и визуальный анализ студенческих аватаров (625), используемых в Zoom.

Результаты и обсуждения. В статье намечены направления исследования проблем этики в процессе онлайн-образования. На основе эмпирических данных авторы фиксируют перенос неформального стиля общения в формат образовательной коммуникации с преподавателем, которая носит спонтанно-эмоциональный характер. Авторы делают предположение, что регламентация процессов коммуникации имела опциональный и зачастую необязательный формат. Особое внимание в публикации уделяется пониманию и восприятию этических норм коммуникации представителями различных поколений.

Заключение. Синхронный формат образовательной коммуникации в онлайн-формате имеет иные синтаксические, семантические и стилистические особенности, отличающиеся от общепринятого ранее академического языка. Данный вопрос в перспективе требует комплексного рассмотрения не только с коммуникационной и этической

© Рожков Г. А., Таратухина Ю. В., Цыганова Л. А., 2022

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License. This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

сторон, но и с точки зрения юридической и информационной безопасности. Необходимо формировать нормы этики онлайн-преподавания.

Ключевые слова: этика, онлайн-образование, цифровой этикет, онлайн-коммуникации

Для цитирования: Рожков Г. А., Таратухина Ю. В., Цыганова Л. А. Этика и лингводидактика виртуального образовательного пространства: новые смыслы // ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 6. С. 129–141. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-6-129-141.

Original paper

The Ethics of the Virtual Educational Environment, New Meanings

Grigory A. Rozhkov^{1⊠}, Yulia V. Taratuhina², Lubov A. Tsyganova³

¹Saint Petersburg State Chemical and Pharmaceutical University, St Petersburg, Russia ²Institute of Control Sciences of RAS, Moscow, Russia ³Higher School of Economics, Moscow, Russia

Introduction. The purpose of this study is to analyze the ethical and linguo-didactic aspects of the virtual educational space of higher education. The COVID-19 pandemic has served as a catalyst for the transition of education to an online format. Of course, most educational institutions and teachers were forced to quickly adapt the methods and forms of online organization of the educational process. The issue of online education has long been considered from the scientific and practical sides, but such a quick and forced transition to online revealed a number of problems and features of online communication. One of the most significant is the problem of the ethics of online communication in education.

Methodology and sources. The theoretical base of the study is represented by the works of Russian and foreign authors in the field of pedagogy of the Higher School (I.V. Robert, I.P. Kuzheleva-Sagan), the theory of generations (N. Howe and W. Strauss, D. and I. Stillman, E. Shamis) and intercultural communications (G. Hoftede).

The empirical base of the study was data obtained during interviews with teachers (23) and students (27) of a higher school (semi-structured, random sample), analysis of the content of educational chats and visual analysis of student avatars (625) used in Zoom.

Results and discussion. The article outlines the directions of research into the problems of ethics in the process of online education. On the basis of empirical data, the authors record the transfer of an informal style of communication into the format of educational communication with a teacher, which is spontaneously emotional in nature. The authors make the assumption that the regulation of communication processes had an optional and often non-mandatory format. Particular attention is paid to the understanding and perception of the ethical norms of communication by representatives of different generations.

Conclusion. The synchronous format of educational communication in the online format has other syntactic, semantic and stylistic features that differ from the previously generally accepted academic language. In the future, this issue requires a comprehensive consideration not only from the communication and ethical side, but also from the point of view of legal and information security. It is necessary to form ethical standards for online teaching.

Keywords: ethics, online education, digital etiquette, online communications

For citation: Rozhkov, G.A., Taratuhina, Yu.V. and Tsyganova, L.A. (2022), "The Ethics of the Virtual Educational Environment, New Meanings", *DISCOURSE*, vol. 8, no. 6, pp. 129–141. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-6-129-141 (Russia).

Введение. Пандемия 2020 г. способствовала практически тотальному переходу образования высшей школы в дистанционный формат. Во многом данный процесс явился причиной выгорания и повышенного стресса всех участников образовательного процесса. Казалось бы, с правилами делового этикета в процессе онлайн-общения знакомы многие, однако синхронное взаимодействие на занятиях в цифровой среде преподавателя и студентов ставит вопрос о формировании новой этики и нового этикета.

Проблемы исследования этики в цифровой среде фокусируются на трансформации нравственных ценностей, трансляции их СМИ. Отсутствие критериев моральной оценки дезориентирует современного человека, отмечают исследователи, создавая внутренние и внешние конфликты. Например, в современной системе ценностей такие пороки, как честолюбие и тщеславие, трансформируются в добродетели из набора профессиональных добродетелей успешного человека, строящего карьеру; такая неоднозначность приводит к психологическому выгоранию и моральной растерянности [1].

Основу этических принципов составляют базовые ценности. Четвертая технологическая революция [2], с которой ассоциируются цифровые технологии, меняет общественный уклад. Цифровая трансформация затрагивает государство, бизнес и повседневную жизнь каждого человека — мы все сталкиваемся с этим. Появляются новые способы проживания жизни, новые способы действия. Этика использования цифровых технологий имеет свои особенности [3].

Методология и источники. Опираясь на теорию поколений Штрауса и Хоува [4] и их последователей [5, 6] и ее адаптации к российскому контексту [7, 8], можно отметить, что обучающиеся в настоящее время студенты принадлежат к поздним «игрекам» (поколение Y) и поколению Z. При этом «зеты» – это поколение «цифровых аборигенов», реальность которых в равной степени протекает онлайн и офлайн, и они не делают существенных и значимых различий между данными каналами коммуникаций. Это породило большое количество дискуссий о том, должны ли «цифровые аборигены» учиться по-старому или «цифровые иммигранты» должны учить по-новому [9]. У представителей данного поколения иные представления о статусе, возраст сам по себе не является прерогативой мудрости и поводом для уважения. Скорее, «зеты» отдают предпочтение достижениям индивида и важности репрезентации и позиционирования себя в Сети.

Безусловно, в данном контексте нам необходимо учитывать выделенные исследователями ценности поколений, которые, несомненно, будут влиять на характер и специфику коммуникаций. Так, для поколения Y характерны позитивное отношение к изменениям, оптимизм, уверенность в себе, склонность к творчеству, техническая компетентность, фрилансинг, ориентация на достижения. Для поколения Z характерны отсутствие грани между реальным и виртуальным миром (не зря их называют «цифровыми аборигенами»), персонализация во всем, решимость в отношении перемен, практичность и прагматизм, реализм, склонность к самообучению, клиповое мышление, частая смена профессии, поиск себя, самореализация и развитие.

Вопросы этичного и дозволенного в процессе онлайн-образования становятся актуальными и востребованными как в студенческой, так и в преподавательской среде. Это подтверждает появление этических кодексов, регулирующих поведение студентов и преподавателей в университете, общественной среде, интернет-пространстве.

В соцсетях, пабликах появляется огромное количество советов и рекомендаций как вести себя в онлайн: как сидеть, что надеть, как установить камеру, однако на институциональном уровне вузы слабо регулируют отношения преподавателя и студента при онлайн-взаимодействии.

Проблемы новой этичности начинают появляться на моменте переноса стиля и формата общения в соцсетях и мессенджерах в деловое общение в цифровой среде. В связи с тем, что все взаимодействие происходит в одной среде, начинают размываться границы личного, приватного пространства, статусного взаимодействия (в связке «преподаватель – студент») и т. д.

Во многом данные проблемы возникли в связи с экстренным переходом на онлайн-формат, к которому институции не были готовы. Однако сейчас уже существуют позиции и точки зрения о нецелесообразности полного возвращения многих бизнес- и образовательных процессов в офлайн. Соответственно, это потребует существенной корректировки этических сторон образовательной коммуникации.

И. В. Роберт, анализируя применение цифровых информационных технологий и соответствующие им стратегические направления развития информатизации отечественного образования, выделила аспекты и безопасности личности и дидактические проблемы таких технологий, сравнила инструменты традиционной дидактики и дидактики в условиях информатизации образования [10].

В публичных выступлениях и дискуссиях преподаватели высшей школы отмечают кризис традиционных форм преподавания, который связан не столько с переходом в онлайнформат, сколько с новым поколением учащихся, выявляя проблемы, связанные с отказом чтения сложных текстов, навыками, направленными не на приобретения культурного бекграунда, а на работу с большими потоками информации [11].

Авторами было проведено 23 интервью с преподавателями и 27 – со студентами вузов Москвы, Санкт-Петербурга, Перми, Махачкалы и Ульяновска. Интервью полуструктурированные, выборка случайная, вопросы разделены на несколько блоков. Вопросы нацелены на выявление барьеров в синхронном онлайн-преподавании, восприятие процесса преподавания в новых форматах, отношение к аватарам, ведению деловой переписки в чатах онлайнконференций, а также на выявление барьеров коммуникации и паттернов поведения студентов в онлайн-среде. Были проанализированы аватары и виртуальные фоны студентов, проведен анализ контента учебных чатов. На основе полученных данных сформулированы основные векторы исследования этических проблем онлайн-преподавания и выявлены особенности взаимодействия преподавателей и студентов и факторы, влияющие на это.

Результаты и обсуждение.

Психолого-педагогический и лингвистический аспекты новой этики в цифровой среде. Под психолого-педагогическим аспектом в данном контексте понимаются эмоциональный и чувственный уровни восприятия процесса взаимодействия преподавателей

и студентов. Психологический фактор затрагивает понятия «личного пространства», «privacy», несоблюдение которых влияет на эмоциональное состояние индивидов.

Более половины интервьюируемых преподавателей и большинство опрошенных студентов обратили внимание на то, что включенная камера позволила «любому побывать у тебя дома» и «самому побывать в гостях у других». Безусловно, большая часть программного обеспечения для видеоконференций имеет функции виртуального фона, но не все компьютеры или ноутбуки преподавателей обладают техническими возможностями для их установки.

Важным этическим аспектом онлайн-взаимодействия в образовательном процессе является использование включенной камеры, аватаров и подписей студентов (например, при использовании Zoom). Интервьюируемые преподаватели отмечают психологический дискомфорт, выгорание при работе с черными аватарами. Интервьюируемые часто говорят про подавленность и фрустрацию при синхронном онлайн-преподавании, а также про то, что «совершенно иначе (сильнее) ощущается нагрузка на голосовые связки при длительном чтении лекций онлайн, так как подсознательно кажется, что слушатели тебя недостаточно хорошо слышат и нужно удерживать их внимание».

Основные аргументы, связанные с нежеланием включения камеры у студентов связаны с тем, что они считают это вторжением в личное пространство: «я плохо выгляжу», «вы испугаетесь», «проблемы с Интернетом».

Очень важный момент заключается в том, что теперь в период онлайн-занятия помимо студентов могут смотреть/слушать лекцию родители, друзья и т. д. На преподавателей оказывается давление при онлайн-консультациях или разборе работ со стороны родителей. Такие ситуации отметили 3 респондента-преподавателя.

Часто возникают посторонние звуки на фоне, если студенты не отключают микрофон, например, звуки ремонта, голоса и плач младших членов семьи, животных.

Лекции могут записывать с экрана – и это уже проблема не психолого-педагогического, а юридического характера, так как контент является интеллектуальной собственностью лектора, и делать это без разрешения автора противозаконно. С другой стороны, запись занятия, где выступают студенты, также возможна только после предупреждения со стороны преподавателя.

Еще одним важным аспектом психологического фактора является размытие границ и статусов, ранее существовавших в офлайн. В офлайне статусное взаимодействие в формате «Учитель – Ученик» прослеживалось достаточно четко, в онлайне мы наблюдаем некую статусную деконструкцию и, как следствие, трансформацию статусов отношений. На наш взгляд, это обусловлено подсознательным заимствованием формата коммуникации из чата или соцсетей (дискурс неформального общения в чате переносится в официальную коммуникацию).

Анализ чатов потоковых лекций показал, что чат используется для вопросов преподавателю, общения студентов между собой, вопросов и комментариев к лекции (часто без цензуры).

Все интервьюируемые преподаватели отметили, что 80 % студентов при включении камеры одеты неформально – пижамы, пледы, в кадре присутствуют домашние животные. Все это сильно снижает значимость и серьезность учебного процесса.

Большинство опрошенных студентов подтверждают изменение восприятия статуса преподавателя в формате сетевого общения. Безусловно, этому не в последнюю очередь способствует коммуникация в формате учебного чата. Преподаватели отмечают, что обязательно необходим заранее заданный регламент переписки и комментариев в чате.

В интервью опрошенные преподаватели отметили ощущение фрустрации и выгорания при работе с «черными аватарами» (17 респондентов). Чаще всего (15 из 23 опрошенных) говорят о том, что не ощущается обратная связь, «непонятно, слушают ли они тебя, понимают ли» и т. п. И самое важное, отмечают преподаватели, что учебная деятельность онлайн становится одним из параллельных процессов (студент может в это время заниматься другими делами). За внесение в правила занятий включение камер как основного требования голосуют большинство опрошенных преподавателей. «Включенное видео – это не инструментальный, а этический вопрос, вопрос взаимного уважения» [11].

Студенты считают, что получение ими знаний не зависит от того, включена или выключена камера. Этот момент требует дополнительного исследования, длительного эксперимента. Здесь, безусловно, присутствует и технический момент, связанный со скоростью Интернета. Однако при этом студенты отмечают увеличение вовлеченности в процесс обучения при включении камеры.

Согласно наблюдениям преподавателей высшей школы, наиболее адекватно ведут себя в онлайн студенты магистратуры и аспиранты. Наши наблюдения позволяют сделать следующий вывод: чем выше уровень образования, тем более целесообразно перенос части учебного контента в онлайн-формат, так как магистры и аспиранты — это, зачастую, люди, которые сами могут регламентировать свое время и режим деятельности. Данный формат им более удобен, так как позволяет экономить и более рационально распределять свое время, не тратить его на дорогу и т. п. Более того, на данном уровне целесообразно после бесед со студентами и аспирантами оставить и далее формат смешанного обучения, когда лекции проводятся в формате «говорящей головы», а семинарские и практические занятия, проектная работа переносятся в формат очной коммуникации.

Синхронный формат образовательной коммуникации в онлайн-формате имеет иные синтаксические, семантические и стилистические особенности, отличающиеся от общепринятого ранее академического языка.

Под лингвистическим аспектом в данном контексте понимается адаптация официального академического языка в дискурс учебного чата (чата дисциплины при Zoom-конференции). При письменной коммуникации следует отметить следующие стилистические особенности: упрощение фраз, перенос стиля общения формата «Студент – Студент» в формат «Студент – Преподаватель», частое использование сленга. Отдельно можно говорить об орфографических и пунктуационных ошибках.

Под семантическим аспектом подразумевается использование эмодзи, значения которых могут пониматься по-разному представителями разных поколений и разных культур.

При очной лекции или семинаре в аудитории доминирует коммуникация в формате «Преподаватель – Группа» и «Преподаватель – Студент». Если студенты общаются между собой на занятиях, то их взаимодействие носит приватный характер. При обучении в онлайн-среде коммуникация между студентами в чате часто начинает носить публичный характер, возникают параллельные обсуждения, не относящиеся к предмету дисциплины.

В «допандемийную» эпоху в режиме очной коммуникации большинство студентов использовали для общения с преподавателями устно-речевой канал и электронную почту, а для общения со сверстниками – социальные сети и мессенджеры. Переход в онлайн повлек за собой изменение каналов коммуникации и увеличение их количества. Очень часто при наличии нескольких параллельных каналов (почта, общий чат и т. п.) часть важной информации, если она не была продублирована везде, могла быть утеряна или проигнорирована.

Социокультурный фактор/аспект новой этики в цифровой среде. Как уже отмечалось, аватары участников и включенные камеры являются важной частью образовательного онлайн-процесса. Можно утверждать, что информационные технологии современного общества начинают выступать в своей виртуальной ипостаси, которая максимально объективирована, предельно конкретна и ощутима [12]. Именно аватары в новой онлайн-действительности стали визуальным отражением идентичности. Из 625 проанализированных аватаров студентов, отметим, что 75 % носят неофициальный характер, т. е. это не фото или неофициальные фото, у 42 % изображения отсутствуют. Можно выделить несколько типов аватаров:

- официальные фото (как на документы, официальная одежда и прическа, без использования фильтров, декорирования);
- фото известных людей (актеров, политиков), т. е. использование изображения другого лица;
 - неофициальные фото (пляжные фото, в кафе, на природе);
 - изображения неодушевленных предметов;
 - изображения животных;
 - изображения без действующего лица (пейзаж, натюрморт);
 - мультипликационные персонажи, персонажи из комиксов и аниме;
 - отсутствие изображения.

Также интерес представляет анализ виртуального фона студентов на занятиях:

- отсутствие фона (чаще связано с мощностью компьютера, телефона, планшета);
- стоковые фотографии (набор zoom);
- пейзажи (море, пляж, северное сияние);
- фотография самого студента (студент на фоне самого себя);
- кадры из фильма, мультфильма;
- коллажи.

Как было сказано ранее, в настоящий момент состав обучающихся с точки зрения теории поколений – это «поздние Y» и Z. У них другие представления о статусе, они, скорее, отдают предпочтение важности репрезентации и позиционирования себя в Сети.

Многонациональный состав студенческих групп и коммуникация в них и с преподавателем являются отдельным предметом изучения. Однако отметим здесь основные базовые (согласно подходу Г. Хофстеде) характеристики культуры, такие как индивидуализм и коллективизм, отражающие сложность межкультурной коммуникации в образовательной среде [13].

Вне зависимости от принадлежности к индивидуальным или коллективистским культурам студенты в опросе отмечают, что они ощущают недостаток очного общения и депривацию. Нехватку реального общения отметили 24 интервьюируемых студента.

Студенты-коллективисты из Армении, Грузии, Казахстана и других стран чаще оставляют приятные комментарии («какой интересный доклад»; «имярек – большой молодец, что затронул эту тему...»), помимо просто учебной коммуникации, благодарят и поддерживают друг друга. Присутствует очень сильный элемент землячества.

Студенты-ндивидуалисты (Москва, Санкт-Петербург, города-миллионники европейской части РФ) спорят, часто перебивают друг друга, пишут в чат (говорят) остроты в адрес одногруппников: «умничаешь много», «самый умный» и т. д.

В режиме коммуникации «Преподаватель – Студент» следует отметить, что азиатские студенты выделяются выраженной учтивостью и скромностью: никогда не спорят, не вступают в дискуссии. Этого не скажешь о студентах – представителях индивидуалистских культур: они устраивают дискуссии в чате, задают преподавателю вопросы не всегда по теме и по существу. Данный контекст сегодня мало изучен и, несомненно, нуждается в дальнейшем рассмотрении.

В настоящее время можно смело утверждать, что полноценного возврата в офлайн не будет. Это совершенно очевидно и обусловлено объективными факторами. Мы приходим к «смешанному формату» обучения как оптимальному. Данные процессы происходят не только в образовании, но и в менеджменте, медицине и т. д. (появление гибридных офисов, телемедицины). Сейчас сложно обсуждать достоинства и недостатки таких форматов. Ясно одно: требуется новый этический кодекс коммуникации. Интернет-общение в формате гибридной коммуникации перестает восприниматься как нечто параллельное.

Впоследствии в процесс коммуникации встроится искусственный интеллект, который будет анализировать эмоции ученика и преподавателя, выстраивать его образовательный трек, рекомендательные сервисы по формированию компетентностного профиля обучающегося. Адаптивные интерфейсы, адаптивный контент, адаптивные контрольно-измерительные материалы, цифровая копия личности и электронное портфолио обучающихся — вот горизонты ближайших нескольких лет. То есть коммуникация будет включать в себя взаимодействие не только между людьми в сети Интернет, но и с электронными помощниками и различными сервисами.

Очень интересен в данном контексте вопрос о «цифровой эмпатии» и цифровом эмоциональном интеллекте — это темы дальнейших исследований и публикаций.

Необходимо также учитывать, что в ближайшие пару лет в высшую школу придут представители поколения «альфа». Термин был предложен австралийским ученым Марком Мак-Криндлом. По его определению, «альфа» – это дети, родившиеся после 2010 г. [14]. Он также называет их «поколение стекла», скринейджеры (по аналогии с тинэйжерами) – с самого младшего возраста они смотрят в экраны. МакКриндл отмечает и сокращение объема внимания, необходимость геймификации образования, повышенную цифровую грамотность и т. д. [15].

Для «альф» соцсети – это не инструмент, а образ жизни, им свойственно умение обнаруживать fake news и более осознанное и рациональное использование времени, проведенного в Сети. «Альфы» будут функционировать в мире, где все подобрано специально под них – от новостных лент до набора услуг [15]. Поколению «альфа» – «цифровым аборигенам», потребуются интерактивные персонализированные программы и методы обучения,

потому что изменятся и образование, и восприятие информации людьми. Судя по мировым трендам, большой процент детей перейдет на онлайн-обучение [14].

Однако при таких прогнозах надо отметить ценность смешанного обучения и определить грань и соотношения офлайн- и онлайн-обучения.

Уже никто не отрицает важность развития эмоционального интеллекта человека, но в настоящий момент мы стоим перед развитием и оцениванием и прогнозированием эмоционального интеллекта в цифровой среде. Появление платформ для оценки и развития этого феномена подтверждают его востребованность. В частности, разработанные на научной основе Ability Model [16].

В образовании, особенно в цифровом формате, необходимо учитывать аспекты эмоционального интеллекта. Главные направления исследования в этой области в условиях цифровой экономики связаны с выявлением основных факторов бизнес-среды, влияющих на популяризацию развития эмоционального интеллекта и анализа характеристик человека, обладающего высокой эмоциональной компетентностью [17].

И. В. Роберт описала педагогические возможности систем, функционирующих на web-интерфейсе: доступность качественного, университетского уровня содержания образования; разнообразие форм представления контента или учебно-методического материала; обеспечение информационного взаимодействия между субъектами образовательного процесса; обеспечение систематической методической (тьюторской) поддержкой обучающихся. Но автор также фиксирует и негативные последствия использования информационно-коммуникационных технологий (ИКТ): при перенасыщении пользователя ИКТ у него возможно замедление реакции на понимание содержания получаемой и рассматриваемой информации; использование некачественной педагогической продукции, реализованной на базе ИКТ, не отвечающей педагогико-эргономическим требованиям; заимствование извне результатов интеллектуальной собственности, представленной в электронном виде, влекущее потерю авторских прав [18]. Опасность тотального онлайна заключается в том числе в тенденции к фоновому образованию.

Заключение.

Рекомендации по формированию норм новой этики онлайн-преподавания. Учебный процесс носит институциональный характер и относится к категории регламентированных официальных процессов. Для того чтобы образовательная коммуникация носила официальный характер, необходимо соблюдение правил как со стороны педагогов, так и со стороны студентов. Учебная коммуникация носит статусный и регламентированный характер. Здесь встает вопрос о корректности, уместности, своевременности вопросов и комментариев как в процессе занятия, так и в чате. Для этого необходимо:

- 1. Установить официальное фото, наиболее правдоподобно репрезентирующее личность.
- 2. Озвучить регламент коммуникации во время занятия. Задавать вопросы в конце и в устной форме (например), не допускать сленг и неуместные шутки и комментарии; тот, кто хочет задать вопрос, использует кнопку «поднять руку» и т. п.
 - 3. Проявлять уважения к преподавателю и членам группы.
- 4. По техническим причинам не все участники процесса могут выходить на видеосвязь. Но требования к репрезентации личности через релевантные изображения могут выполнить все.

5. Запись занятия или отдельных выступлений допускается только после получения разрешения с обеих сторон.

В настоящий время преподаватель оказался перед определенным техническим вызовом и выбором платформ для взаимодействия. Чаще всего опрошенные преподаватели называют Zoom, MS Teams, Socrative, Google drive, Google forms, Mentimeter, Telegram. Однако это минимальный набор возможных инструментов. ЮНЕСКО провело систематизацию и обзор основных инструментов онлайн-образования, выделив системы управления цифровым обучением, в том числе предназначенные для мобильных телефонов, массовые открытые онлайн-курсы (МООС), платформы для самостоятельной работы, платформы для совместной работы, инструменты для создания цифрового учебного контента и т. д. [19].

Перспектива развития образования в высшей школе – это blended learning. Но такой формат требует новых форм контроля, обязательного виртуального общения и очного обсуждения.

Итак, мы можем наблюдать перенос неформального стиля общения, характерного для дискурса чата с друзьями, в формат образовательной коммуникации с преподавателем. Следует отметить, что зачастую данный тип коммуникации носит спонтанно-эмоциональный характер. Как правило, это выражается в использовании неполных эмоционально-окрашенных фраз, просторечия. Невербальная сторона коммуникации восполняется применением эмодзи и стикеров. Можно выделить в качестве отличия иные категории вежливости (например, приветствие без обращения) или их полное игнорирование, а также смешение англицизмов и нередко жаргонной лексики. В отличие от очной коммуникации на занятии данный тип взаимодействия сложнее регламентируется.

Прогнозируя следующий этап развития электронных образовательных систем, автоматизированных систем управления обучением, следует предположить, что они во многом облегчат преподавателю его участь. Часть нагрузки, носящей рутинный характер, возьмет на себя искусственный интеллект: профайлер настроения, распознавания эмоций в процессе коммуникации (сейчас уже имеются приложения «трекеры настроения»); рекомендательные сервисы и электронные портфолио, которые помогут «усилить эффект персонализации» и присутствия (т. е. мы, как преподаватели, будем иметь перед собой не «черный квадрат», а «когнитивно-психологическую и компетентностную модель обучающегося» не только в статике, но и в динамике). Системы управления обучением позволят иметь индивидуальный и групповой культурно-когнитивный и компетентностный профиль, исходя из которого преподаватель будет получать автоматические рекомендации по типам заданий, контрольно-измерительных материалов, учебного контента и способов индивидуальной и групповой коммуникации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1. Назарова Ю. В., Анищенко О. С. Новая цифровая этика в виртуальном пространстве: дилеммы контроля и этической экспертизы // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. 2019. Т. 1, № 4 (32). С. 23–31. DOI: 10.22405/2304-4772-2019-1-4-23-31.
- 2. Шваб К. Четвертая промышленная революция / пер. с англ.; ред. А. Меркурьева. М.: Эксмо, 2016.

- 3. Ткачева К. А., Шепелева О. С. Этика и «цифра»: этические проблемы цифровых технологий // Центр подготовки руководителей и команд цифровой трансформации. 2020. URL: https://ethics.cdto.center/1_1 (дата обращения: 25.12.2020).
- 4. Howe N., Strauss W. Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069. NY: William Morrow & Company, 1991.
- 5. Тулган Б. Не всем достанется приз. Как управлять поколением Y / пер. с англ. Э. Кондуковой. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2017.
- 6. Стиллман Д., Стиллман И. Поколение Z на работе. Как его понять и найти с ним общий язык / пер. с англ. Ю. Кондукова. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2018.
 - 7. Шамис Е., Никонов Е. Теория поколений. Стратегия Беби-Бумеров. М.: Синергия, 2017.
 - 8. Шамис Е., Никонов Е. Теория поколений. Необыкновенный Икс. М.: Синергия, 2020.
- 9. Носова С. С., Кужелева-Саган И. П. Молодежь в сетевом информационно-коммуникативном обществе: зарубежные подходы к изучению проблемы // Сибирский психологический журнал. 2013. № 49. С. 85-96.
- 10. Роберт И. В. Направления развития информатизации отечественного образования периода цифровых информационных технологий // Электронные библиотеки. 2020. Т. 23, № 1-2. С. 145–164. DOI: https://doi.org/10.26907/1562-5419-2020-23-1-2-145-164.
- 11. Радаев В. В. Как учить новые поколения студентов? // Youtube.com. URL: https://youtu.be/C3WGvCjlZyc (дата обращения: 20.01.2021).
- 12. Емелин В. А. Симулякры и технологии виртуализации в информационном обществе // Национальный психологический журнал. 2016. № 3. С. 86–97. DOI: 10.11621/npj.2016.0313.
 - 13. Hofstede Insights. URL: https://www.hofstede-insights.com/ (дата обращения: 15.01.2021).
- 14. Арбузова А. Разница поколений: какие они Generation Z и идущие следом «альфы»? // РБК. Тренды. 2021. URL: https://trends.rbc.ru/trends/futurology/5dfcabbf9a7947a532b7f9a5 (дата обращения: 20.02.2021).
- 15. Understanding Generation Alpha // Mccrindle. URL: https://mccrindle.com.au/insights/blog/gen-alpha-defined/ (дата обращения: 20.02.2021).
- 16. WAY2WEI цифровая платформа для оценки и развития эмоционального интеллекта. URL: https://way2wei.ru (дата обращения: 15.02.2021).
- 17. Васильева К. А. Эмоциональный интеллект в условиях цифровой экономики // Формирование общекультурных и профессиональных компетенций финансиста: сб. науч. тр. Т. 2, вып. 8. М.: ООО «СВИВТ», 2018. С. 36–41.
- 18. Роберт И. В. Развитие информатизации образования на основе цифровых технологий: интеллектуализация процесса обучения, возможные негативные последствия // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2017. № 4 (30). С. 65–71. DOI: 10.17238/issn1998-5320.2017.30.65.
- 19. Инструменты дистанционного обучения // ЮНЕСКО. URL: https://ru.unesco.org/node/320923?fbclid=lwAR17We_fB0bcvqjWDribQFjpIrTxQa8puikfQTN2dimKMeGObrUBh5goV7g (дата обращения: 12.02.2021).

Информация об авторах.

Рожков Григорий Александрович – кандидат педагогических наук (1989), директор НОЦ иностранных языков и межкультурной коммуникации Санкт-Петербургского государственного химико-фармацевтического университета, ул. Профессора Попова, д. 14, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор 29 научных публикаций и монографии по межкультурной коммуникации. Сфера научных интересов: теория и практика формирования у студентов межкультурных компетенций.

Таратухина Юлия Валерьевна – кандидат филологических наук (2002), доцент (2013), старший научный сотрудник Института проблем управления РАН, ул. Профсоюзная, д. 65, Москва, 117997, Россия. Автор 90 научных публикаций. Сфера научных интересов: деловая и межкультурная коммуникации, кросс-культурная дидактика, эмоциональный интеллект.

Цыганова Любовь Александровна – кандидат исторических наук (2010), доцент школы коммуникаций факультета креативных индустрий НИУ «Высшая школа экономики», ул. Мясницкая, д. 20, Москва, 101000, Россия. Автор 43 научных публикаций. Сфера научных интересов: межкультурная коммуникации, коммуникативные и образовательные системы в информационном обществе, социокультурные коммуникации.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось. Поступила 06.04.2022; принята после рецензирования 29.09.2022; опубликована онлайн 23.12.2022.

REFERENCES

- 1. Nazarova, Yu.V. and Anishchenko, O.S. (2019), "New digital ethics in the virtual space: dilemmas of control and ethical expertise", *Gumanitarnyye Vedomosti TGPU im. L. N. Tolstogo*, vol. 1, iss. 4 (32), pp. 23–31. DOI: 10.22405/2304-4772-2019-1-4-23-31.
- 2. Schwab, K. (2016), *The Fourth Industrial Revolution*, Transl., in Merkur'eva, A. (ed.), Eksmo, Moscow, RUS.
- 3. Tkacheva, K.A. and Shepeleva, O.S. (2020), "Ethics and Digital: Ethical Problems of Digital Technologies", *Tsentr podgotovki rukovoditelei i komand tsifrovoi transformatsii* [Training Center for Leaders and Digital Transformation Teams.], available at: https://ethics.cdto.center/1_1 (accessed 25.12.2020).
- 4. Howe, N. and Strauss, W. (1991), *Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069*, William Morrow & Company, NY, USA.
- 5. Tulgan, B. (2017), *Not everyone gets a trophy. How to Manage Generation Y*, Transl., Mann, Ivanov i Ferber, Moscow, RUS.
- 6. Stillman, D. and Stillman, I. (2018), *Gen Z @ Work: How the Next Generation Is Transforming the Workplace*, Transl. by Kondukov, Yu., Mann, Ivanov i Ferber, Moscow, RUS.
- 7. Shamis, E. and Nikonov, E. (2017), *Teoriya pokolenii. Strategiya Bebi-Bumerov* [The theory of generations. Baby Boomer Strategy], Sinergiya, Moscow, RUS.
- 8. Shamis, E. and Nikonov, E. (2020), *Teoriya pokolenii. Neobyknovennyi Iks* [The theory of generations. Extraordinary X], Sinergiya, Moscow, RUS.
- 9. Nosova, S.S. and Kuzheleva-Sagan, I.P. (2013), "Youth in network information and communicative society: foreign approaches to study issues", *Siberian J. of Psychology*, no. 49, pp. 85–96.
- 10. Robert, I.V. (2020), "Directions for the development of informatization of domestic education in the period of digital information technologies", *Elektronnye biblioteki* [Digital Libraries], vol. 23, no. 1-2, pp. 145–164. DOI: https://doi.org/10.26907/1562-5419-2020-23-1-2-145-164.
- 11. Radaev, V.V. (2021), "How to teach new generations of students?", *Youtube.com*, available at: https://youtu.be/C3WGvCjlZyc (accessed 20.01.2021).
- 12. Emelin, V.A. (2016), "Simulacra and virtualization technologies in information society", *National Psychological J.*, no. 3, pp. 86–97. DOI: 10.11621/npj.2016.0313.
 - 13. Hofstede Insights, available at: https://www.hofstede-insights.com/ (accessed 15.01.2021).
- 14. Arbuzova, A. (2021), "Generational difference: what are they Generation Z and the alphas that follow?", *RBC. Trends*, available at: https://trends.rbc.ru/trends/futurology/5dfcabbf9a7947a53 2b7f9a5 (accessed 20.02.2021).
- 15. "Understanding Generation Alpha", *Mccrindle*, available at: https://mccrindle.com.au/insights/blog/gen-alpha-defined/ (accessed 20.02.2021).

- 16. WAY2WEI digital platform for assessing and developing emotional intelligence, available at: https://way2wei.ru (accessed 15.02.2021).
- 17. Vasil'eva, K.A. (2018), "Emotional intelligence in the digital economy", Formirovanie ob-shche-kul'turnykh i professional'nykh kompetentsii finansista: sb. nauch. tr. [Formation of general cultural and professional competencies of a financier: sat. scientific tr.], vol. 2, iss. 8, OOO «SVIVT», Moscow, RUS, pp. 36–41.
- 18. Robert, I.V. (2017), "Development of education informatization based on digital technologies: intellectualization of the training process and possible negative consequences", *Russian J. of Social Sciences and Humanities*, no. 4 (30), pp. 65–71. DOI: 10.17238/issn1998-5320.2017.30.65.
- 19. "Distance Learning Tools", *UNESCO*, available at: https://ru.unesco.org/node/320923?fbclid=IwAR17We_fB0bcvqjWDribQFjpIrTxQa8puikfQTN2dimKMeGObrUBh5goV7g (accessed 12.02.2021).

Information about the authors.

- *Grigory A. Rozhkov* Can. Sci. (Pedagogy) (1989), Director of Linguistic and Cross-Cultural Communication Center, Saint Petersburg State Chemical and Pharmaceutical University, 14 Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of 29 scientific publications. Area of expertise: theory and practice of forming students' intercultural competencies.
- *Yulia V. Taratuhina* Can. Sci. (Philology) (2002), Docent (2013), Senior Researcher Officer, Institute of Control Sciences of RAS, 65 Profsoyuznaya str., Moscow 117997, Russia. The author of 90 scientific publications. Area of expertise: business and intercultural communications, cross-cultural didactics, emotional intelligence.
- *Lubov A. Tsyganova* Cand. Sci. (History) (2010), Associate Professor, School of Communications, Faculty of Creative Industries, Higher School of Economics, 20 Myasnitskaya str., Moscow 101000, Russia. The author of 43 scientific publications. Area of expertise: intercultural communications, communication and educational systems in the information society, sociocultural communications.

No conflicts of interest related to this publication were reported. Received 06.04.2022; adopted after review 29.09.2022; published online 23.12.2022.

Оригинальная статья УДК 8; 81 http://doi.org/10.32603/2412-8562-2022-8-6-142-156

Роль языковой игры в политическом дискурсе Германии (на примере «политической пепельной среды»)

Мария Алексеевна Елизарьева¹, Александра Павловна Крячкова^{2⊠}

^{1,2}Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия

> ¹marycreek@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-1340-8382 ²kryachkova.ap@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-9658-1994

Введение. Статья посвящена роли языковой игры в коммуникативных стратегиях, к которым прибегают немецкие политики в рамках «политической пепельной среды» (на примере Христианско-социального союза в Баварии, 2018, 2019 и 2020 гг.). Цель исследования заключалась в определении коммуникативных стратегий, для которых используется языковая игра в выступлениях политиков ХСС на «политической пепельной среде». Научная новизна работы состоит в том, что данный жанр политического дискурса Германии практически не исследован ни с точки зрения политологии, ни с точки зрения политической лингвистики несмотря на то, что он имеет уже устоявшуюся традицию. Актуальность работы обусловлена необходимостью закрыть эту лакуну в изучении политического дискурса Германии и хотя бы частично описать данный жанр.

Методология и источники. Для изучения феномена языковой игры был использован полевой метод, в рамках которого авторы статьи проанализировали политическую ситуацию в Германии 2017–2020 гг., а также описали коммуникативные стратегии и тактики. Методом сплошной выборки из текстов выступлений лидеров ХСС (М. Зёдер, М. Блуме, А. Шойер, М. Вебер) были отобраны случаи языковой игры, классифицированы по уровням языка и проанализированы в контексте.

Результаты и обсуждение. Было установлено, что языковая игра служит для реализации разных коммуникативных стратегий: дискредитации, самовосхваления, агитации, манипуляции и самозащиты, формирования эмоционального настроя. Поскольку на «политической пепельной среде» основные интенции ораторов – сохранить имидж своей партии и разрушить имидж партий-конкурентов, в выступлениях политиков языковая игра чаще всего использовалась в рамках стратегии дискредитации (высмеивание оппонентов, выставление их в невыгодном свете) и самовосхваления (подчеркивание положительных качеств однопартийцев или успехов, которых добился ХСС).

Заключение. Применение языковой игры в ходе выступлений позволяет ораторам осуществлять воздействие на массового адресата за счет создания необходимого эмоционального фона. Приемы языковой игры обуславливают реализацию коммуникативных стратегий и тактик, направленных на поддержание собственного имиджа и умаление влияния оппонентов. Важным фактором для понимания приемов языковой игры является знание культурного фона и реалий страны.

Ключевые слова: «политическая пепельная среда», Германия, Христианско-социальный союз, политический дискурс, языковая игра, коммуникативные стратегии, коммуникативные тактики

© Елизарьева М. А., Крячкова А. П., 2022

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License. This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Для цитирования: Елизарьева М. А., Крячкова А. П. Роль языковой игры в политическом дискурсе Германии (на примере «политической пепельной среды») // ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 6. С. 142–156. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-6-142-156.

Original paper

The Role of Language Game in German Political Discourse (on Case of "Political Ash Wednesday")

Mariya A. Yelizaryeva¹, Aleksandra P. Kryachkova²⊠

^{1,2}Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia

¹marycreek@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-1340-8382 ²kryachkova.ap@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-9658-1994

Introduction. The article is devoted to the role of the language game in the communication strategies used by German politicians within the framework of the "political Ash Wednesday" (on the example of the Christian Social Union in Bavaria, 2018, 2019 and 2020). The purpose of the study was to determine the communicative strategies for which the CSU politicians use the language game in their speeches on the "political Ash Wednesday". The scientific novelty of the work lies in the fact that this genre of German political discourse has practically not been studied either from the point of view of political science or from the point of view of political linguistics, despite the fact that it has an already established tradition. The relevance of the work is due to the need to close this gap in the study of political discourse in Germany and at least partially describe this genre.

Methodology and sources. To study the phenomenon of language play, a field method was used, in which the authors of the article analyzed the political situation in Germany in 2017-2019, and also described communicative strategies and tactics. By the method of continuous sampling from the texts of the speeches of the leaders of the CS (M. Zeider, M. Blume, A. Scheer, M. Weber), cases of language play were selected, classified by language levels and analyzed in context.

Results and discussion. It was found that the language game serves to implement various communicative strategies: discrediting and self-praise strategies, manipulative and formation of an emotional mood strategies, self-defense and agitation strategies. Since on the "Political Ash Wednesday" the main speakers' intentions are to preserve the image of their party and disrupt the image of competing parties, in the politicians' speeches the language game was most often used as part of the discrediting strategy (ridiculing opponents, made them look bad) and self-praise (emphasizing the positive qualities members of the same party or the successes achieved by the CSU).

Conclusion. The use of language games during performances allows operators to influence the mass addressee by creating the necessary emotional background. The techniques of the language game determine the implementation of communicative strategies and tactics aimed at maintaining one's own image and diminishing the influence of opponents. An important factor for understanding the techniques of the language game is knowledge of the cultural background and the realities of the country.

Keywords: "political ash wednesday", Germany, Christian social union, political discourse, language game, communicative strategies, communicative tactics

For citation: Yelizaryeva, M.A. and Kryachkova, A.P. (2022), "The Role of Language Game in German Political Discourse (on Case of "Political Ash Wednesday")", *DISCOURSE*, vol. 8, no. 6, pp. 142–156. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-6-142-156 (Russia).

Введение. «Политическая пепельная среда» представляет собой смешанный жанр политического дискурса Германии с преобладанием агональности, отличающийся неофициальным характером и обилием острот и шуток, пускаемых в ход для дискредитации политических оппонентов. Юмор, сарказм и комическое являются неотъемлемыми составляющими речей, с которыми лидеры крупнейших политических партий Германии выступают перед однопартийцами в последний день весеннего карнавала, и используются для воздействия на слушателей, что нередко достигается с помощью языковой игры как стилистического приема.

Для того чтобы рассмотреть роль языковой игры в коммуникативных стратегиях политиков на «политической пепельной среде», авторами были проанализированы скрипты трех «пепельных сред», проведенных Христианско-социальным союзом в Германии (далее – ХСС) в 2018, 2019 и 2020 гг. ХСС был выбран в связи с тем, что выступления его лидеров обычно бывают эмоционально окрашены и изобилуют шутками и остротами, к тому же именно эта партия стала родоначальницей «политической пепельной среды» в ее современном формате [1].

Актуальность исследования обусловлена тем, что в нем впервые анализируется роль языковой игры в речевых стратегиях немецких политиков, выступающих на «политической пепельной среде». Объектом исследования являются коммуникативные стратегии, к которым прибегают ораторы на этом мероприятии, предметом – примеры языковой игры, посредством которых реализуются эти стратегии. Цель исследования – определить коммуникативные стратегии, для которых используется языковая игра в выступлениях политиков ХСС на «политической пепельной среде». В связи с этим были поставлены следующие задачи:

- рассмотреть феномен языковой игры, в частности в политическом дискурсе, а также понятия стратегии и тактики;
 - проанализировать политическую обстановку в Германии в 2017–2020 гг.;
- из текстов выступлений в рамках «политических пепельных сред» ХСС 2018, 2019 и 2020 гг. отобрать случаи языковой игры и классифицировать их по уровням языковой системы;
- определить стратегии и при возможности тактики, для которых используется языковая игра;
 - провести дискурсивный анализ наиболее наглядных примеров.

В соответствии с задачами использовались следующие методы: метод сплошной выборки, контекстуальный анализ, дискурсивный анализ, количественный метод.

Материалом послужили тексты «политической пепельной среды» XCC 2018 [2], 2019 [3] и 2020 [4] гг. (общий объем 276 503 знаков, 6,9 п. л.). Основными ораторами были: Андреас Шойер (в 2018 г. – генеральный секретарь XCC, в 2019 и 2020 гг. – федеральный министр транспорта и цифровой структуры), Маркус Блуме (в 2018 г. – заместитель генерального секретаря партии, в 2019 и 2020 гг. – генеральный секретарь), Маркус Зёдер (в 2018 г. – кандидат на пост премьер-министра Баварии, в 2019 и 2020 гг. – премьер-министра Баварии (в 2018 г. – премьер-министра Баварии) премьер-министра (в 2018 г. – премьер

рии), а также лидер Европейской народной партии Манфред Вебер (2019 и 2020 гг.). В 2021 г. в условиях пандемии мероприятие состоялось в удаленном формате, причем выступал только лидер партии и премьер-министр Баварии М. Зёдер с достаточно серьезной речью без каких-либо шуток и юмора, поэтому данное выступление в настоящем исследовании не анализировалось. В 2022 г. ввиду украинского кризиса ХСС «политическую пепельную среду» проводить не стал.

Методология и источники.

Феномен языковой игры в лингвистике. Под языковой игрой в широком смысле понимается «нетрадиционное, неканоническое использование языка, «это творчество в языке, ориентация на скрытые эстетические возможности языкового знака» [5, с. 168]. Языковая игра — это, как правило, отклонение от норм языковой системы; это творческое, нестандартное (неканоническое, отличающееся от языковой/стилистической/речеповеденческой/логической нормы) использование любых языковых единиц и/или категорий для создания остроумных высказываний, в том числе комического характера» [6, с. 802]. Языковая игра встречается в художественной литературе, публицистике, текстах СМИ, рекламе, разговорной речи и других сферах бытования языка [7, с. 30].

Языковая игра может затрагивать самые разные уровни языковой системы: фонетику, фонологию, графику, орфографию, морфологию, лексику, семантику, синтаксис, прагматику [8]. Арсенал конкретных лингвистических приемов на каждом уровне очень богат. Естественно, что в силу типологического строя набор лингвистических средств для создания этого приема в разных языках будет отличаться.

В. З. Санников, анализируя языковую игру в художественной литературе, выделяет следующие ее функции: языкотворческая, желание развлечь себя и собеседника, стремление к самоутверждению, маскировочная функция, которая позволяет выразить обсценное содержание иными средствами, высказать известную мораль в новой форме, а также то, что накипело на душе, или сгладить невежливость [5, с. 26–30]. В рекламе языковая игра используется, прежде всего, для привлечения внимания потенциального клиента, компрессии смысла, она может быть источником лингвоэстетического удовольствия или способом обойти цензуру [7, с. 39], а в языке СМИ «на первый план выходит языкотворческая и оценочная функции» [7, с. 35].

Для понимания языковой игры слушатель должен обладать необходимыми фоновыми знаниями, иначе шутка будет ему непонятна даже при хорошем уровне владения языком. Особые муки такая игра доставляет переводчикам, поскольку даже если удается передать игру слов с помощью аналогичных или похожих приемов в родном языке, передача культурного компонента может оказаться невозможной. При дальнейшем анализе примеров в этом разделе будет приводиться перевод отрывков текста, содержащих языковую игру, где, возможно, она будет отражена в переводе.

Если рассматривать языковую игру в политическом дискурсе, то более точным будет определение Е. А. Ханиной: это «осознанный, намеренный, прагматически мотивированный процесс использования говорящим возможностей языковой системы с целью оказания воздействия на адресата» [9, с.102]. Как отмечают Л. С. Полякова и Е. В. Суворова, «так как цель политических выступлений – речевое воздействие на аудиторию, то включение приема

языковой игры помогает достичь этой установки» [10, с. 174]. Данные авторы пишут, что языковая игра также помогает завуалированно передать мысль политического деятеля, унизить или высмеять оппонентов, установить дружеские отношения с аудиторией и создать образ более успешного политика [10]. Кроме того, в политическом дискурсе она может быть одним из средств манипулятивного воздействия на слушателей [11–13].

Роли и видам языковой игры в политическом дискурсе Германии посвящено диссертационное исследование Е. А. Ханиной [13]. В качестве материала автором были избраны парламентские выступления, интервью с политиками и о политиках, политические лозунги. Выступления лидеров партий в рамках «политической пепельной среды» в данном списке не фигурируют, что позволяет нам сфокусироваться на функциях и видах языковой игры именно на этом мероприятии.

Е. А. Ханина выделяет следующие типы языковой игры: 1) обыгрывание языковых повторов (аллитерация, ассонанс, комбинация аллитерации и ассонанса, рифма); 2) игра на созвучии (омонимия, омофония, омография, полиптотон); 3) словообразовательная игра (словосложение, контаминация, суффиксация); 4) игра с прецедентными феноменами (фразеология, неожиданная расшифровка аббревиатур, игра с фоновыми знаниями, парафраз интертекста); 5) игра с образностью (метафоры цвета, войны, природы).

Проанализировав сотни примеров, Е. А. Ханина пришла к выводу, что «используя перечисленные приемы языковой игры, участник политического дискурса акцентирует внимание избирателя на смысловой значимости лингвистических единиц и усиливает ее, придает неопределенность высказыванию, вызывает нужные ему ассоциации у избирателя, представляет политического оппонента в неожиданном ракурсе и тем самым способствует формированию оценки адресата, придает словам пренебрежительное, ироничное звучание, достигает комического эффекта, повышает экспрессивность, эмоциональность и эстетическое воздействие речи» [13, с. 162].

Что касается классификации языковой игры по уровням языка, то в нашем материале встретилось большинство типов этого приема, перечисленных в исследовании Е. А. Ханиной, а кроме того, такие, как образование несуществующих форм сравнительной и превосходной степени прилагательных, «заигрывание» с цитатами других политиков, буквальное прочтение внутренней формы слова, метафоры школы и спортивные метафоры, а также логическое противопоставление.

Приведем некоторые примеры: аллитерация (Lieber Markus Söder, du stehst hier in einer Reihe großer Namen: Strauß, Stoiber, Seehofer, Söder...), рифма (Profil mit Stil), образование превосходной степени от относительных прилагательных (der europäischste Aschermittwoch), неологизмы (NoGroKo-Genörgel), деонимы (Schulzzug), игра на омонимии (Genossen – das ist ja einmal die Vergangenheit von "genießen", deswegen müssen wir noch ein paar Tage Geduld haben), политическая цветовая символика (Wir machen in Bayern grüne Politik, aber wir brauchen die Grünen nicht dazu), метафоры (Passau ist das Hochamt), «неправильная» расшифровка аббревиатур (das Wort FW steht im Landtag nicht für freie Wähler, sondern für Freibierwähler), игра на логическом противопоставлении (Da ist schon eine Menge Moral, da ist auch mehr Moral, als bei uns, das ist die Doppelmoral der Grünen).

«Политическая пепельная среда» в контексте общественно-политической жизни Германии. Выбор временных рамок с 2017 по 2019 гг. обусловлен значимыми общественно-

политическими событиями в ФРГ, которые отразились в политическом дискурсе того периода. Опрос германского населения за эти годы показал, что к наиболее актуальным проблемам в это время относились миграция, экология, система образования, социальные выплаты, криминогенная обстановка, вопросы социального равенства, семейная политика, налоги [14].

2017 г. был ознаменован выборами в бундестаг, которые определяли риторику выступлений политических акторов. В первой половине года политическая жизнь проходила под знаком предвыборной борьбы политических партий. Значительные усилия по привлечению электората приходилось прикладывать правящему блоку ХДС/ХСС из-за проблемы миграционного кризиса 2015 г. и миграционной политики, которая негативно повлияла на имидж правящих партий. При этом правопопулистская партия «Альтернатива для Германии» (Alternative für Deutschland) все больше набирала популярность среди избирателей, что отчасти связано со снижением уровня доверия населения к правящим партиям и желанием избирателей отдать голос не в поддержку какой-либо партии, а против нее [15, 16].

Недоверие населения вызвали также затянувшиеся переговоры о создании правящей коалиции, которые выявили слабые места политической элиты. В начале 2018 г. важной темой политического дискурса стали переговоры о создании коалиции «Ямайка» (Jamaika-Koalition), названной так из-за совпадения цветов флага Ямайки и политических партий ФРГ (черный – ХДС/ХСС, желтый – СвДП, зеленый – Союз 90/«Зеленые»). Они завершились неудачей из-за отказа лидера либералов Кристиана Линднера от заключения коалиционного договора, что в результате поставило под угрозу политическую стабильность в стране. Христианские демократы были вынуждены вновь пойти на компромисс с социалдемократами, чтобы предотвратить возможный кризис власти. Наиболее негативно данный союз сказался на имидже СДПГ, которая после неудачных выборов намеревалась уйти в оппозицию, надеясь тем самым сохранить статус «народной партии» и укрепить позиции среди потенциальных избирателей. Готовность изменить свое решение и согласие СДПГ продолжить сотрудничество в «большой коалиции» (Große Koalition, GroKo) негативно приняли представители молодежной организации СДПГ «Молодые социалисты» (Jusos), что поспособствовало промедлению при принятии окончательного решения. Длительное ожидание вызвало дополнительное недовольство христианских демократов в адрес будущего партнера по правящей коалиции, что, естественно, стало одной из тем «политической пепельной среды» XCC в 2018 г., наряду с критикой «Зеленых» и СвДП, которых лидеры XCC обвинили в провале коалиции «Ямайка».

Во второй половине 2018 г. обострился внутрипартийный кризис блока ХДС/ХСС, ознаменованный конфликтом между А. Меркель (глава ХДС) и Х. Зеехофером (глава ХСС) из-за Закона об иммиграции (Einwanderungsgesetz) [17], в результате которого лидеры обеих партий ушли в отставку. По мнению экспертов, на такое решение А. Меркель могли также повлиять сложные из-за вынужденного сотрудничества отношения между партнерами по «большой коалиции» [18] и практически провальные результаты выборов в бундестаг [19]. Таким образом, к началу 2019 г. у обеих партий появились новые лидеры: соратница Ангелы Меркель Аннегрет Крамп-Карренбауер (ХДС), Маркус Зёдер (ХСС).

Событием, определившим риторику публичных выступлений лидеров XCC в 2019 г., стали выборы в Европарламент. Одним из претендентов на пост председателя Еврокомиссии

был лидер Европейской народной партии (ЕНП, EVP – Europäische Volkspartei) и представитель XCC Манфред Вебер, выступивший с предвыборной речью на «политической пепельной среде».

По результатам выборов в Европарламент блок ХДС/ХСС сохранил лидерство. «Союз 90/ Зеленые» с 20 % голосов заняли второе место, что стало лучшим результатом в истории партии. Социал-демократы, входящие в правительство ФРГ, потеряли значительное количество голосов и заняли третье место на выборах в Европарламент. Представители ХДС/ХСС и СДПГ отметили, что недооценили важность темы борьбы с изменением климата в этой предвыборной кампании [20].

Коммуникативные стратегии и тактики играют ключевую роль в раскрытии и реализации основных характеристик политического дискурса, однако на сегодняшний день не существует единой трактовки понятия речевой стратегии. Многие лингвисты определяют стратегию как план речевых действий, а главной задачей ее использования считают достижение адресантом определенной языковой или неязыковой цели коммуникации и реализацию воздействия на массового адресата [21–24]. При этом адресанту необходимо учитывать коммуникативную ситуацию, личность и имидж собеседников или оппонентов, а реализация любой речевой стратегии невозможна без конкретных коммуникативных действий, представляющих собой речевую тактику, которая характеризуется специфическим набором языковых средств [25, 26].

На данный момент представлено множество классификаций речевых стратегий в политическом дискурсе, что, по мнению Ж. В. Зигманн, обусловлено постоянными изменениями в политической жизни общества [27]. Так, в классификации Т. А. ван Дейка представлены следующие виды стратегий: стратегии презентации, семантические стратегии, аргументативные стратегии, стратегии речевых действий [28]. Е. В. Рублева предложила включить в классификацию конвенциональные (кооперативные), презентационные и конфликтные стратегии [29]. О. Н. Паршина выделила стратегии самопрезентации, дискредитации, нападения, самозащиты, формирования эмоционального настроя адресата, информационно-интерпретационную, аргументативную, агитационную и манипулятивную стратегии [30].

В выступлениях немецких политиков на любой «политической пепельной среде» обычно прослеживается два основных устремления: с одной стороны, поддержать собственный имидж, с другой – нарушить образ партий-оппонентов [31]. Эти две главные агональные интенции определяют выбор стратегий и тактик, к которым прибегают выступающие.

К речевым действиям, направленным на поддержание имиджа, относятся убеждение адресата в своей точке зрения, самовосхваление, побуждение к голосованию за определенного кандидата или партию. Речевые действия обвинительного или манипулятивного характера направлены, как правило, на нарушение имиджа оппонента.

На основе проведенного анализа выступлений политических деятелей нами были выделены следующие стратегии и тактики: стратегия дискредитации, манипулятивная стратегия, стратегия самовосхваления, стратегия самозащиты, стратегия убеждения, стратегия формирования эмоционального настроя, аргументативная стратегия, агитационная стратегия, интеграционная стратегия.

Результаты и обсуждение.

Роль языковой игры в речевых стратегиях на «политической пепельной среде». В проанализированных скриптах выступлений политических лидеров ХСС языковая игра встретилась 96 раз и была использована в рамках следующих стратегий: дискредитация (35 раз), самовосхваление (26), манипулятивная стратегия (15), стратегия формирования эмоционального настроя (13), агитационная стратегия (7), стратегия самозащиты (7), интеграционная стратегия (1), стратегия убеждения (1), аргументативная стратегия (1). В некоторых фрагментах языковая игра использовалась для реализации сразу двух стратегий.

Излюбленной стратегией XCC оказалась дискредитация политических оппонентов (СДПГ, «Зеленые», СвДП, АдГ, «Свободные избиратели»), в рамках которой использовались тактика оскорбления и издевки, тактика оппозиционирования и тактика обвинения.

Комментируя переговоры о заключении коалиции «Ямайка», А. Шойер характеризует «Зеленых» следующим образом: Es hat aber bei Jamaika eine Partei gegeben, die viel verspricht und das Gegenteil davon macht. Ich meine die Grünen, sie heißen ja neuerdings nicht Realos und Fundis sondern Flexis. — В коалицию «Ямайка» должна была войти еще одна партия, которая много обещает и делает полностью противоположное. Я имею в виду «Зеленых», которые сегодня должны бы называться не реалистами и не фундаменталистами, а приспособленцами (2018 г.).

А. Шойер обыгрывает названия двух течений внутри партии «Зеленых»: реало и фунди, возникших в начале 1980-х гг. Сторонники первого течения, возглавляемого Й. Фишером, стремились к участию в реальной политике, в то время как фундаменталисты предпочитали заниматься вопросами локальной экологической политики (остановка атомных электростанций, закрытие экологически вредных производств), гражданскими инициативами на местах, блокадами ракетных шахт и т. д. [32, с. 27]. Неологизм *Flexis* образован от прилагательного *flexibel* — гибкий, подвижный, умеющий приспособиться, по той же словообразовательной модели, что *Realos* и *Fundis* (множественное число *Realo* и *Fundi*), т. е. А. Шойер называет «Зеленых» партией, которая легко отступает от своих идеологических принципов.

В 2020 г. в преддверии коммунальных выборов М. Зёдер также активно прибегает к стратегии дискредитации главных конкурентов — «Зеленых» и СДПГ. Особенно достается «Зеленым» и их лидеру Р. Хабеку. Так, их «политическую пепельную среду» М. Зёдер назвал «политической тофу-вечеринкой» (politische Tofu-Tupperparty), высмеивая вегетари-анские пристрастия партии и несерьезность их мероприятия, а самого Р. Хабека называя «самозванным кавалером побережья» и «капитаном Игло "Зеленых"» (Robert Habeck, den selbsternannten Küstenkavalier und Käptn Iglo der Grünen). В этих выражениях содержится как отсылка к тому, что Р. Хабек — уроженец северной Германии, так и издевка, относящаяся к внешности политика. Карітап Iglo — марка рыбных полуфабрикатов, на упаковке которых изображен бородатый капитан. В выступлениях на «пепельной среде» М. Зёдер уже неоднократно высмеивал Р. Хабека за то, что тот появляется на данном мероприятии небритым, и сравнение его с Капитаном Игло представляется довольно язвительным.

В отличие от «Зеленых», партию социал-демократов М. Зёдер, по его же утверждению, решил пощадить ввиду ее политической слабости, которую он все же не преминул выставить в комическом свете: Ich werd fast schon nostalgisch: Ich würde mir eigentlich eine SPD in

ihrer Normalform wünschen. Denkt mal daran, wie es früher war. Schmidt, Brandt, Schröder. Heute – Eskens, NoWaBo, Kühnert. Früher Troika, heute SPD Tick, Trick und Track. – Я почти начинаю ностальгировать: мне хотелось бы видеть СДПГ в ее нормальном состоянии. Вспомните, какой она была раньше. Шмидт, Брандт, Шрёдер. Сегодня – Эскенс, НоВаБо (Норберт Вальтер-Борьянс), Кюнерт. Раньше – тройка, сегодня СДПГ – это Билли, Вилли и Дилли. Билли, Вилли и Дилли – трое братьев-утят, являющихся героями мультфильмов и комиксов компании Уолта Диснея, в частности, сериала «Утиные истории». Сравнивая лидеров СДПГ с этими мультипликационными персонажами, М. Зёдер пытается убедить слушателей в полной деградации правления партии и потере ее былого авторитета.

Вторая наиболее часто используемая стратегия – самовосхваление – направлена на поддержание положительного имиджа XCC. Для ее реализации используются тактики отождествления и солидаризации. Например, М. Блуме в выступлении 2019 г. прибегает к образованию несуществующих степеней сравнения относительных прилагательных: ... wir sind der europäischste Aschermittwoch – у нас самая европейская «пепельная среда». Здесь М. Блуме подчеркивает, что на «политической пепельной среде», проводимой XCC, в отличие от остальных партий, обсуждается и общеевропейская повестка, а потому это мероприятие «самое европейское».

В следующем примере M. Блуме обращается к тактике обещаний: Ihr könnt euch sicher sein, in den nächsten Wochen wird diese Christlich-Soziale Union alles geben, um Europa stark zu machen, damit Europa uns stark machen kann und vor allem um Europa ein gutes Stück bayerischer zu machen. — Вы можете быть уверены, в предстоящие недели Христианско-социальный союз сделает все, чтобы усилить Европу, чтобы Европа сделала сильными нас и прежде всего, чтобы сделать Европу намного более баварской.

Стратегия самовосхваления реализуется и с помощью фонетических средств, таких как аллитерация, например, в выступлении А. Шойера в 2018 г.: Tradition und Fortschritt, Laptop und Lederhose, Touchpad und Trachtenjanker – war immer das Erfolgsgeheimnis der CSU. – Традиция и прогресс, **лэптоп и ледерхозе, тачпад и трахтенянкер** – все это всегда было секретом успеха XCC. Lederhose (кожаные штаны) и Trachtenjanker (своего рода куртка на пуговицах) – элементы баварского национального мужского костюма. Слоган Laptop und Lederhose появился благодаря бывшему президенту ФРГ и уроженцу Баварии Р. Херцогу, который в выступлении на открытии выставочного зала Neue Messe München в 1998 г. отметил быстрое индустриальное развитие Баварии и ее приверженность национальным традициям и подытожил свою речь следующим образом: «Wäre ich nicht selbst Bayer, würde ich sagen: Hier sind Lederhose und Laptop eine Symbiose eingegangen. – Если бы я не был баварцем, то сказал бы: здесь пережили симбиоз ледерхозе и лэптоп». Это выражение так понравилось лидерам ХСС, что они стали часто использовать его, чтобы подчеркнуть успехи партии на ниве экономического и технологического развития Баварии [33]. А. Шойер дополняет это выражение еще одним, тоже основанным на аллитерации, - Touchpad und Trachtenjanker, подчеркивая, что именно курс на сочетание традиции и инновации привел ХСС, а вместе с ним и Баварию к успеху и процветанию (после окончания Второй мировой войны за исключением 1954-1957 гг. пост премьер-министра Баварии занимали исключительно представители ХСС [34, с. 654]).

В связи с выборами в Европарламент на «пепельной среде» 2019 г. прослеживается агитационная стратегия с характерными для нее тактиками призыва и обещания. М. Зёдер, чтобы мотивировать электорат проголосовать за Европейскую народную партию и тем самым за М. Вебера, прибегает к рифме: Manfred sagt, wir brauchen ein starkes Europa. Ein Europa, das Freiheit und Schutz gewährt. Ein Europa, das schützt und nützt. – Манфред говорит, что нам нужна сильная Европа. Европа, которая гарантирует свободу и защиту. Европа, которая защищает и приносит выгоду. Рифма глаголов schützt und nützt усиливает эмоциональное воздействие на слушателя, создавая позитивный образ Европы.

Еще один пример из речи М. Зёдера: Aber, liebe Freunde, klar ist, das ist eine Wahl, bei der Europawahl, in der es eine Manfred-Wahl ist, aber schon eine Schicksalswahl. – Но, дорогие друзья, понятно, что выборы в Европарламент – это не только «выбор Манфреда», но и судьбоносный выбор. Деоним-окказионализм Manfred-Wahl указывает слушателям на то, что нужно сделать выбор в пользу Единой народной партии и М. Вебера как ее лидера и претендента на пост председателя Еврокомиссии. Образование деонимов в целом характерно для политического дискурса Германии [35, 36].

В рамках манипулятивной стратегии А. Шойер дважды пользуется таким приемом, как «неправильные» саркастические расшифровки названий партий-оппонентов, чтобы умалить их политическую силу: Die FDP ist im November zur fahnenflüchtigen Partei Deutschlands geworden. — В ноябре СвДП стала «Дезертировавшей партией Германии». Когда после долгих переговоров коалиция «Ямайка» уже практически была образована ХДС/ХСС, «Зелеными» и СвДП, председатель последней Кристиан Линднер объявил, что его партия не вступит в правящую коалицию. Это было расценено блоком ХДС/ХСС как страх взять на себя ответственность за управление страной и политическую несостоятельность, о чем и говорит расшифровка F как fahnenflüchtig — дезертировавший.

Подобным же образом А. Шойер умаляет политическую силу СДПГ, с которой XДC/XCC все же образовала правящую коалицию. На тот момент партия переживала кризис, на что и указывает А. Шойер: Das ist die selbstzerfleischende Partei Deutschlands – SPD. – Это самобичующаяся партия Γ ермании – $CДП\Gamma$.

Стратегия самозащиты (тактики самооправдания и оспаривания) нередко реализуется у ХСС через цитирование негативных высказываний партий-оппонентов с последующим опровержением. Так, например, М. Блуме опровергает утверждение одного из кандидатов от партии «Зеленых» в Европарламент Хенрике Хан: Da hieß es doch tatsächlich von Henrike Hahn, ich glaube, sie müssen googeln, aber ich glaube, sie ist auch irgendwie Spitzenkandidatin: Die CSU würde ergrünen ohne zu erröten. Liebe Grüne, ich sage euch eines. Ihr könnt euch schwarz ärgern, aber ihr werdet nie Volkspartei in diesem Land werden, das ist nur die Christlich-Soziale Union! – Как сказала Хенрике Хан, вы можете загуглить, но я думаю, она тоже одна из главных кандидатов: ХСС позеленеет не краснея. Дорогие «Зеленые», скажу вам одно: вы можете почернеть от злости, но в этой стране вы никогда не станете народной партией, такой является только Христианско-социальный союз!

Цитируемая фраза Хенрике Хан заключает в себе языковую игру, основанную на политической цветовой символике: *Die CSU würde ergrünen ohne zu erröten (XCC позеленеет не краснея)*. *Ergrünen* означает «перенять позиции и взгляды партии "Зеленых"», т. е.

присвоить себе их повестку, да еще и не краснея при этом (от стыда). Блуме подхватывает эту метафору и выставляет высказывание Хенрике Хан как признак того, что «Зеленые» завидуют популярности ХСС (Ihr könnt euch schwarz ärgern).

Стратегия формирования эмоционального настроя может реализовываться с помощью тактики единения, тактики апеллирования к эмоциям и тактики развлечения публики. Для удерживания ее внимания М. Зёдер иногда прибегает к грубоватым шуткам. Например, рассказывая о том, как активно баварский кабинет министров обсуждает проблемы сельского хозяйства, он говорит: Und bei uns im bayerischen Kabinett haben wir ein tolles Duo, Michaela für die Landwirtschaft, Thorsten Glauber für die Umwelt und einer ist wirklich auch immer dabei, drum wird alles gemeinsam beschlossen, Hubert Aiwanger, muss ich sagen, der ist immer dabei, bei jeder Ferkelei.... agrarpolitischen Ferkelei, Hubert, ja. – В нашем баварском кабинете министров есть прекрасный тандем, Михаэла, отвечающая за сельское хозяйство, Торстен Глаубнер, ответственный за экологические вопросы, и один из них всегда присутствует при обсуждениях, поэтому все решения принимаются вместе. Хуберт Айвангер тоже всегда присутствует, при каждой похабной шутке (дословно – свинстве)... аграрнополитической похабщине, Хуберт.

В данном примере М. Зёдер обыгрывает внутреннюю форму слова *Ferkelei* (грязный, похабный анекдот, непристойная шутка), образованного от *das Ferkel* – поросенок и, внося уточнение *agrarpolitisch*, дает понять слушателям, что имеет в виду, скорее всего, вопросы свиноводства или нечто подобное, но пауза до этого уточнения, раскрывающего языковую игру, создает резонанс, поскольку слушатель распознает пока только непосредственное значение слова.

Заключение. Как показал анализ выступлений лидеров ХСС на «политической пепельной среде», языковая игра активно используется ораторами для воздействия на аудиторию – как на однопартийцев, сидящих в зале, так и на остальных слушателей вне зависимости от их партийной принадлежности и политических взглядов. Знание культурного фона и реалий является необходимым условием для понимания юмора и шуток, основанных на языковой игре. Этот прием используется для реализации целого набора коммуникативных стратегий. В первую очередь – это дискредитация (высмеивание оппонентов, выставление их в невыгодном свете) и самовосхваление (подчеркивание положительных качеств однопартийцев или успехов, которых добился ХСС), поскольку данному жанру политического дискурса присуща агональность. Далее следуют агитация, манипуляция и самозащита, а также стратегия формирования эмоционального настроя. Шутки, основанные на языковой игре, помогают создать на мероприятии приятный эмоциональный фон, расположить к себе слушателей и удерживать их внимание на протяжении пары часов выступлений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1. Wasner B. Politischer Aschermittwoch // Historisches Lexikon Bayerns. 2013. URL: https://www.historisches-lexikon-bayerns.de/Lexikon/Politischer_Aschermittwoch (дата обращения: 08.07.2020).
- 2. Politischer Aschermittwoch CSU 2018 // Youtube. URL: https://www.youtube.com/watch?v=7mSYWNo-OJ4 (дата обращения: 07.06.2022).
- 3. Politischer Aschermittwoch CSU 2019 // Youtube. URL: https://www.youtube.com/watch?v=dCok2NKIV4c (дата обращения: 07.06.2022).

- 4. Politischer Aschermittwoch CSU 2020 // Youtube. URL: https://www.youtube.com/watch?v=qw1RE Cjzml (дата обращения: 07.06.2022).
 - 5. Норман Б. Ю. Язык: знакомый незнакомец. Минск: Вышэйш. шк., 1987.
- 6. Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева и др. М.: Флинта: Наука, 2003.
- 7. Ильясова С. В., Амири Л. П. Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы. М.: Флинта: Наука, 2012.
- 8. Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры. М.: Языки славянской культуры, 1999.
- 9. Ханина Е. А. Манипулятивный характер использования языковой игры в немецком политическом дискурсе // Филология и человек. 2014. № 3. С. 102–109.
- 10. Полякова Л. С., Суворова Е. В. Прием языковой игры в политической коммуникации // Казанская наука. 2018. № 11. С. 174–176.
- 11. Маслова В. А. Политический дискурс: языковые игры или игры в слова? // Политическая лингвистика. 2008. № 1 (24). С. 43–47.
- 12. Шамсутдинова А. И. Использования языковой игры в политическом дискурсе // Известия вузов (Кыргызстан). 2011. № 1. С. 333–335.
- 13. Ханина Е. А. Манипулятивный характер языковой игры (на материале немецкого политического дискурса): дис. ... канд. филол. наук / Южный фед. ун-т. Ростов-на-Дону, 2016.
- 14. Statista Research Department. URL: https://de.statista.com/statistik/daten/studie/2739/um-frage/ansicht-zu-den-wichtigsten-problemen-deutschlands/ (дата обращения: 07.03.2021).
- 15. Любин В. П. Решающий 2017 год: политические партии и выборы в Германии // Актуальные проблемы Европы. 2018. № 2. С. 37–61.
- 16. Тимошенкова Е. П. Итоги выборов в бундестаг: новые вызовы старые ответы // Современная Европа. 2018. № 2. С. 29–39. DOI: http://dx.doi.org/10.15211/soveurope220182939.
- 17. Белов В. Б. Внутри- и внешнеполитические аспекты миграционного кризиса в Германии // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2018. № 4. С. 49–55. DOI: http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran420184955.
- 18. Тимошенкова Е. П. Почему А. Меркель отказалась от поста председателя партии ХДС // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2018. № 6. С. 65–70. DOI: http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran620189.
- 19. Юдина Т. В. В поисках политического центра: новое профилирование германских партий и борьба за понятия // Актуальные проблемы Европы. 2019. № 4. С. 55–78. DOI: 10.31249/аре/ 2019.04.04.
- 20. Ригерт Б., Коваль И. 2019. Главное о результатах выборов в Европарламент. URL: https://p.dw.com/p/3J9Hp (дата обращения: 07.03.2021).
 - 21. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М.: Наука, 1985.
 - 22. Стернин И. А. Введение в речевое воздействие. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2001.
- 23. Сухих С. А. Прагмалингвистическое моделирование коммуникативного процесса. М.: Этика: Энциклопедический словарь, 2001.
- 24. Вознесенская Ю. В. Речевые стратегии конфликта в немецкой политической коммуникации (на материале парламентских дебатов в бундестаге): дис. ... канд. филол. наук / СПбГУ. СПб., 2010.
- 25. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Омск: Ом. гос. ун-т, 1999.
- 26. Ковригина Е. А. Коммуникативная стратегия самопрезентации в дискурсе интернет-интервью: дис. ... канд. филол. наук / Кем. гос. ун-т. Кемерово, 2010.
- 27. Зигманн Ж. В. Структура современного политического дискурса: речевые жанры и речевые стратегии: автореф. дис. ... канд. филол. наук / МГУ. М., 2003.

- 28. Ван Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация / пер. с англ.; под ред. В. И. Герасимова. М.: Прогресс, 1989.
- 29. Рублева Е. В. Лингвопрагматические аспекты политической теледискуссии: дис. ... канд. филол. наук / Гос. ин-т русского яз. им. А. С. Пушкина. Москва, 2006.
- 30. Паршина О. Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России: дис. ... д-ра филол. наук / Саратов. гос. ун-т им. Н. Г. Чернышевского. Саратов, 2005.
- 31. Крячкова А. П. Культурно-маркированная лексика как прием речевых стратегий в политическом дискурсе Германии // Филологические науки в МГИМО. 2020. Т. 6, № 4. С. 25–35. DOI: https://doi.org/10.24833/2410-2423-2020-4-24-25-35.
 - 32. Погорельская С. В. Йошка Фишер: политический портрет. М.: ИНИОН РАН, 2003.
- 33. Wolf G. Laptop und Lederhose // Historisches Lexikon Bayerns. 07.09.2012. URL: https://www.historisches-lexikon-bayerns.de/Lexikon/Laptop_und_Lederhose (дата обращения: 29.06.2021).
- 34. Политлексикон: понятия, факты, взаимосвязи: на основе нем. справ. Shubert/Klein. Das Politiklexicon / пер. с нем. В. П. Любина, М. А. Елизарьевой; под общ. ред. В. П. Любина, Р. Крумма. М.: Российская политическая энциклопедия, 2013.
- 35. Чигашева М. А. Деонимы как особенность политического дискурса СМИ Германии и России // Вестн. МГЛУ. Сер. Гуманитарные науки. 2016. № 2 (765). С. 50–59.
- 36. Чигашева М. А. Терминологический аспект политического дискурса СМИ Германии // Вестн. РУДН. Сер. Теория языка. Семиотика. Семантика. 2017. Т. 8, № 2. С. 358–366. DOI: 10.22363/ 2313-2299-2017-8-2-358-366.

Информация об авторах.

Елизарьева Мария Алексеевна — кандидат филологических наук (2017), доцент кафедры немецкого языка Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации, пр-т Вернадского, д. 76, Москва, 119454, Россия. Автор 21 научной публикации. Сфера научных интересов: языковые контакты, билингвизм, языковая картина мира, когнитивная семантика.

Крячкова Александра Павловна — кандидат филологических наук (2019), преподаватель кафедры немецкого языка Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации, пр-т Вернадского, д. 76, Москва, 119454, Россия. Автор 8 научных публикаций. Сфера научных интересов: когнитивная лингвистика, лингвопрагматика, дискурс-анализ, политическая лингвистика.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось. Поступила 30.06.2022; принята после рецензирования 06.09.2022; опубликована онлайн 23.12.2022.

REFERENCES

- 1. Wasner, B. (2013), "Politischer Aschermittwoch", *Historisches Lexikon Bayerns*, available at: https://www.historisches-lexikon-bayerns.de/Lexikon/Politischer_Aschermittwoch (accessed 08.07.2020).
- 2. "Politischer Aschermittwoch CSU 2018", *Youtube*, available at: https://www.youtube.com/watch?v=7mSYWNo-OJ4 (accessed 07.06.2022).
- 3. "Politischer Aschermittwoch CSU 2019", *Youtube*, available at: https://www.youtube.com/watch?v=dCok2NKIV4c (accessed 07.06.2022).
- 4. "Politischer Aschermittwoch CSU 2020", *Youtube*, available at: https://www.youtube.com/watch?v=qw1RE_Cjzml (accessed 07.06.2022).
- 5. Norman, B.Yu. (1987), *Yazyk: znakomyi neznakomets* [Language: familiar stranger], Vyshejsh. shk., Minsk, USSR.

- 6. *Kul'tura russkoj rechi: enciklopedicheskij slovar'-spravochnik* [Russian speech culture: encyclopedic dictionary-reference book] (2003), in Ivanova, L.Yu., Skovorodnikova, A.P., Shiryaeva, E.N. et al. (eds.), Flinta: Nauka, Moscow, RUS.
- 7. Il'yasova, S.V. and Amiri, L.P. (2012), *Yazykovaya igra v kommunikativnom prostranstve SMI i reklamy* [Language game in the communicative space of mass media and advertising], Flinta: Nauka, Moscow, RUS.
- 8. Sannikov, V.Z. (1999), *Russkij yazyk v zerkale yazykovoj igry* [Russian language in the mirror of the language game], Yazyki slavyanskoj kul'tury, Moscow, RUS.
- 9. Hanina, E.A. (2014), "Manipulative nature of the use of language game in German political discourse", *Philology & Human*, no. 3, pp. 102–109.
- 10. Polyakova, L.S. and Suvorova, E.V. (2018), "The tactics of language game in political communication", *Kazan Science*, no. 11, pp. 174–176.
- 11. Maslova, V.A. (2008), "Political Discourse: Language Games or Playing Words?", *Political Linguistics*, no. 1 (24), pp. 43–47.
- 12. Shamsutdinova, A.I. (2011), "Use of language games in political discourse", *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedeniy (Kyrgyzstan)*, no. 1, pp. 333–335.
- 13. Hanina, E.A. (2016), "The manipulative nature of the language game (based on the material of German political discourse", Can. Sci. (Philology) Thesis, Southern Federal Univ., Rostov-on-Don, RUS.
- 14. *Statista Research Department*, available at: https://de.statista.com/statistik/daten/studie/2739/umfrage/ansicht-zu-den-wichtigsten-problemen-deutschlands/ (accessed 07.03.2021).
- 15. Ljubin, V.P. (2018), "A crucial year 2017: Political parties and elections in Germany", *Current problems of Europe*, no. 2, pp. 37–61.
- 16. Timoshenkova, E.P. (2018), "Elections to the Bundestag: New Challenges Old Solutions", *Contemporary Europe*, no. 2, pp. 29–39. DOI: http://dx.doi.org/10.15211/soveurope220182939.
- 17. Belov, V.B. (2018), "The internal and external aspects of the migration crisis in Germany", *Scientific and Analytical Herald of the Institute of Europe RAS*, no. 4, pp. 49–55. DOI: http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran420184955.
- 18. Timoshenkova, E.P. (2018), "Why Merkel refused the post of Chairman of the CDU Party", *Scientific and Analytical Herald of the Institute of Europe RAS*, no. 6, pp. 65–70. DOI: http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran620189.
- 19. Yudina, T.V. (2019), "The process of «Political center» search: New profiles of the German parties and the struggle for the concept", *Current problems of Europe*, no. 4, pp. 55–78. DOI: 10.31249/ape/2019.04.04.
- 20. Rigert, B. and Koval', I. (2019), *The main thing about the results of the elections to the European Parliament*, available at: https://p.dw.com/p/3J9Hp (accessed 07.03.2021).
- 21. Vol'f, E.M. (1985), *Funktsional'naya semantika otsenki* [Functional semantics of evaluation Introduction to speech impact], Nauka, Moscow, USSR.
- 22. Sternin, I.A. (2001), *Vvedenie v rechevoe vozdeistvie* [Introduction to Speech Impact], Izd-vo VGU, Voronezh, RUS.
- 23. Sukhikh, S.A. (2001), *Pragmalingvisticheskoe modelirovanie kommunikativnogo protsessa* [Pragmalinguistic modeling of the communicative process], Etika: Enciklopedicheskij slovar', Moscow, RUS.
- 24. Voznesenskaya, Yu.V. (2010), "Speech strategies of conflict in German political communication (based on the parliamentary debates in the Bundestag)", Can. Sci. (Philology) Thesis, St Petersburg Univ, St Petersburg, RUS.
- 25. Issers, O.S. (1999), *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoj rechi* [Communicative strategies and tactics of Russian speech], Om. gos. un-t, Omsk, RUS.
- 26. Kovrigina, E.A. (2010), "Communicative strategy of self-presentation in the Internet interview discourse", Can. Sci. (Philology) Thesis, Kemerovo State Univ., Kemerovo, RUS.
- 27. Zigmann, Zh.V. (2003), "The structure of modern political discourse: speech genres and speech strategies", Abstract of Can. Sci. (Philology) dissertation, Lomonosov Moscow State Univ., Moscow, RUS.

- 28. Van Dijk, T.A. (1989), *Yazyk. Poznanie. Kommunikaciya* [Language. Cognition. Communication], Transl., in Gerasimov, V.I. (ed.), Progress, Moscow, USSR.
- 29. Rubleva, E.V. (2006), "Linguopragmatic aspects of political telediscussion", Can. Sci. (Philology) Thesis, Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, RUS.
- 30. Parshina, O.N. (2005), "Strategies and tactics of speech behavior of the modern political elite of Russia", Dr. Sci. (Philology) Thesis, Saratov State Univ., Saratov, RUS.
- 31. Kryachkova, A.P. (2020), "Culturally marked vocabulary as a method of speech strategies in the political discourse of Germany", *Linguistics & Polyglot Studies*, vol. 6, no. 4, pp. 25–35. DOI: https://doi.org/10.24833/2410-2423-2020-4-24-25-35.
- 32. Pogorel'skaya, S.V. (2003), *Joshka Fisher: politicheskij portret* [Joschka Fischer: political portrait], RAN INION, Moscow, RUS.
- 33. Wolf, G. (2012), "Laptop und Lederhose", *Historisches Lexikon Bayerns*, 07.09.2012, available at: https://www.historisches-lexikon-bayerns.de/Lexikon/Laptop_und_Lederhose (accessed 29.06.2021).
- 34. Lyubin, V.P. and Krumm, R. (eds.) (2013), *Das Politiklexikon*, Transl. by Lyubin, V.P. and Elizar'eva, M.A., Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya, Moscow, RUS.
- 35. Chigasheva, M.A. (2016), "Deonims as a pecularity of the media political discourse in Germany and Russia", *Vestnik of Moscow State Linguistic Univ. Humanities*, iss. 2 (765), pp. 50-59.
- 36. Chigasheva, M.A. (2017), "Terminological aspect of political discourse in the German media", *RUDN J. of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 8, no. 2, pp. 358–366. DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-2-358-366.

Information about the authors.

Mariya A. Yelizaryeva – Can. Sci. (Philology) (2017), Associate Professor at the Department of German, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, 76 Vernadsky avn., Moscow 119454, Russia. The author of 21 scientific publications. Area of expertise: language contacts, bilingualism, language picture of the world, cognitive semantics.

Aleksandra P. Kryachkova – Can. Sci. (Philology) (2019), Lecturer at the Department of German, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, 76 Vernadsky avn., Moscow 119454, Russia. The author of 8 scientific publications. Area of expertise: cognitive linguistics, linguo-pragmatics, discourse analysis, political linguistics.

No conflicts of interest related to this publication were reported. Received 30.06.2022; adopted after review 06.09.2022; published online 23.12.2022.

Оригинальная статья УДК 811.111 http://doi.org/10.32603/2412-8562-2022-8-6-157-174

Английский как язык межнационального общения в Европе

Георгий Андреевич Дёмин¹, Любовь Александровна Ульяницкая^{2⊠}

^{1, 2}Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия

¹dga97@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-4680-2557 ²⊠ulianitckaia_liubov@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-0163-3243

Введение. На протяжении нескольких десятилетий английский язык укреплял свои позиции в качестве языка лингва франка при международном общении. Актуальность исследования обусловлена рассмотрением английского языка с позиций контактной вариантологии и в контексте постепенно формирующегося нового варианта английского языка – евроанглийского. Цель данной работы состоит в рассмотрении социополитических предпосылок в усилении роли английского языка для внутриевропейского общения, а также в попытке объяснить значимость Брюсселя для этого процесса.

Методология и источники. Материалом исследования стали научные публикации отечественных и зарубежных лингвистов, социолингвистов (Д. С. Бородина, З. Г. Прошина, Б. Качру, Д. Кристал, Э. Эдвардс), а также опубликованные интервью с европейскими политиками и общественными деятелями (Мишель Герен, Паскаль Смет, Свен Гатц). В данной работе используются метод синтеза и анализа, описательный метод, сравнительно-языковой анализа.

Результаты и обсуждения. Повсеместное использование английского языка в Европе привело к созданию нескольких смешанных языковых вариантов, а внутриевропейская коммуникация на английском языке присваивает последнему статус языка наднационального общения. Бельгия рассматривается как центр формирования этого нового языкового варианта, что объясняется представительством значительного количества международных организаций и корпораций в Брюсселе. Непростая языковая ситуация в Бельгии в условиях конкурентности французского и нидерландского языков находит своеобразное разрешение в регулярном обращении к английскому, который некоторые активисты предлагают сделать третьим официальным языком Брюссельского столичного региона. Евроанглийский уже приобрел ряд характерных лексических, морфосинтаксических и фонетических черт, а после выхода из Европейского союза Великобритании имеет серьезные шансы продолжить оформляться в самостоятельный языковой вариант без «присмотра» и контроля носителей английского языка.

Заключение. Существование вариантов английского языка предполагает сохранение уникальности каждой нации, в которой они используются, а также обогащение языка, из которого эти варианты образованы. Постепенное формирование евроанглийского доказывает наличие множества ситуаций профессиональной и бытовой коммуникации, при которой представители разных европейских наций находят общий язык – английский.

© Дёмин Г. А., Ульяницкая Л. А., 2022

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License. This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ключевые слова: английский язык, евроанглийский, языковая ситуация, Бельгия, Брюссель

Для цитирования: Дёмин Г. А., Ульяницкая Л. А. Английский как язык межнационального общения в Европе // ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 6. С. 157–174. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-6-157-174.

Original paper

English as the Lingua Franca in Europe

Georgiy A. Demin¹, Liubov A. Ulianitckaia^{2⊠}

^{1,2}Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia ¹dga97@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-4680-2557 ²⊠ulianitckaia_liubov@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-0163-3243

Introduction. Throughout several decades, English has been strengthening its position as lingua franca in international communication. The relevance of the given study is justified by the examination of the English language from the perspective of contact variantology and in the context of gradually emerging new version of English – Euro-English. The aim of the presented work is to consider the socio-political prerequisites for the strengthening of the English language role for intra-European communication, as well as to try to explain the significance of Brussels for this process.

Methodology and sources. Scientific publications of domestic and foreign linguists, sociolinguists (D.S. Borodina, Z.G. Proshina, B. Kachru, D. Crystal, E. Edwards), as well as interviews with European politicians and public figures (Michel Guerin, Pascal Smet, Sven Gatz) all comprise the research material. The method of synthesis and analysis, descriptive method, comparative language analysis is used in the process of work on this article.

Results and discussion. The widespread usage of English in Europe has led to the creation of several mixed language variants and intra-European communication in English gives the latter the status of a supranational communication language. Belgium is seen as the center for the formation of this new language variant, which is explained by the representation of a significant number of international organizations and corporations in Brussels. In the context of the competition between French and Dutch, the difficult linguistic situation in Belgium finds a peculiar resolution in the regular use of English which some activists propose to make the third official language of the Brussels-Capital Region. Euro-English has already acquired several characteristic lexical, morphosyntactic and phonetical features, whilst the withdrawal of Great Britain from the European Union has provided serious possibilities for Euro-English to continue its formation as an independent language variant free from "care" and control of English native speakers.

Conclusion. The existence of the English language variants involves the preservation of uniqueness for each nation where these are used, as well as the enrichment of the language from which these variants are derived from. Gradual formation of Euro-English confirms the presence of high number of professional and everyday communications under which the representatives of various European nations find common language – and that is English.

Keywords: English language, Euro-English, language situation, Belgium, Brussels

For citation: Demin, G.A. and Ulianitckaia, L.A. (2022), "English as the Lingua Franca in Europe", *DISCOURSE*, vol. 8, no. 6, pp. 157–174. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-6-157-174 (Russia).

Введение. Процесс распространения английского языка, раздающийся эхом с колониальных времен, с течением времени только усиливается. Данное обстоятельство укореняет

место английского как одного из главных языков мира. Помимо эмпирического восприятия, об этом также свидетельствуют статистические данные.

Так, на 2015 г. английский язык занимал третье место в мире по количеству носителей, для которых он являлся родным, с отметкой в 527 млн человек. При этом английский был самым изучаемым языком мира: в 2015 г. его осваивали около 1,5 млрд человек [1].

При изменении критериев подсчета англоговорящих картина меняется. Исследование 2021 г., учитывающее данные в отношении как носителей определенного языка, так и тех, для кого этот язык является вторым, выявило, что английский язык стал наиболее употребляемым: на нем говорят около 1,4 млрд человек [2].

При этом английский также является лидером по количеству стран, в которых он используется для коммуникации: по состоянию на 2015 г. он выступал в этом качестве в 101 стране. Несмотря на выход Великобритании из Евросоюза, английский язык остается официальным, рабочим языком организации и ее институтов [3]. В 19 странах-участницах Союза самый используемый язык – английский. Больше всего он распространен в Германии, Нидерландах, Швеции, Дании, Норвегии, Финляндии, Бельгии, Польше и Австрии, где англоговорящее население составляет приблизительно от 61,6 до 71,5 % от общего населения каждой из упомянутых стран [4].

В цифровом пространстве английский язык также занимает лидирующую позицию: в январе 2020 г. около 26 % всех пользователей Всемирной сети выбирали этот язык в качестве языка коммуникации. Возможная причина таких показателей заключается в том, что США и Индия, обладающие наибольшим после Китая числом пользователей Интернета, также являются самыми крупными англоговорящими странами мира [5]. В связи с этим подавляющее количество информации, имеющейся в Интернете, представлено на английском языке. Более того, пользователи из неанглоязычных стран, исходя из удобства, также предпочитают использовать этот язык. Таким образом, английский становится общим языком коммуникации между людьми разных национальностей.

Методология и источники. Для изучения процессов, связанных с контактной вариантологией английского языка, а также для выявления степени сформированности европейского варианта английского языка и попытки определения его европейского центра были изучены труды отечественных и зарубежных лингвистов, социолингвистов, таких как Д. С. Бородина [6], М. Г. Кочетова [7], З. Г. Прошина [8], Б. Качру [9], Д. Кристал [10], Э. Эдвардс [11]. Авторы изучили статистические данные, брошюры по языковой ситуации и языковой политике в Бельгии для иностранцев, сайты, предлагающие билингвальные образовательные программы. Были проанализированы опубликованные статьи и тексты интервью с политиками и общественными деятелями по поводу роли английского языка в межнациональном общении в Европе в периодических изданиях Brusselstimes, Debatingeurope, Euractiv, Le Monde, Slate. В качестве методов исследования в настоящей работе используются метод синтеза и анализа, описательный метод, сравнительно-языковой анализ.

Результаты и обсуждение. Процесс интернационализации экономики в Европе, начавшийся во второй половине XX в., способствовал становлению английского языка как главного корпоративного языка европейских государств. Ряд крупных скандинавских компаний выбрали английский в качестве средства письменной и устной коммуникации между своими составными элементами. Существует мнение, что такое решение было вызвано желанием европейских компаний выйти на большее количество рынков, а также ростом числа транснациональных корпораций. В настоящее время для получения высокооплачиваемой должности на подобных предприятиях требуется владение английским языком [12, с. 12].

Важно упомянуть положение английского языка в научной сфере. Считается, что его широкое употребление в науке объясняется сосредоточением значительной части научного потенциала в Соединенных Штатах после Второй мировой войны. Это позволило США стать центром в области публикации, хранения и распространения научно-технической информации [12, с. 10].

Научные журналы, которым отдается предпочтение в индексировании с целью дальнейшего включения в цифровые базы данных, создаются преимущественно на английском языке. Немаловажен тот факт, что в США наблюдается высокая концентрация научных баз данных, среди которых – ряд влиятельных (Annual Reviews, AMS Journals, EBSCO и др.).

Доля английского языка в европейских банках научных данных выше, чем у всех остальных языков. Превосходство английского наблюдается также в его широком употреблении в различных формах научной деятельности. По причине интернационализации науки английский часто избирается языком, на котором проводятся симпозиумы, конгрессы, конференции и прочие подобные мероприятия.

Европейское научное сообщество предпочитает проводить исследования, публиковаться и взаимодействовать между собой на английском: в частности, научно-образовательные программы ЕС полностью проводятся на этом языке [12, с. 10–11].

На основании изложенного представляется возможным заключить, что несмотря на то, что английский язык не является самым употребляемым языком по количеству носителей, именно он распространен практически во всех сферах жизни: от экономического сектора до науки.

Высокий процент использования в Интернете позволяет сделать вывод о том, что молодое население мира и Европы в частности, предпочитает английский своим родным языкам. В свою очередь, это позволяет полагать, что шансы установления английского языка как государственного в ряде стран Европы оправданы.

Сам язык при детальном рассмотрении не является абсолютно однородным в каждой из стран, где он используется. К тому же такие страны, как США и Великобритания, уже определенное количество времени не владеют монополией на английскую речь. Гарри Эбботт, один из авторов журнала World Language English, сформулировал мысль о том, что английский язык принадлежит всем тем, кто способен успешно им пользоваться, независимо от того, являются ли определенные индивиды его носителями или нет [13].

Британский филолог Дэвид Кристал считает, что глобальное распространение языка способствует возникновению производных от него вариантов — это явление получило название контактной вариантологии языка. Существует мнение, согласно которому плюроцентричность языка зависит от фактора наличия его вариантов. Иными словами, в случаях осуществления коммуникации представителями нескольких национальных сообществ посредством одного определенного языка такой язык можно считать плюроцентрическим. Поэтому можно заключить, что английский язык носит плюроцентрический характер [10, с. 142].

Ранее упомянутые варианты английского в некоторой степени схожи с его диалектами на территории Англии и Северной Америки, за исключением того, что варианты обладают большим влиянием и иногда выходят за государственные границы: носителями вариантов выступает значительно большее число говорящих.

Дэвид Кристал полагает, что желание граждан отдельного государства подчеркнуть уникальность своей страны и обозначить свою принадлежность к ней представляется одной из причин возникновения вариантологии английского языка. Возможная причина такого глобального распространения английского в том, что, с одной стороны, жители разных стран способны обеспечить коммуникацию между собой, несмотря на разную этническую, лингвистическую принадлежность, но, с другой стороны, могут и хотят сохранить идентичность своей культуры и народности [10, с. 142].

Процесс распространения английского языка сильно ускорился в конце 60-х гг. XX в., однако начался, как уже было упомянуто ранее, во времена колониального правления Великобритании. На рубеже XIX и XX вв. укреплению этой тенденции начинает содействовать возрастающее влияние США. Доминирование этих государств сохраняется и в XX в. во многом благодаря экономическому превосходству Америки, что способствует распространению английского языка по всей планете [8, с. 18–19].

Технологический прогресс и сопутствующие ему процессы требуют единого языка общения, понятного во всех уголках земли. За счет исторического укоренения и повсеместного использования английский язык применяется в сферах науки, транспорта, туризма, культуры и других [8, с. 20]. По мнению З. Г. Прошиной, еще одним фактором, объясняющим широкое употребление английского, выступает его грамматика, считающаяся сравнительно простой. В то же время история английского языка показывает, что он довольно часто заимствовал новые морфологические и синтаксические формы, что «способствует появлению новых слов, их ассимиляции в структуре языка» [8, с. 23–24].

Трансформация «изначального» языка при возникновении его варианта носит многоуровневый характер: изменения происходят на уровне фонетики, лексики, грамматики, словаря, а также в коде языка, зависимом от социокультурных факторов регионов, в которых происходит возникновение варианта.

Теория вариантологии английского языка получила название World Englishes Paradigm. Данная теория была основана лингвистами Браджем Качру и Ларри Смитом и, несмотря на попытки других лингвистов создать свои модели и теории вариантологии, самой распространенной считается теория трех концентрических кругов Б. Качру. Он предлагает систематизацию всех существующих вариантов английского языка по трем типам. Отнесение варианта к тому или иному типу осуществляется на основе критерия изначальной принадлежности той или иной страны к английскому языку. Среди других критериев – исторический контекст английского, его статус и функции в каждой отдельной стране.

Первый тип, также известный как внутренний круг, представлен странами, на территории которых английский язык является родным, главенствующим и официальным, в некоторых случаях являясь единственным подобным языком на территории конкретной страны как с точки зрения функциональности, так и своей позиции.

Ко второму типу – внешнему кругу – относятся страны, куда английский был занесен в колониальный период и впоследствии стал развиваться своим обособленным путем, что в свою очередь привело к возникновению вариантов. Этот тип английского выполняет функцию второго официального языка, выступая языком бизнеса, обучения, общения, культуры, СМИ и других сфер.

Последним типом является расширяющийся круг стран, в которых английский язык функционально ограничен. Основная функция английского в них – роль инструмента коммуникации между представителями различных культур и наций [9].

Важно отметить, что варианты языка могут быть мобильными, т. е. границы между кругами не являются строгими, и конкретный вариант с течением времени может менять кругили быть на стыке нескольких кругов.

Теория Качру о вариантологии подвергалась критике за отсутствие четких границ между типами вариантов английского. Также критиковалась опора на государственность при разграничении кругов [8, с. 39].

Возникновение неологизмов и слов-реалий, являющееся следствием смешения английского с разнообразными культурами и народностями, по мнению некоторых ученых и общественных деятелей, может привести к размытию идентичности и представлять угрозу языковой гомогенности. Дробление языка на чрезмерно большое количество вариантов представляется опасным, так как варианты могут лишиться базовых и общих черт, из-за чего сам язык, в конечном счете, потеряет свою основную функцию – функцию коммуникации.

Тем не менее схема Браджа Качру остается наиболее релевантной при изучении вариантологии английского языка. Многие лингвисты отмечают, что установка приоритета на вариативность, являющаяся безусловной чертой нашего мира, придает данной концепции устойчивость. В то же время англоцентрический подход и монополия какой-либо нации или страны на язык автоматически означает отсутствие межнационального статуса у данного языка. Более того, рост численности населения является еще одним фактором, обеспечивающим рассредоточенность английского языка за пределами стран внутреннего круга.

В силу исторических и социокультурных факторов к XXI в. сложились известные варианты английского языка – британский, американский (США), канадский, австралийский, новозеландский и индийский. Но все более заметным становится повсеместное использование английского языка в различных целях в ряде европейских стран.

Так, например, Д. С. Бородина определяет английский как надэтнический язык для стран Скандинавии, представляющих собой единый языковой континуум распространения английского языка, которое происходит в специфических для этого региона культурно-языковых условиях. К основным аспектам влияния английского на скандинавские языки выделяют заимствование англоязычной лексики, переключение кодов и даже потерю национальными языками целых предметных областей (например, в деятельности крупных компаний, в университетской коммуникации, научных исследованиях). При этом лингвистка подчеркивает, что взаимодействие английского и национальных языков в Дании, Швеции и Норвегии проявляется в двух аспектах: повсеместное использование англицизмов в дискурсе скандинавов на национальном языке и формирование национального варианта английского языка в условиях интерферирующего влияния национального языка на английский язык [6].

Другой европейской страной, активно использующей английский в повседневном общении практически наравне с национальным языком, являются Нидерланды. В процессе взаимодействия нидерландского и английского сформировался вариант английского языка, получивший название Nederengels (Nederlands + Engels), обозначающий употребление в нидерландском языке английских слов и конструкций, типичных для английского языка. Относительно небольшая территория распространения нидерландского языка на протяжении долгого времени находилась в тесном контакте со множеством других языков, особенно с французским и немецким. Однако вследствие глобального распространения англофонной культуры, масс-продуктов и медиаконтента на английском языке, последний практически вытеснил другие не национальные языки из Нидерландов. Приведем цитату нидерландского лингвиста и эсперантиста Марка ван Остендорпа: «Голландцы переходят от статуса многоязычного народа, гордящегося владением 33 языками, к статусу двуязычного народа, который горд своим знанием английского» (прим. – здесь и далее переводы авторов статьи) [11].

Элисон Эвардс в своей докторской диссертации перечисляет следующие сферы и тенденции в использовании английского языка в повседневной жизни нидерландцев [11]:

- образование на всех уровнях: дошкольное, среднее, высшее, с откровенной направленностью к созданию образовательных программ в высшей школе полностью на английском языке; Нидерланды предлагают наибольшее количество англоязычных бакалаврских и магистерских программ среди всех стран континентальной Европы;
- научная деятельность: несмотря на то, что нидерландский академический мир высказывается, скорее, за ведение научной работы на нидерландском языке, реалии современной жизни требуют от него все более частого обращения к английскому; принуждение к переходу на этот язык было отмечено и профессором амстердамского университета Томасом Вессенсом: «Все ученые нуждаются в финансировании своих научных проектов. Если вы публикуетесь только на нидерландском языке, финансирование прекращается. Безусловно, тем самым на молодых ученых оказывается большое давление» [11];
- торговля и бизнес: поскольку Нидерланды сильно зависимы от внешней торговли, английский язык является более чем обязательным условием при приеме на работу владение им подразумевается априори; уже в 1987 г. исследование степени использования иностранных языков в сфере бизнеса показало, что 800 самых крупных компаний в Нидерландах среди всех иностранных языков обращаются в первую очередь к английскому; главные нидерландские компании имеют двуязычные веб-страницы, а компании, нацеленные на международное взаимодействие используют английский в качестве первого рабочего языка; многие компании (Aegon, Philips, Shell) публикуют ежегодный отчет только на английском языке:
- реклама: английский широко используется в сфере рекламы на телевидении, радио, в печатной продукции, при производстве упаковки товаров, создании названий торговых марок и компаний и их слоганов;
- телевидение и кино: данные исследований говорят о том, что от 40 до 60 % программ, показываемых по нидерландским каналам, идут на английском языке, зачастую без нидерландских субтитров; в кинотеатрах практически всегда зарубежные фильмы показываются на языке оригинала с нидерландскими субтитрами.

Похожие ситуации наблюдаются и в сферах радио, музыки, информационных технологий, интернета, СМИ [11].

Не обощел процесс слияния английского с национальным языком и одну из самых пуристических в языковых вопросах стран Европы — Францию. Этот смешанный идиом получил название Franglais. Французский и английский языки боролись весь XX в. за звание языка международного общения, за мировое доминирование. В свое время Франция пыталась внедрить французский язык в качестве единственного рабочего языка Европейского союза. В начале 1970-х гг. Франция дважды налагала вето на вступление Великобритании в Евросоюз, причиной этому (наряду с прочими соображениями) была боязнь появления конкурентного рабочего языка. И несмотря на то, что французский является одним из официальных языков ООН, ЕСПЧ, ЕС и несет на себе печать прошлых веков как языка дипломатии, нужно признать, что английский на сегодняшний день лидирует по частоте использования при интернациональной коммуникации. Присоединение к Европейскому Союзу Финляндии, Австрии, Швеции в 1995 г. еще более ослабило позиции французского, так как эти страны используют в качестве средства межнационального общения английский язык.

Сам термин «франгле» был впервые введен французским ученым Рене Этьемблом, который в 1960 г. издал книгу "Parlez-vous franglais?" («Говорите ли вы на франгле?»). В ней автор призывал французскую аудиторию того времени чаще обращаться к французским идиомам вместо распространенных тогда англицизмов. Французская академия – учреждение, регулирующее языковые вопросы, борющееся за сохранение «чистого» французского языка, пытается не допустить проникновения в него английских заимствований, довольно жестко и принципиально выступает за использование именно французского языка во всех сферах общественной деятельности. На своем сайте Французская академия регулярно публикует статьи, в которых критикует обращение к англицизмам, предлагает альтернативные французские варианты. Так, в статье под названием «Для кого эти англицизмы...» говорится: «Думаем ли мы, что наши итальянские, испанские или немецкие друзья приезжают во Францию, чтобы полакомиться пиццей, паэльей или квашеной капустой? Ишут ли они Мост Вздохов, Алькасар Толедо или Бранденбургские ворота? Конечно нет! Поверить в это означало бы игнорировать их любопытство и жажду открытий. Мы также держим пари, что если бы они хотели посетить страну, где они могли бы встретить crew, summer show, walldrawings, groove, fashion week, brow bar, etc на вывесках, a также на муниципальных афишах, то они бы отправились в англоязычные страны. Будем уверены в способности этих туристов любить язык страны, в которой они находятся, и будем уверены, что эту любовь разделяют и местные, которые, возможно, тоже пожелают, чтобы все это было написано на языке Мольера» [14].

Однако, несмотря на все старания, Французская академия не может полностью предотвратить обращение к английскому языку в повседневной коммуникации французов. В статье "Franglais et anglicismes: quand le français se met à parler anglai"» («Франгле и англицизмы: когда француз начинает говорить по-английски») во французской газете Slate приводятся следующие примеры переключения на английский язык в речи французов: show-biz, talk-show, news, buzz, one-man-show, best-of, zapping/zapper, best-seller, hit-parade, happy hour, open-bar, brunch/bruncher, low-cost, freelance, bisiness plan, matcher, one to one, leadership,

workflow, feedback, challenge, checker ses mails, forwarder un mail, deadline, brainstorming, offshore, garden-party, laptop, uploader, downloader, playlist, hype, pitch, coming-out, top (génial), fake, speed dating и др. [15]. Эти примеры касаются медиа, шоу-бизнеса, спорта, досуга, деловых отношений, политики, технологий, Интернета и информатики, обычной повседневной жизни, наполненной реалиями англофонного мира.

Распространение английского языка по континентальной Европе привело к созданию и других «гибридных» идиомов – спанглиш, денглиш, грикглиш и др.

Особняком в этом смысле среди европейских стран стоит Бельгия, в которой английский смешивается не с одним национальным языком, а сразу с тремя: французским, нидерландским и немецким, которые при этом соседствуют с десятком миноритарных языков и сотнями диалектов, находящихся в постоянном контакте между собой.

Согласно статистическим данным на 2021 г., по уровню владения английским языком среди населения Бельгия находится на 6 месте из 112 стран (в 2019 г. она занимала в этом рейтинге 13 место, в 2020 – 9 место), при том что при подобной классификации не стран, а регионов Фламандский регион Бельгии находится на 5 месте, Валлония – на 25, а столичный регион Брюсселя – на 12, с наибольшим количеством баллов за тест у жителей страны в возрасте от 18 до 25 лет [16]. Интересно отметить, что у стран с наивысшим показателем уровня владения английским языком также отмечаются и самые высокие показатели в области экономических индикаторов, человеческого капитала, конкурентоспособности, внедрения инноваций, социальной мобильности, гендерного равенства, заботы об окружающей среде, свободе слова и прессы.

Повсеместное использование английского языка бельгийцами вносит серьезные изменения в языковой ландшафт страны, а также напрямую влияет на цифры, отображающие количество носителей французского, нидерландского и немецкого языков в Бельгии.

Так, на сегодняшний день едва ли будет внушительным количество бельгийцев, проживающих во Фландрии или Валлонии, говорящих на третьем официальном языке своей страны — немецком. Когда сегодняшние подростки закончат обучение в высших учебных заведениях, для них английский станет первым языком общения, французский — вторым (так как Фландрия лучше владеет французским, чем Валлония нидерландским), а нидерландский — третьим. Хотя и эти константы должны пошатнуться, ведь чем больше валлоны изучают английский язык, тем меньше причин у фламандцев изучать французский.

В Бельгии сегодня остаются только три провинции, в которых степень знания второго национального языка остается выше знания английского: Валлонский Брабант, Фламандский Брабант и Западная Фландрия, граничащая с Францией. Повсюду, включая Брюссель, знание английского языка идет наравне с французским или нидерландским либо английский даже обгоняет второй национальный, пусть и в качестве неродного языка [17].

Но не стоит думать, что вся Бельгия озабочена лишь вопросами освоения английского языка. Для Фландрии и Валлонии остается важным сохранение своих национальных языков и мотивирование переезжающих в их регионы иностранцев изучать местные официальные языки. Так, например, в брошюре, созданной специально для приезжающих в Vlaamse Rand (так называемая Брюссельская периферия, включающая в себя 19 фламандских муниципалитетов), даются подробные разъяснения по языковым принципам, принятым в этом регионе.

Среди прочего в брошюре упоминается, что из-за процесса урбанизации муниципалитеты вокруг Брюсселя теряют свой привычный жизненный уклад, идет уменьшение количества жителей сельских местностей, а вместе с ним и традиционно говорящих на нидерландском языке жителей региона. Муниципалитеты Vlaamse Rand на окраинах пытаются регулировать этот процесс и поощряют некоренных жителей изучать нидерландский язык, позволяя молодым нидерландоязычным жителям найти жилье по более доступной цене, чем не говорящим на нидерландском [18].

Безусловно, Брюссельский столичный регион имеет свои особенности в вопросах языковой политики. Весьма показательными являются доля исконно бельгийского (по происхождению) населения в любой бельгийской провинции и Брюсселе и процент жителей страны небельгийско-европейского и неевропейского происхождения. Во всех фламандских и валлонских провинциях «коренные бельгийцы» превышают 80 %, а в Брюсселе их всего 44 %. Жители неевропейского происхождения не достигают 10 % ни в одной из бельгийских провинций, хотя при этом они составляют треть населения Брюсселя. Подобные условия сосуществования представителей разных наций сами собой подразумевают частое обращение к английскому языку как к лингва франка, и, пожалуй, распространение английского языка не только неизбежно, но в какой-то степени желательно, чтобы удовлетворить насущную потребность в общем языке, который был бы не монополизирован небольшой элитой, а широко распространен во всех слоях населения [19].

В противовес подобному принятию статуса английского языка в Бельгии хотелось бы привести мнение философа Мишеля Герена, который едко критикует повсеместное использование английского в европейской дипломатии и называет его «политическим мазохизмом», который лишает дара речи членов Европарламента. Как аргумент против обращения к английскому языку Мишель Герен напоминает о том, что «...лишь для 1,5 % членов ЕС (ирландцев и мальтийцев) английский язык является родным, и их вес в Европарламенте менее 20 депутатов из 705, поэтому, когда Урсула фон дер Ляйен произносит речь на английском языке, она де-факто обращается к американцам и англичанам гораздо больше, чем к европейцам» [20].

Однако необходимо упомянуть, что, начиная с 2010 г., в Брюсселе активно развивается гражданская инициатива под названием Marnix Plan (план Марникса). Идеологическая основа плана — необходимость изучать три официальных языка: французский, нидерландский и английский. Одной из задач проекта для многоязычного Брюсселя является разработка методики последовательного изучения нескольких языков для всех слоев населения, сочетая приоритет французского, нидерландского и английского с поощрением культурной интеграции языков приезжающих в столицу иностранцев. Эти мероприятия потребуют не только изменений в образовательных программах, но и единой языковой политики на государственном уровне. Для поддержки проекта существует веб-сайт, проводятся публичные мероприятия, направленные на поощрение внимания к языкам и их изучению [21].

В свете запуска этой программы Паскаль Смет, фламандский министр образования, говорит о том, что «...в течение следующих двадцати лет английский, несомненно, будет доминировать в мире, и если Брюссель хочет стать международной столицей, то он должен пойти еще дальше и объявить английский язык официальным языком города...» [22].

План Магпіх координируют Алекс Хаузен (профессор прикладной лингвистики и декан факультета литературы и философии Свободного университета Брюсселя), Филипп Ван Парэйс (приглашенный профессор UCLouvain) и Нелл Фостер (педагогический консультант и преподаватель английского языка в Свободном университете Брюсселя, докторант по социолингвистике в Гентском университете). Инициатива получила грант от бельгийского Фонда короля Бодуэна. В остальном этот план полностью зависит от добровольного сотрудничества людей, убежденных в необходимости сделать население Брюсселя более многоязычным и желающих внести в это свой вклад [21].

На сегодняшний день во Фландрии использование нидерландского языка в системе высшего образования является обязательным для бакалавриата и магистратуры. Однако все больше занятий проводится на другом языке (часто на английском). Тем не менее экзамен по предметам, преподаваемым на иностранном языке, студенты всегда имеют право сдавать на нидерландском. На сайте, где перечислены актуальные образовательные программы для высшей школы во Фландрии, насчитывается свыше 400 программ, которые преподаются полностью на английском языке [23].

Также существует ряд СМИ, освещающих новостную повестку Фландрии на английском языке. Например, Flandersnews – англоязычный новостной сайт Фламандского общественного радио (VRT). Этот сайт представляет на английском языке основные бельгийские и международные текущие события. Fans of Flanders – программа Фламандского общественного телевидения (VRT), предлагает информацию на английском языке о жизни и текущих событиях во Фландрии с оттенком юмора. У Fans of Flanders также есть обширный веб-сайт, на котором представлены короткие развлекательные фильмы и еженедельный информационный бюллетень. Xpats.com – англоязычный новостной сайт крупнейшей бельгийской медиагруппы. Он предназначен для международного сообщества в Бельгии и освещает различные темы, такие как бельгийские новости, европейские дела, политика, экономика и образ жизни, не говоря уже о советах по шопингу, жилью, кино, ресторанам и обширному календарю событий. Flanders Today - бесплатная ежедневная газета на английском языке. Это еженедельное издание, которое внимательно следит за новостями во Фландрии и публикует статьи об экономике, науке, спорте, искусстве и культуре всей Фландрии. У Flanders Today есть веб-сайт на английском языке и еженедельный информационный бюллетень [24].

На сайте интернациональных школ в Брюсселе есть объявления о 12 учебных заведениях, предоставляющих дошкольное и полное среднее образование по билингвальной программе на французском и английском языках [25].

Свен Гатц, брюссельский министр по продвижению многоязычия, также говорит о необходимости модернизировать закон, по которому Брюссельский столичный регион является двуязычным (французский и нидерландский языки), и сделать так, чтобы английский считался одним из основных языков в Брюсселе. Исследования брюссельских университетов показывают, что с экономической точки зрения английский язык начал играть значимую роль, поскольку рынок труда столицы Евросоюза все больше зависит от людей, свободно владеющих этим языком. Согласно последним результатам исследования BRIO (2018), которое в течение 20 лет отслеживало использование и знание языков в Брюсселе, число

жителей, хорошо владеющих английским, превысило число жителей, владеющих нидерландским языком [26].

Английский как более нейтральный помогает уменьшить соперничество между двумя официальными языками и поэтому может считаться не помехой, а источником успеха. Свен Гатц разработал и представил парламенту Брюсселя в 2019 г. многоязычную политику для реализации различных инициатив по дальнейшему стимулированию одновременного использования французского, нидерландского и английского языков. Тем не менее внесение этих изменений на федеральном уровне является более сложным вопросом, поскольку может привести к возобновлению языковой вражды, объяснил Гатц, добавив, что «уже есть много людей, которые говорят, что мы должны сначала выучить языки друг друга, прежде чем отдавать предпочтение английскому языку» [27]. В то время как потребность в большем количестве английского языка в официальном общении растет как среди политиков, так и среди граждан, изменение может быть сделано только Федеральной палатой представителей или Федеральной палатой правительства [27].

В процессе коммуникации к английскому языку естественным образом обращаются жители практически всех европейских стран, возможно, уже постепенно формируя новый вариант английского языка – общеевропейский. Видимых лингвистических оснований для такого вывода у исследователей еще нет, но можно быть уверенными, что если такой вариант и сложится в ближайшие десятилетия, то у его истоков будет стоять Бельгия, являющая своеобразным политическим и социокультурным центром Европы, ведь именно в Брюсселе находятся штаб-квартира Евросоюза и Европарламент, офис НАТО, секретариат стран Бенилюкса. Также в Брюсселе базируется множество других международных и европейских организаций, таких как Европейское сотрудничество в области науки и технологии, Совет нотариатов Европейского союза, Европейский совет химической промышленности, Европейский фондовый центр, Европейское общество инженерного образования, Европейская ассоциация университетов, Международная ассоциация ЛГБТ+ и многие другие профессиональные, экономические, политические и социальные объединения. Это разнообразие международных объединений в центре Европы безусловно вносит свой вклад в укрепление статуса английского как языка наднационального общения и может привести к постепенному формированию европейского варианта английского языка.

Одной из версий того, как может выглядеть европейский английский в будущем, является представление о его упрощении, ведь для большинства европейцев, говорящих на английском языке, он не является родным. Депутат Европарламента от «зеленых» Терри Рейнтке описывает это так: «Евроанглийский – это повседневная пиджин-версия языка, на котором говорят люди, работающие в учреждениях ЕС, – смесь жаргона, британского английского, английского языка, на котором говорят не носители языка, со всеми присущими ему причудами и распространенными ошибками, и терминами, заимствованными из 23 других официальных языков со всего блока» [28].

Одним из аргументов в пользу создания европейского английского является факт выхода из Евросоюза Великобритании, которая до этого на протяжении многих лет способствовала распространению именно британского варианта английского языка, воздействовала на образовательные программы по английскому языку в учебных заведениях Европы.

Теперь же в Евросоюзе не осталось влиятельных структур, которые могли бы продолжать работу по защите структурной целостности британского варианта английского языка в Европе перед лицом конкуренции не только со стороны американского английского, но и со стороны ненативных носителей языка.

Предположим, что европейцы, работающие в аппарате ЕС, продолжат использовать разговорный английский не только на официальных встречах, но и в повседневном общении, при переписке, создании документации. При этом у них не будет в окружении нативных носителей, на которых можно было бы равняться при выборе той или иной языковой формы. Вместо этого ненативные носители будут вынуждены полагаться исключительно на свои собственные знания английского языка как иностранного (что вряд ли можно считать надежным источником исключительно верного знания о языке), или, по возможности, на поддержку коллег, чье использование английского на уровне первого или второго иностранного языка также не может считаться надежным источником правильности.

Более того, при решении конкретных языковых вопросов, таких как, например, какое правило правописания использовать, европейцы вполне могут обсуждать плюсы и минусы двух основных систем, не подвергаясь влиянию англичан, и вполне вероятно, что американская система правописания окажется более востребованной. А тот факт, что около 70 % англофонных пользователей сети Интернет обращаются именно к американской норме, еще больше усиливает аргументы в пользу ее повсеместного применения в Европе. Возможно также, что европейцы, как американцы в начале 1800-х гг., а затем австралийцы в 1980-х и 1990-х гг., решат создать свой собственный словарь. Такие рассуждения, по всей вероятности, были бы немыслимы при участии Великобритании.

В своей статье «English in a post-Brexit European Union» («Английский язык в Европейском союзе после брексита») Марко Модиано предлагает разделить лексическую специфику использования английского языка в континентальной Европе на две основные категории: специфическая терминология, используемая в аппарате ЕС, которая имеет ограниченное распространение среди населения в целом (Eurospeak), и те лексические единицы, идиомы, пословицы и выражения, которые более или менее культурно специфичны для континентальной европейской культуры и находятся в процессе освоения и принятия большим количеством людей. Примерами первых являются такие термины, как subsidiarity (название принципа, согласно которому юридические декреты должны приниматься как можно ближе к конкретному гражданину), Berlaymont (означающий бюрократию), conditionality (подразумевающий условия), eventual (использующийся как синоним возможного) и semester (представляющий шесть месяцев). Примеры вторых: the four freedoms (четыре свободы единого европейского рынка или внутреннего рынка, которые являются условиями для обеспечения свободного движения товаров, капитала, услуг и граждан в пределах EC), Schengen land («шенгенская земля» – государства-члены, не требующие национальных паспортов от граждан EC) и unity through diversity («единство через разнообразие» – девиз Европейского союза).

Помимо лексических инноваций, английский язык претерпевает и некоторые грамматические изменения. Одним из примеров является обобщение или расширение -ing формы в таких высказываниях, как "I am coming from Spain", что в других стандартизованных вариантах английского языка было бы простым настоящим временем "I come from Spain".

Такие фразы, как "we were five people at the party", или "we were five people вместо there were five people at the party", или "five people were there", также становятся все более обычным явлением.

В произношении, помимо региональных вариаций акцентов, восходящих к родному языку носителей, в наши дни также наблюдается процесс, в результате которого отдельные слова наделяются звуковой формой, не характерной для «стандартизированного английского». Например, слово cooperation произносится многими в континентальной Европе как /kɔ:pəˈreɪʃən/, а слово unique— как /ˈju:nɪk/ [29].

М. Г. Кочетова в своей статье, посвященной евроанглийскому, перечисляет следующие особенности этого языкового варианта: создание псевдокалек и псевдозаимствований: fitness, например, имеет значение фитнес-клуб, dancing – танцевальная площадка, smoking – смокинг, dressman – мужской манекен; слияние значений разных английских слов, как, например, possibility – вероятность, вариант, и opportunity – предоставленная возможность, удобный случай, шанс. В результате этого различные по значению слова употребляются взаимозаменяемо; чрезмерно употребляются короткие «универсальные» английские глаголы, такие как do, take, put, make и др.; фонетика демонстрирует значительное упрощение произношения отдельных сугубо английских звуков и их сочетаний, замену некоторых фонем, как, например, $[\delta]$ и $[\theta]$ на более простые; происходит размывание границ между короткими и длинными гласными звуками, акцентирование слов на первый слог и в целом несколько замедленный темп речи. Среди морфосинтаксических особенностей: неупотребление окончания -s с глаголами третьего лица единственного числа; употребление Past Simple Tense (простого прошедшего времени) вместо Present Perfect Tense (настоящего совершенного времени); «потеря», т. е. неупотребление герундия; чрезмерное или, наоборот, недостаточное употребление артиклей; более простая относительно английского языка структура предложений [7].

Вопрос о правомерности унификации спорадически проявляющихся отклонений от британской нормы в английском языке европейцев, в частности бельгийцев, и о том, не стоит ли остановиться на уже сформировавшихся смешанных вариантах типа Franglais и Nederengels, остается до настоящего времени открытым.

Заключение. По результатам проведенного исследования представляется возможным заключить, что контактная вариантология английского языка приписывает ему функции, которые при первом рассмотрении противоречат друг другу. С одной стороны, наличие вариаций языка не отменяет тех общих базовых черт, которые устанавливают коммуникацию между представителями различных этнических и языковых сообществ. С другой стороны, существование вариантов предполагает сохранение уникальности каждой из нации, в которой они используются, а также обогащение языка, из которого эти варианты образованы.

С помощью английского языка граждане Европы обрели возможность общаться со всем миром, и именно это чувство принадлежности к глобальному сообществу является основной причиной, по которой неисконные европейцы, как, например, китайцы и другие жители Азии, выбирают английский язык в качестве лингва франка. Очередной виток объединения Европы на фоне геополитических событий, выход Великобритании из Евросоюза, расширяющаяся глобализация и продолжающиеся миграционные процессы могут стать основ-

ными факторами для создания в ближайшем будущем нового варианта английского языка – евроанглийского. За этим шагом следует еще более острый вопрос: выступит ли Брюссель в качестве центра формирования этого нового английского языка и подтвердит ли тем самым свой негласный статус столицы Европы?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1. Noack R., Gamio L. The world's languages, in 7 maps and charts // The Washington Post. 23.04.2015. URL: https://www.washingtonpost.com/news/worldviews/wp/2015/04/23/the-worlds-languages-in-7-maps-and-charts/ (дата обращения: 20.02.2022).
- 2. Szmigiera M. The most spoken languages worldwide 2021 // Statista. URL: https://www.statista.com/statistics/266808/the-most-spoken-languages-worldwide/ (дата обращения: 20.02.2022).
- 3. Languages // European Union. URL: https://european-union.europa.eu/principles-countries-history/languages_en (дата обращения: 21.02.2022).
- 4. English Speaking Countries in Europe // Architekst. URL: https://www.architekst.com/blog/english-speaking-countries-in-europe (дата обращения: 21.02.2022).
- 5. Johnson J. Most common languages used on the internet 2020 // Statista. URL: https://www.statista.com/statistics/262946/share-of-the-most-common-languages-on-the-internet/ (дата обращения: 20.02.2022).
- 6. Бородина Д. С. Функционирование английского языка в Скандинавии: дискурсивно-коммуникативный аспект: дис. ... д-ра философ. наук / КубГУ. Краснодар, 2018.
- 7. Кочетова М. Г. Евро-английский язык как межнациональный феномен в контексте европейской мультилингвальности / Филологические науки. Вопросы теории и практики // 2015. № 9 (51), ч. 2. С. 108–110.
- 8. Прошина 3. Г. Контактная вариантология английского языка: проблемы теории. М.: ФЛИНТА, 2017.
- 9. Kachru B. World Englishes: approaches, issues and resources // Language Teaching. 1992. Vol. 25., iss. 1. P. 1–14. DOI: https://doi.org/10.1017/S0261444800006583.
 - 10. Crystal D. English as a Global Language, 2nd ed. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2003.
- 11. Edwards A. English in the Netherlands Functions, forms and attitudes. 2014. URL: https://web.archive.org/web/20160304222138/https://alisonedwardsdotcom.files.wordpress.com/20 12/04/phd-thesis_edwards.pdf (дата обращения: 15.09.2022).
 - 12. Truchot C. Key aspects of the use of English in Europe. Strasbourg: Marc Bloch Univ., 2002.
 - 13. Abbott G. Editorial // World Language English. Pergamon Press. 1981. Vol. 1, no. 1. P. 1-4.
- 14. Pour qui sont ces anglicismes // Dictionnaire de l'Académie française. URL: https://www.dictionnaire-academie.fr/article/DNP0472 (дата обращения: 10.09.2022).
- 15. Cziffra M. Franglais et anglicismes: quand le français se met à parler anglais // Slate. URL: http://www.slate.fr/story/69533/francais-anglais-angliscismes-franglais (дата обращения: 10.09.2022).
- 16. The world's largest ranking of countries and regions by English skills // EF EPI. URL: https://www.ef.com/wwen/epi/ (дата обращения: 10.09.2022).
- 17. Van Parijs Ph. Bruxelles capitale de l'Europe: les nouveaux défis linguistiques // Brussels Studies. 2007. No. 6. DOI: https://doi.org/10.4000/brussels.403.
- 18. Ten questions from newcomers about the language use in the Vlaamse Rand // Living in translation. URL: https://www.livingintranslation.be/ (дата обращения: 10.09.2022).
- 19. Recueil des actes. Les anglicismes: des emprunts à intérêt variable? URL: https://www.oqlf.gouv.qc.ca/opale/201711_recueil-actes-colloques2016.pdf (дата обращения: 10.09.2022).
- 20. Guérin M. Que l'anglais soit la langue de l'entente européenne relève de l'aberration // Le Monde. 09.10.2021. URL: https://www.lemonde.fr/idees/article/2021/10/09/que-l-anglais-soit-la-langue-de-lentente-europeenne-releve-de-l-aberration 6097712 3232.html (дата обращения: 10.09.2022).

- 21. Le plan Marnix pour Bruxelles multilingue. URL: https://www.marnixplan.org/fr?lang=fr (дата обращения: 10.09.2022).
- 22. Lejeune M. L'anglais devrait être une langue officielle de Bruxelles // Euractiv. 25.10.2013. URL: https://www.euractiv.fr/section/langues-culture/news/l-anglais-devrait-etre-une-langue-officielle-debruxelles/ (дата обращения: 10.09.2022).
- 23. Programmes // Study in Flander. URL: https://www.studyinflanders.be/programmes (дата обращения: 10.09.2022).
- 24. Comment faire pour rester le mieux au courant de l'actualité belge? // Living in translation. URL: https://www.livingintranslation.be/comment-faire-pour-rester-le-mieux-au-courant-de-lactualite-belge (дата обращения: 10.09.2022).
- 25. International Schools in Brussels. URL: https://internationalschoolsinbrussels.be/fr/ecoles-bilingues/ (дата обращения: 10.09.2022).
- 26. Rudi Ja. BRIO-taalbarometer 4: De talen van Brussel // BRIO. 2018. URL: https://www.briobrussel.be/node/14763 (дата обращения: 15.09.2022).
- 27. Walker L. 'Can't ignore English': Belgium needs to re-think languages, says Sven Gatz // The Brussels Times. 06.03.2021. URL: https://www.brusselstimes.com/news/belgium-all-news/159479/important-role-english-language-in-brussels-no-longer-ignored-sven-gatz-minister-multilingualism-belgium-vub-ulb-brio-parliament (дата обращения: 15.09.2022).
- 28. Should the EU adopt "Euro English" as its official working language? // Debating Europe. URL: https://www.debatingeurope.eu/2021/04/23/should-the-eu-adopt-euro-english-as-its-official-working-language/#.Y0MFiHZBzIW (дата обращения: 15.09.2022).
- 29. Modiano M. English in a post-Brexit European Union // World Englishes. 2017. Vol. 36, iss. 3. P. 313–327. DOI: https://doi.org/10.1111/weng.12264.

Информация об авторах.

Дёмин Георгий Андреевич – аспирант кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор 2 научных публикаций. Сфера научных интересов: языковая интерференция, социолингвистика, языковые контакты.

Ульяницкая Любовь Александровна – кандидат филологических наук (2019), доцент кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор более 50 научных публикаций. Сфера научных интересов: языковая политика, социолингвистика, языковые контакты, языковая интерференция.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось. Поступила 19.09.2022; принята после рецензирования 19.10.2022; опубликована онлайн 23.12.2022.

REFERENCES

- 1. Noack, R. and Gamio, L. (2015), "The world's languages, in 7 maps and charts", *The Washington Post*, 23.04.2015, available at: https://www.washingtonpost.com/news/worldviews/wp/2015/04/23/the-worlds-languages-in-7-maps-and-charts/ (accessed 20.02.2022).
- 2. Szmigiera, M. "The most spoken languages worldwide 2021", *Statista*, available at: https://www.statista.com/statistics/266808/the-most-spoken-languages-worldwide/ (accessed 20.02.2022).
- 3. "Languages", *European Union*, available at: https://european-union.europa.eu/principles-countries-history/languages_en (accessed 21.02.2022).
- 4. "English Speaking Countries in Europe", *Architekst*, available at: https://www.architekst.com/blog/english-speaking-countries-in-europe (accessed 21.02.2022).

- 5. Johnson, J. "Most common languages used on the internet 2020", *Statista*, available at: https://www.statista.com/statistics/262946/share-of-the-most-common-languages-on-the-internet/(accessed 20.02.2022).
- 6. Borodina, D.S. (2018), "The functioning of the English language in Scandinavia: a discursive-communicative aspect", Dr. Sci. (Philosophy) Thesis, KubSU, Krasnodar, RUS.
- 7. Kochetova, M.G. (2015), "Euro-English language as an international phenomenon in the context of European multilingualism", *Philology. Theory & Practice*, no. 9 (51), part 2, pp. 108–110.
- 8. Proshina, Z.G. (2017), *Kontaktnaya variantologiya anglijskogo yazyka: Problemy teorii* [Contact variantology of the English language: Problems of theory], Fllinta, Moscow, RUS.
- 9. Kachru, B. (1992), "World Englishes: approaches, issues and resources", *Language Teaching*, vol. 25, iss. 1, pp. 1–14. DOI: https://doi.org/10.1017/S0261444800006583.
 - 10. Crystal, D. (2003), English as a Global Language, 2nd ed., Cambridge, Cambridge Univ. Press, UK.
- 11. Edwards, A. (2014), *English in the Netherlands Functions, forms and attitudes*, available at: https://web.archive.org/web/20160304222138/https://alisonedwardsdotcom.files.wordpress.com/2012/04/phd-thesis_edwards.pdf (accessed 15.09.2022).
 - 12. Truchot, C. (2002), Key aspects of the use of English in Europe, Marc Bloch Univ., Strasbourg, FRA.
 - 13. Abbott, G. (1981), "Editorial", World Language English, vol. 1, no. 1, pp. 1–4.
- 14. "Pour qui sont ces anglicismes", *Dictionnaire de l'Académie française*, available at: https://www.dictionnaire-academie.fr/article/DNP0472 (accessed 10.09.2022).
- 15. Cziffra, M. "Franglais et anglicismes: quand le français se met à parler anglais", *Slate,* available at: http://www.slate.fr/story/69533/francais-anglais-angliscismes-franglais (accessed 10.09.2022).
- 16. "The world's largest ranking of countries and regions by English skills", *EF EPI*, available at: https://www.ef.com/wwen/epi/ (accessed 10.09.2022).
- 17. Van Parijs, Ph. (2007), "Bruxelles capitale de l'Europe: les nouveaux défis linguistiques", *Brussels Studies*, no. 6. DOI: https://doi.org/10.4000/brussels.403.
- 18. "Ten questions from newcomers about the language use in the Vlaamse Rand", *Living in translation*, available at: https://www.livingintranslation.be/ (accessed 10.09.2022).
- 19. Recueil des actes. Les anglicismes: des emprunts a intérêt variable?, available at: https://www.oqlf.gouv.qc.ca/opale/201711_recueil-actes-colloques2016.pdf (accessed 10.09.2022).
- 20. Guérin, M. (2021), "Que l'anglais soit la langue de l'entente européenne relève de l'aberration", *Le Monde*, 09.10.2021, available at: https://www.lemonde.fr/idees/article/2021/10/09/que-l-anglais-soit-la-langue-de-l-entente-europeenne-releve-de-l-aberration_6097712_3232.html (accessed 10.09.2022).
- 21. Le plan Marnix pour Bruxelles multilingue, available at: https://www.marnixplan.org/fr?lang=fr (accessed 10.09.2022).
- 22. Lejeune, M. (2013), "L'anglais devrait être une langue officielle de Bruxelles", *Euractiv*, 25.10.2013, available at: https://www.euractiv.fr/section/langues-culture/news/l-anglais-devrait-etre-une-langue-officielle-de-bruxelles/ (accessed 10.09.2022).
- 23." Programs", *Study in Flander*, available at: https://www.studyinflanders.be/programmes (accessed 10.09.2022).
- 24. "Comment faire pour rester le mieux au courant de l'actualité belge?", *Living in translation*, available at: https://www.livingintranslation.be/comment-faire-pour-rester-le-mieux-au-courant-de-lactualite-belge (accessed 10.09.2022).
- 25. *International Schools in Brussels*, available at: https://internationalschoolsinbrussels.be/fr/ecolesbilingues/ (accessed 10.09.2022).
- 26. Rudi, Ja. (2018), "BRIO-taalbarometer 4: Detalen van Brussel", *BRIO*, available at: https://www.briobrussel.be/node/14763 (accessed 15.09.2022).
- 27. Walker, L. (2021), "Can't ignore English': Belgium needs to re-think languages, says Sven Gatz", *The Brussels Times*, 06.03.2021, available at: https://www.brusselstimes.com/news/belgium-allnews/159479/important-role-english-language-in-brussels-no-longer-ignored-sven-gatz-minister-multilingualism-belgium-vub-ulb-brio-parliament (accessed 15.09.2022).

- 28. "Should the EU adopt "Euro English" as its official working language?", *Debating Europe*, available at: https://www.debatingeurope.eu/2021/04/23/should-the-eu-adopt-euro-english-as-its-official-working-language/#.Y0MFiHZBzIW (accessed 15.09.2022).
- 29. Modiano, M. (2017), "English in a post-Brexit European Union", World Englishes, vol. 36, iss. 3, pp. 313–327. DOI: https://doi.org/10.1111/weng.12264.

Information about the authors.

Georgiy A. Demin – Postgraduate at the Department of Foreign Languages, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of 2 scientific publications. Area of expertise: language interference, sociolinguistics, language contacts.

Liubov A. Ulianitckaia – Can. Sci. (Philology) (2019), Associate Professor at the Department of Foreign Languages, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of more than 50 scientific publications. Area of expertise: language policy, sociolinguistics, language contacts, language interference.

No conflicts of interest related to this publication were reported. Received 19.09.2022; adopted after review 19.10.2022; published online 23.12.2022.

Оригинальная статья УДК 81'367.7 http://doi.org/10.32603/2412-8562-2022-8-6-175-195

Новый взгляд на нулевое подлежащее в английском языке

Ибрагимова Эльвина Юрьевна¹, Шульженко Татьяна Владимировна², Шумков Андрей Арнольдович^{3⊠}

^{1, 2, 3}Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия

¹elvinal98@mail.ru, ²tvs007@bk.ru, ³⊠noizen@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-7326-4371

Введение. В вопросах к подлежащему традиционно предполагается, что таковым является вопросительное слово или словосочетание. С логической точки зрения это неверно, поскольку в таких предложениях подлежащее еще только разыскивается, а вопросительное слово или словосочетание лишь «помогают» в поисках. В английском языке эта ситуация маркируется различными синтаксическими средствами, например, отсутствием вспомогательного глагола. Также в вопросах к подлежащему встречается формальная частица there, однако вопрос о ее функциях на сегодняшний день остается открытым. В связи с этим целью работы является построение формально-логической модели подлежащего в вопросительном английском предложении, включая разыскиваемые подлежащие, в том числе с частицей there.

Методология и источники. Методология исследования основана на идее двухчастности, разрабатываемой с 1993 г. в СПбГЭТУ «ЛЭТИ» с применением метода формально-логического моделирования. Примеры, иллюстрирующие особенности функционирования разыскиваемого подлежащего в английском вопросительном предложении, получены методом сплошной выборки из 7 корпусов.

Результаты и обсуждение. Разнообразие структур подлежащего в английском вопросительном предложении рассмотрено с учетом функций формальной частицы there. Поддерживается предположение, что имплицитное подлежащее является «следом» эксплицитного подлежащего и не может считаться абсолютно нулевым. Разыскиваемое подлежащее признается нулевым абсолютно, т. е. инэксплицитным; ставится вопрос о необходимости уточнения понятия нулевого подлежащего с различением имплицитного и инэксплицитного подлежащих.

Заключение. Вне зависимости от своего окружения разыскиваемое подлежащее в английском языке является абсолютно нулевым, т. е. инэксплицитным. Наиболее часто оно представляет собой сильный или слабый пустой семифинитив, зафиксированный в слабом уточнителе, или, реже, слабый пустой семифинитив, зафиксированный в сильном уточнителе. Подлежащее в вопросительных предложениях английского языка не может быть эксплицитным или имплицитным в тех случаях, когда оно разыскивается; вспомогательный глагол в отсутствие эмфазы или отрицания не исчезает, а претерпевает преобразование во флексию. В структуре отрицательных вопросительных предложений отражается их повышенная и, по существу, максимальная энергетика.

© Ибрагимова Э. Ю., Шульженко Т. В., Шумков А. А., 2022

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License. This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ключевые слова: английский язык, нулевое подлежащее, вопросительное предложение, модели языка, идея двухчастности, семифинитив

Для цитирования: Ибрагимова Э. Ю., Шульженко Т. В., Шумков А. А. Новый взгляд на нулевое подлежащее в английском языке // ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 6. С. 175–195. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-6-175-195.

Original paper

A New Approach to the Zero Subject in English

Elvina J. Ibragimova¹, Tatyana V. Shulzhenko², Andrey A. Shumkov³⊠

^{1,2,3}Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

¹elvinal98@mail.ru, ²tvs007@bk.ru,

^{3⊠}noizen@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-7326-4371

Introduction. For "subject question" it is traditionally presumed, that the subject in it is the interrogative word or word combination. From logical point of view it is not correct, because the subject in such sentence is not yet found, and the interrogative word or word combination just "help" in searching for it. In English, it is marked by different syntactic means, for example, by the absence of the auxiliary verb. Also in subject question a formal particle "there" shows up; however, its functions are still unclear. That is why the objective of this work is to build a formal logical model of subject in interrogative English sentence, including the searched subjects, without or with the particle "there".

Methodology and sources. The research methodology is based on the binomiality idea, having been developed since 1993 at ETU "LETI" by means of the method of formal-logical modelling. The examples illustrating the functional features of the searched subject in English interrogative sentence were selected by means of the method of continuous sampling from 7 corpora.

Results and discussion. The diversity of subject structures in English interrogative sentence is considered, taking into account possible functions of the formal particle "there". The assumption is supported, that the implicit subject is a "trace" of the explicit subject and may not be considered as the absolute zero subject. It is the searched subject, which is an absolute zero subject, i.e. an inexplicit one and it is necessary to initiate specifying the notion of the zero subject with distinction of implicit and inexplicit subjects.

Conclusion. Out of dependence on its environment, the searched subject in English is an absolute zero subject, i.e. an inexplicit one. Most often it is a strong or weak vacant semifinitive, fixed in the weak specifier, or, rarer, a weak vacant semifinitive, fixed in the strong specifier. In interrogative sentences of English, no subject can be explicit or implicit when it is searched for; the auxiliary verb in the absence of emphasis or negation does not disappear, but is transformed into a flexion. In the structure of negative interrogative sentences one can see their enhanced (and, actually, maximum) energetics.

Keywords: English, zero subject, interrogative sentences, language models, binomiality idea, semifinitive

For citation: Ibragimova, E.J., Shulzhenko, T.V. and Shumkov, A.A. (2022), "A New Approach to the Zero Subject in English", *DISCOURSE*, vol. 8, no. 6, pp. 175–195. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-6-175–195(Russia).

Введение. В традиционной грамматике считается, что в вопросительных предложениях типа «Кто меня слушает?» («Какая девушка меня слушает?») и «Что меня заботит?»

(«Какие проблемы меня заботят?») подлежащим следует признавать, соответственно, элементы «кто», «какая девушка», «что» и «какие проблемы». Предложение в такой трактовке не утрачивает свою предикативность, поскольку формально можно говорить о полноценности подлежащно-сказуемостной пары, особенно в случае вопросительных словосочетаний. Именно вопросительные словосочетания сбивают грамматистов с толку. В самом деле, в предложении «Какая девушка меня слушает?» высокая информативность вопросительного словосочетания может привести к ошибочному признанию его подлежащим. Однако с логической точки зрения в предложениях вышеуказанного типа подлежащее еще только разыскивается, а вопросительное слово или словосочетание лишь «помогают» в поисках. В пределах предложения «Какая девушка меня слушает?» известно, что разыскивается девушка, но эту девушку еще не нашли; даже если увеличивать информативность вопросительного словосочетания и спрашивать, например, «Какая красивая и умная девушка меня слушает?», круг поиска сужается, но девушка по-прежнему не найдена.

В английском языке эта ситуация маркируется отсутствием вспомогательного глагола: «Who listens to me?» («Which girl listens to me?») и «What worries me?» («What problems worry me?»), причем в правилах особо подчеркивается, что вопрос задается к подлежащему. Тем не менее в эмфатических конструкциях вспомогательный глагол может присутствовать: «Who does listen to me?!» («Which girl does listen to me?!») и «What does worry me?!» («What problems do worry me?!»). Его наличие обязательно также в случае глагольного отрицания (кроме отрицания глаголов be и, иногда, have): «Who does not listen to me?» («Which girl does not listen to me?») и «What does not worry me?» («What problems do not worry me?»). При глаголе be (или при глаголе, имеющем сходное лексическое значение) может появляться формальная частица there, занимающая место подлежащего: «Who is there in the room?» («Which girl is there in the room?») u «What is there in the world?» («What problems are there in the world?»); в случае глаголов, сходных с глаголом be по лексическому значению, обнаруживаются конструкции типа «Who does there seem to be in the room?» или «What problems do there arise in the world?». Также в пассивных конструкциях возможно наличие формальной частицы there: «What is there found?» или «Which solution is there found?». Однако вопрос, выполняет ли частица there функцию подлежащего, на сегодняшний день остается открытым.

В связи с этим весьма актуальным представляется рассмотрение всех случаев подлежащего в вопросительных предложениях, в том числе случаев с формальной частицей there.

В большинстве случаев подлежащее выражено эксплицитно и представляет собой ту или иную субстантивную единицу, не снабжаемую или снабжаемую другими единицами, например, «Красива ли девушка?» или «Красива ли моя девушка, которую я так люблю?». То же в английском языке: «Is my girl beautiful?» или «Is my girl, which I love so much, beautiful?». Эксплицитное подлежащее может сопровождаться формальной частицей there: «Is there a girl in the room?» или «Are there problems in the world?» (в сочетании с модальным или вспомогательным глаголом: «Can there be a girl in the room?» или «Do there exist problems in the world?»). Как уже говорилось выше, в традиционной грамматике принято считать, что в предложениях с так называемым вопросом к подлежащему подлежащим является вопросительное слово или словосочетание, т. е. в этом случае подлежащему также

приписывается эксплицитность. У нас есть не только логические, но и формальные основания полагать, что разыскиваемое подлежащее не является эксплицитным. Разыскиваемое подлежащее представляет собой абсолютно нулевое подлежащее и не имеет отношения ни к эксплицитному, ни к имплицитному подлежащему. Разыскиваемое подлежащее является полной противоположностью эксплицитному и может быть поэтому названо инэксплицитным.

Традиционно понятие нулевой синтаксической категории характеризует синтаксическую неполноту, однако с нашей точки зрения, это не совсем так. Что касается имплицитных элементов, сокрытых в глубине языковой ткани и выводимых лишь из контекста и обстоятельств дискурсивного характера, они могут быть отнесены к явлению синтаксической неполноты, будучи элементами, потенциально восстанавливаемыми до эксплицитных. Однако некоторые нулевые элементы способны обеспечивать, на наш взгляд, синтаксическую неполноту иными средствами, организуя в языковой системе «вакантные места».

Действительно, в процессе коммуникации многие высказывания содержат не только эксплицитные элементы (явные), которые выражаются при помощи языкового содержания, но и имплицитные (скрытые). Автор высказывания или текста может передавать имплицитные элементы при помощи некоторых лексических и синтаксических конструкций, которые слушатель может с легкостью преобразовывать, основываясь на своих фоновых знаниях, когнитивных особенностях, присущих его культуре, а также благодаря контексту и ситуативной информации. По мнению И. А. Стернина, для имплицитных элементов характерно «выявление содержания на основе дополнительного осмысления значения слов и выражений, входящих в высказывание, с учетом всего контекста и ситуации употребления этого высказывания» [1]. Дополнительное осмысление являет собой, на наш взгляд, процесс понимания общей коммуникативной ситуации, без которого невозможен успешный перевод.

Рассмотрим некоторые имплицитные средства выражения, используемые в речи. Практически каждое высказывание или языковое выражение можно назвать эллиптическим, т. е. содержащим эллипсис, поскольку то, что мы произносим или пишем, никогда не соответствует в полном объеме тому, что содержат наши мысли. Вследствие этого устанавливаются определенные конструкции для выражения того, что мы думаем или чувствуем, которые содержат ровно столько элементов, сколько необходимо для их понимания. Например, часто в определенном контексте нам достаточно одного слова, чтобы выразить свою мысль, тогда как в другой ситуации для выражения этой же мысли может понадобиться целое предложение.

Еще в Средние века испанский лингвист Ф. Санчес отводил значимое место для эллипсиса в своей грамматике, он определял это синтаксическое явление следующим образом: «нарушение высказывания или высказываний по отношению к правильной конструкции», т. е. любое высказывание, в котором отсутствует какой-либо компонент, обязательный для безошибочной конструкции [2]. Наличие этого явления объясняется стремлением любого языка к компрессии, так как если в потоке речи строго соблюдать все грамматические правила, то сама главная мысль может затеряться среди массивных конструкций. Тем самым эллипсис делает высказывание пригодным именно для коммуникации, для спонтанной речи.

На письме эллипсис встречается в структуре синтаксических конструкций неполных предложений. В области синтаксиса, а именно в предложении, эллипсис может определяться следующим образом: 1) пропуск того или иного члена предложения, компонента высказывания легко восстанавливаемого из контекста; 2) отсутствие какого-либо компонента высказывания легко восстанавливаемого из конкретной речевой ситуации; 3) нулевая связка [3]. Предложения с эллиптическими конструкциями существуют во всех языках мира. Они отличаются только структурными элементами эллипсиса, так как многие языки имеют разную структуру предложений. В русском и английском языках в основном встречается эллипсис подлежащего, например: «Не знаю, что и думать» – отсутствует подлежащее 1 л., ед. ч.; «Where is Dan?» – «Didn't see him» – отсутствует подлежащее 1 л., ед. ч.

В художественной литературе эллипсис играет роль стилистического средства, придавая тексту экспрессивность и динамичность. Однако в таких случаях возникает опасность трудностей в понимании письменных текстов, так как в них отсутствуют невербальные средства коммуникации, которые во многом помогают в понимании устной речи. Поэтому наиболее важным моментом в осуществлении понимания становится контекст.

Не менее частым стилистическим приемом, применяемым и в письменной и в устной речи, является опущение. Чаще всего опущение встречается при переводе с английского языка на русский, так как для английского языка в большей степени свойственна избыточность, например, употребление парных синонимов, что несвойственно русскому языку. Поэтому переводчик часто заменяет парные слова одним подходящим по смыслу словом или же «нивелирует» их описательной конструкцией.

Еще одним важным аспектом в рассмотрении языка является связь речи (речевого потока) и молчания (паузы). По сути, молчание представляет собой пропуск какого-либо слова или фрагмента фразы. В таком случае слова заменяются жестами, мимикой или другими невербальными средствами коммуникации. На письме, особенно в художественной литературе, мы часто можем встретить незаконченные предложения — автор дает нам возможность поразмыслить, додумать. Молчание не оставляет пустого места, оно встает на место слова и также имеет свой смысл и свое выражение: «Вызывающее молчание громче крика» [4].

Занимая определенное место в предложении, молчание так или иначе принимает форму слова, и будет ли это «слово» услышано, понято и верно осмыслено слушателем, зависит от множества факторов: контекст, форма общения, культурологическая составляющая. Говорящее молчание несет в себе скрытый смысл, предназначенный не для всех, и если автору удается донести свою мысль, передать полную картину высказывания, то коммуникацию можно считать успешной.

Разумеется, вышеперечисленные языковые или речевые явления часто могут вызывать недопонимание или же усложнять коммуникацию. Например, если носитель языка в ходе общения использует чрезмерное количество конструкций с имплицитными элементами, то он может остаться непонятым. Но чаще всего такие элементы делают речь более емкой, динамичной и помогают добиться такого эффекта, который не всегда может быть достигнут с помощью слов.

Общение представляет собой процесс, в котором язык является не единственным средством. Коммуникация включает в себя множество невербальных средств. Часто

имплицитные элементы, неслышимые и невидимые, содержат в себе гораздо больше смысла, чем эксплицитные. Без знания культурных особенностей того или иного народа понимание и перевод имплицитных элементов могут быть существенно затруднены.

Некоторые нулевые элементы, как мы намереваемся показать в настоящей статье, напротив, имеют универсальный характер и являются полной противоположностью эксплицитных. Такие элементы являются инэксплицитными и относятся преимущественно к подлежащему.

Эксплицитное подлежащее в английском языке может быть выражено существительным, местоимением или местоименным существительным, количественным числительным, любой субстантивированной частью речи, инфинитивом (герундием), а также различными словосочетаниями. В случае неопределенных существительных имеется разновидность эксплицитного подлежащего с формальной частицей there: «There is a girl in the room.», а в случае инфинитива (герундия) – с формальной частицей it: «It is useful to read books.». Эти случаи объясняются тем, что трансформация глубинной структуры предложения в поверхностную может быть многовариантной [5].

В повествовательных предложениях подлежащее, как правило, эксплицитно. Однако совершенно особыми являются конструкции типа «About him is said.» и «There is said about him.», где мы имеем дело с имплицитным подлежащим. Имплицитное подлежащее может встретиться и в вопросительном предложении: «How is said about him?» и «Is there said about him?».

Как было показано в [6], формальная частица there обеспечивает подлежащему частичную имплицитность. Однако частица there может маркировать и особый тип подлежащего, которое не является ни эксплицитным, ни имплицитным, а представляет собой своего рода инэксплицитное — пустое, вакантное, противоположное эксплицитному подлежащее, применяющееся для разыскивания или резервирования эксплицитного подлежащего. В той же работе был сделан вывод о том, что в английском языке подлежащее тяготеет к эксплицитности, полностью или частично. Со своей стороны, мы собираемся показать, что в некоторых вопросительных предложениях английского языка подлежащее, если оно разыскивается, является инэксплицитным (вакантным), причем инэксплицитность также может быть полной или частичной.

Методология и источники. Методология исследования основана на учете множества подходов к изучению феномена нулевого подлежащего, которые обнаруживаются в научных трудах как отечественных, так и зарубежных авторов, а также на идее двухчастности, начало разработки которой было положено в 1993 г. в СПбГЭТУ «ЛЭТИ». Вопрос об обоснованности рассмотрения разыскиваемого подлежащего как нулевого ставится в отношении английского языка, обладающего в структурном ключе наиболее «богатой» грамматикой.

Варианты нулевого подлежащего, либо неслышимого и невидимого, либо включающего в свой состав формальную частицу there, которая не обладает лексическим значением, но тем не менее является единицей, способной отмечать наличие этого подлежащего, т. е. маркером грамматического значения, послужили источником множества вопросов лингвистической и, в не меньшей степени, семантической природы [7]. Несмотря на то, что исходное рассмотрение языка начинается с грамматических (синтаксических) структур, в семантике, как правило, предпочитают изучать глобальный, надязыковой ментальный аспект, и отсутствие лексического значения в некоторых наиболее абстрактных моделях может считаться не столь существенным недостатком [8]. Только когнитивная грамматика в своем подходе предполагает единую основу для лингвистики и семантики, однако методы, которые используются в этой сфере, существенно отличаются от тех, что используются в естественных науках [9]. Дискурсология предлагает учитывать слишком широкий спектр факторов и выходит зачастую за интрасемантические рамки. До нынешнего момента не существует окончательного объяснения, почему в предложении встречаются слова, утратившие свое лексическое значение. Мы попытаемся дать принципиально новую трактовку английского подлежащего, в состав которого в некоторых случаях может входить формальная частица there [10]. Кроме того, мы намерены разделить эти случаи на три типа и различать эксплицитное, имплицитное и инэксплицитное подлежащее (последнее встречается лишь в вопросительных предложениях).

Для отыскания примеров в работе применен метод сплошной выборки, репрезентативным числом конструкций полагалось 500. Объективностьисследования обеспечиваласьобращениемкразличнымкорпусам: British National Corpus, The Bank Of English, The International Corpus Of English (Ice), Brown Corpus, Penn Treebank, Cambridge International Corpus, Icame Corpus Collection. Из этих корпусов извлекались все конструкции, которые начинаются вопросительным словом или словосочетанием и не включают в себя вспомогательный глагол do. Также отбирались вопросительные конструкции, включающие в свой состав формальную частицу there. Поскольку эта частица может функционировать и в безличных вопросительных предложениях, выборка анализировалась на предмет грамматического значения конструкций с точки зрения имплицитности и инэксплицитности. Этот анализ был возможен благодаря модели подлежащего в английском вопросительном предложении, разработанной с помощью метода формально-логического моделирования в рамках идеи двухчастности. Согласно этой идее, любой глагольный или субстантивный член предложения состоит из двух частей – уточнителя (прауточнителя) и семифинитива. Как показано в [11] и [12], модель подлежащего структурно идентична модели сказуемого, что позволяет рассматривать главные члены предложения в неразрывном единстве и говорить об их взаимодействии.

Результаты и обсуждение. Согласно основным положениям идеи двухчастности, подробно изложенным в [11], и подлежащее, и сказуемое представляют собой 5 структур:

- 1) сверхслабый семифинитив в сверхсильном уточнителе;
- 2) слабый семифинитив в сильном уточнителе:
- 3) сильный семифинитив в слабом уточнителе;
- 4) слабый семифинитив в слабом уточнителе;
- 5) сверхслабый семифинитив в слабом уточнителе.

В этих структурах следует учитывать давление временного уточнителя на субстантивный семифинитив (незначительное) и давление пространственного уточнителя на глагольный семифинитив (значительное). При увеличении давления со стороны пространственного уточнителя рельеф мембраны глагольного семифинитива становится более

плоским, и лексическое значение затемняется. Если подлежащее строится на слабом пространственном уточнителе there, допускается использование всех возможных глагольных семифинитивов. Если подлежащее строится на сильном пространственном уточнителе there, возможно использование лишь некоторых активных глагольных семифинитивов (многие из них имеют семантическое сходство с семифинитивами глагола be), но допускается использование всех пассивных глагольных семифинитивов. Если подлежащее строится на сверхсильном пространственном уточнителе it, возможно использование только семифинитивов глагола be с прилагательным или единицей, подобной прилагательному.

Сообразуясь с объемом настоящей статьи, мы будем рассматривать лишь независимые вопросительные предложения, утвердительные и отрицательные. В этих предложениях уточнители глагольного и субстантивного семифинитивов, в первую очередь, сверхсильные, во вторую – сильные, и в третью – слабые.

Возможность относительно свободного выбора одного из этих трех уточнителей позволяет нам поддерживать слабые и сверхслабые семифинитивы и выражать грамматические значения модальности и эмфазы как в сказуемом, так и в подлежащем.

Временной и пространственный элементы распределяются также в зависимости от типа предложения. В независимом вопросительном предложении, утвердительном и отрицательном, временной элемент предшествует пространственному. Как будет показано, это распределение одинаково для всех разновидностей подлежащего, включая инэксплицитные подлежащие.

Независимые вопросительные предложения можно разделить на три подтипа — в первом подтипе главная субстантивная единица известна («(Когда) девушка меня послушает?», «(Кого) слушает девушка?»), во втором подтипе подразумевается («(Что) говорят (они) о девушке?»), а в третьем подтипе разыскивается с помощью обязательного вопросительного слова или словосочетания («Кто меня слушает?», «Какие девушки меня слушают?»). Эти подтипы можно различить также по степени непустоты соответствующего субстантивного семифинитива — в первом типе семифинитив заполнен словом или словосочетанием (эксплицитное подлежащее), во втором типе «скрывает» их (имплицитное подлежащее), а в третьем типе совершенно пуст (инэксплицитное подлежащее).

Рассмотрим образование эксплицитного, имплицитного и инэксплицитного подлежащего в утвердительных и отрицательных вопросительных предложениях более подробно, учитывая очередность фиксации семифинитива в уточнителе, их взаимный баланс и оценивая давление пространственного уточнителя на глагольный семифинитив. В круглых скобках рядом с примерами будут указываться типы подлежащего (первая цифра) и сказуемого (вторая цифра). Имплицитный семифинитив обозначаем символом ϕ , а инэксплицитный – символом ϕ .

Утвердительные предложения с эксплицитным подлежащим.

Фиксация в сверхсильном пространственном уточнителе.

Структура 1. Сверхслабый субстантивный семифинитив фиксируется в сверхсильном пространственном уточнителе, отчего получается составное подлежащее, хорошо сбалансированное. Давление сверхсильного пространственного уточнителя выдерживают лишь активные семифинитивы глагола be с прилагательным или единицей, подобной прилагательному (эти семифинитивы могут быть сильными или сверхслабыми).

Сверхслабый глагольный семифинитив фиксируется в сверхсильном временном уточнителе, отчего получается составное сказуемое, хорошо сбалансированное:

(Why) can it be useful to read books? (1-1)

Сверхслабый глагольный семифинитив может также фиксироваться в слабом временном уточнителе, отчего получается составное сказуемое, плохо сбалансированное, но тем не менее существующее:

Is it useful to read books? (1-5)

Сильный глагольный семифинитив фиксируется в слабом временном уточнителе, отчего получается простое сказуемое, хорошо сбалансированное:

Is it useful to read books? (1-3)

Фиксация в сильном пространственном уточнителе.

Структура 2. Слабый субстантивный семифинитив фиксируется в сильном пространственном уточнителе, отчего получается составное подлежащее, хорошо сбалансированное. Давление сильного пространственного уточнителя выдерживают все пассивные глагольные семифинитивы, активные семифинитивы глагола be (могут быть сильными и сверхслабыми) и некоторые активные семифинитивы глагольных единиц, лексическое значение которых сходно с лексическим значением глагола be (могут быть сильными, слабыми (только простые) и сверхслабыми).

Сверхслабый глагольный семифинитив фиксируется в сверхсильном временном уточнителе, отчего получается составное сказуемое, хорошо сбалансированное:

Can there be found a solution? (2-1)

Can there be a girl in the room? (2-1)

(At which moment) will there seem to exist a solution? (2-1)

Сверхслабый глагольный семифинитив может также фиксироваться в слабом временном уточнителе, отчего получается простое сказуемое, плохо сбалансированное, но тем не менее существующее:

Is there found a solution? (2-5)

Is there a girl in the room? (2-5)

(When) has there seemed to exist a solution? (2-5)

Слабый глагольный семифинитив фиксируется в сильном временном уточнителе, отчего получается составное сказуемое, хорошо сбалансированное:

Does there seem to exist a solution? (2-2)

Слабый глагольный семифинитив в слабом временном уточнителе не фиксируется.

Сильный глагольный семифинитив фиксируется в слабом временном уточнителе, отчего получается простое сказуемое, хорошо сбалансированное:

Is there found a solution? (2-3)

Is there a girl in the room? (2-3)

(How long) has there seemed to exist a solution? (2-3)

Фиксация в слабом пространственном уточнителе.

Структура 3. Сильный субстантивный семифинитив фиксируется в слабом пространственном уточнителе, отчего получается простое подлежащее, хорошо сбалансированное. Давление слабого пространственного уточнителя выдерживают все глагольные семифинитивы. Сверхслабый глагольный семифинитив фиксируется в сверхсильном временном уточнителе, отчего получается составное сказуемое, хорошо сбалансированное:

Can the solution be found? (3-1)

Can my girl be in the room? (3-1)

(Up to what moment) will this solution seem to exist? (3-1)

May he love my girl? (3-1)

Сверхслабый глагольный семифинитив может также фиксироваться в слабом временном уточнителе, отчего получается составное сказуемое, плохо сбалансированное, но тем не менее существующее:

Is the solution found? (3-5)

Is my girl in the room? (3-5)

(Why) has this solution seemed to exist? (3-5)

Has <u>he</u> loved my girl? (3-5)

Слабый глагольный семифинитив фиксируется в сильном временном уточнителе, отчего получается составное сказуемое, хорошо сбалансированное:

Does this solution seem to exist? (3-2)

(Why) did <u>he</u> love my girl? (3-2)

Слабый глагольный семифинитив в слабом временном уточнителе не фиксируется.

Сильный глагольный семифинитив фиксируется в слабом временном уточнителе, отчего получается простое сказуемое, хорошо сбалансированное:

Is the solution found? (3-3)

Is my girl in the room? (3-3)

(How long) has this solution seemed to exist? (3-3)

Has <u>he</u> loved my girl? (3-3)

Структура 4. Слабый субстантивный семифинитив также может фиксироваться в слабом пространственном уточнителе, отчего получается простое подлежащее, плохо сбалансированное, но тем не менее существующее. Давление слабого пространственного уточнителя выдерживают все глагольные семифинитивы.

Сверхслабый глагольный семифинитив фиксируется в сверхсильном временном уточнителе, отчего получается составное сказуемое, хорошо сбалансированное:

Can a solution be found? (4-1)

Can a girl be in the room? (4-1)

Will a solution seem to exist? (4-1)

(Why) may girls love me? (4-1)

Сверхслабый глагольный семифинитив может также фиксироваться в слабом временном уточнителе, отчего получается простое сказуемое, плохо сбалансированное, но тем не менее существующее:

(When) is a solution found? (4-5)

Is a girl in the room? (4-5)

(Why) has a solution seemed to exist? (4-5)

Have girls loved me? (4-5)

Слабый глагольный семифинитив фиксируется в сильном временном уточнителе, отчего получается составное сказуемое, хорошо сбалансированное:

Does a solution seem to exist? (4-2)

(How sincerely) did girls love me? (4-2)

Слабый глагольный семифинитив в слабом временном уточнителе не фиксируется.

Сильный глагольный семифинитив фиксируется в слабом временном уточнителе, отчего получается простое сказуемое, хорошо сбалансированное:

Is a solution found? (4-3)

Is a girl in the room? (4-3)

(How long) has a solution seemed to exist? (4-3)

(Why) have girls loved me? (4-3)

Структура 5. Сверхслабый субстантивный семифинитив в слабом пространственном уточнителе не фиксируется.

Отрицательные предложения с эксплицитным подлежащим.

По существу, в случае эксплицитного подлежащего отрицательные предложения строятся так же, как и утвердительные и могут быть рассмотрены более кратко. В большинстве случаев отрицается глагольный семифинитив, но отрицание возможно также с помощью слабого субстантивного семифинитива.

Фиксация в сверхсильном пространственном уточнителе.

Структура 1.

Can't it be useful to read books? (1-1)

Isn't it useful to read books? (1-5)

(Why) isn't it useful to read books? (1-3)

Фиксация в сильном пространственном уточнителе.

Структура 2.

(Why) can't there be found a solution? или (Why) can there be found no solution? (2-1)

Can't there be a girl in the room? или Can there be no girl in the room? (2-1)

Won't there seem to exist a solution? или Will there seem to exist no solution? (2-1)

Isn't there found a solution? или Is there found no solution? (2-5)

Isn't there a girl in the room? или Is there no girl in the room? (2-5)

Hasn't there seemed to exist a solution? или Has there seemed to exist no solution? (2-5)

Doesn't there seem to exist a solution? или Does there seem to exist no solution? (2-2)

Isn't there found a solution? или Is there found no solution? (2-3)

(Why) isn't there a girl in the room? или (Why) is there no girl in the room? (2-3)

Hasn't there seemed to exist a solution? или Has there seemed to exist no solution? (2-3)

Фиксация в слабом пространственном уточнителе.

Структура 3.

Can't the solution be found? (3-1)

Can't my girl be in the room? (3-1)

(When) won't this solution seem to exist? (3-1)

Mayn't he love my girl? (3-1)

Isn't the solution found? (3-5)

Isn't my girl in the room? (3-5)

Hasn't this solution seemed to exist? (3-5)

(Why) hasn't he loved my girl? (3-5)

Doesn't this solution seem to exist? (3-2)

Didn't he love my girl? (3-2)

Isn't the solution found? (3-3)

Isn't my girl in the room? (3-3)

(How long) hasn't this solution seemed to exist? (3-3)

Hasn't he loved my girl? (3-3)

Структура 4.

Can't a solution be found? или Can no solution be found? (4-1)

Can't <u>a girl</u> be in the room? или Can <u>no girl</u> be in the room? (4-1)

(When) won't <u>a solution</u> seem to exist? или (When) will <u>no solution</u> seem to exist? (4-1)

Mayn't girls love me? (4-1)

Isn't <u>a solution</u> found? или Is <u>no solution</u> found?* (4-5)

Isn't <u>a girl</u> in the room? или Is <u>no girl</u> in the room?* (4-5)

Hasn't <u>a solution</u> seemed to exist? или Has <u>no solution</u> seemed to exist?* (4-5)

(For what reason) haven't girls loved me? (4-5)

(Why) doesn't <u>a solution</u> seem to exist? или (Why) does <u>no solution</u> seem to exist? (4-2)

Didn't girls love me? (4-2) или Did no girls love me? (4-2)

Isn't <u>a solution</u> found? или Is <u>no solution</u> found?* (4-3)

Isn't a girl in the room? или Is no girl in the room?* (4-3)

Hasn't <u>a solution</u> seemed to exist? или Has <u>no solution</u> seemed to exist?*(4-3)

(Why) haven't girls loved me? (4-3)

Структура 5. Сверхслабый субстантивный семифинитив в слабом пространственном уточнителе не фиксируется.

Конструкции, помеченные знаком *, практически не используются. По всей видимости, в отрицательных вопросительных предложениях в случае слабого субстантивного семифинитива и слабых пространственного и временного уточнителей предпочтение отдается отрицанию глагольной единицы, поскольку это отрицание работает на уровне уточнителя, превышающем уровень семифинитива, и привносит в предложение должную энергетику.

Утвердительные предложения с имплицитным подлежащим.

Фиксация в сверхсильном пространственном уточнителе.

Структура 1. Сверхслабый субстантивный семифинитив фиксируется в сверхсильном пространственном уточнителе, отчего получается составное подлежащее, хорошо сбалансированное. Давление сверхсильного пространственного уточнителя выдерживают лишь активные семифинитивы глагола be с прилагательным или единицей, подобной прилагательному (эти семифинитивы могут быть сильными или сверхслабыми). Однако имплицитное подлежащее в английском языке сопровождается сказуемым, построенным на пассивных глагольных семифинивах, и рассматриваемый вариант невозможен. Как показано в [6], структура 1 заменяется структурой 3, где подлежащее эксплицитно.

Сверхслабый глагольный семифинитив фиксируется в сверхсильном временном уточнителе, отчего получается составное сказуемое, хорошо сбалансированное:

Can it be said about him? (3-1)

Сверхслабый глагольный семифинитив может также фиксироваться в слабом временном уточнителе, отчего получается составное сказуемое, плохо сбалансированное, но тем не менее существующее:

(How) is it said about him? (3-5)

Сильный глагольный семифинитив фиксируется в слабом временном уточнителе, отчего получается простое сказуемое, хорошо сбалансированное:

Is it said about him? (3-3)

Фиксация в сильном пространственном уточнителе.

Структура 2. Слабый субстантивный семифинитив фиксируется в сильном пространственном уточнителе, отчего получается составное подлежащее, хорошо сбалансированное. Давление сильного пространственного уточнителя выдерживают все пассивные глагольные семифинитивы, активные семифинитивы глагола be (могут быть сильными и сверхслабыми) и некоторые активные семифинитивы глагольных единиц, лексическое значение которых сходно с лексическим значением глагола be (могут быть сильными, слабыми (только простые) и сверхслабыми). Как уже отмечалось выше, имплицитное подлежащее сопровождается сказуемым, построенным на пассивных глагольных семифинивах.

Сверхслабый глагольный семифинитив фиксируется в сверхсильном временном уточнителе, отчего получается составное сказуемое, хорошо сбалансированное:

(Where) can there be said \(\phi \) about him? (2-1)

Сверхслабый глагольный семифинитив может также фиксироваться в слабом временном уточнителе, отчего получается простое сказуемое, плохо сбалансированное, но тем не менее существующее:

Is there said $\underline{\phi}$ about him? (2-5)

Сильный глагольный семифинитив фиксируется в слабом временном уточнителе, отчего получается простое сказуемое, хорошо сбалансированное:

Is there said ϕ about him? (2-3)

Фиксация в слабом пространственном уточнителе.

Структура 3. Сильный субстантивный семифинитив фиксируется в слабом пространственном уточнителе, отчего получается простое подлежащее, хорошо сбалансированное. Давление слабого пространственного уточнителя выдерживают все глагольные семифинитивы. Как было показано в [13], эта структура допустима лишь в случае предварения ее вопросным элементом, благодаря которому, предположительно, лексическое значение глагольного семифинитива становится более ярким, и он не выдерживает давления сильного пространственного уточнителя.

Сверхслабый глагольный семифинитив фиксируется в сверхсильном временном уточнителе, отчего получается составное сказуемое, хорошо сбалансированное:

How can ϕ be said about him? (3-1)

Сверхслабый глагольный семифинитив может также фиксироваться в слабом временном уточнителе, отчего получается составное сказуемое, плохо сбалансированное, но тем не менее существующее:

How is ϕ said about him? (3-5)

Сильный глагольный семифинитив фиксируется в слабом временном уточнителе, отчего получается простое сказуемое, хорошо сбалансированное:

How is $\underline{\acute{o}}$ said about him? (3-3)

Структура 4. Слабый субстантивный семифинитив также может фиксироваться в слабом пространственном уточнителе, отчего получается простое подлежащее, плохо сбалансированное, но тем не менее существующее. Давление слабого пространственного уточнителя выдерживают все глагольные семифинитивы.

Сверхслабый глагольный семифинитив фиксируется в сверхсильном временном уточнителе, отчего получается составное сказуемое, хорошо сбалансированное:

How can ϕ be said about him? (4-1)

Сверхслабый глагольный семифинитив может также фиксироваться в слабом временном уточнителе, отчего получается простое сказуемое, плохо сбалансированное, но тем не менее существующее:

How is $\underline{\phi}$ said about him? (4-5)

Сильный глагольный семифинитив фиксируется в слабом временном уточнителе, отчего получается простое сказуемое, хорошо сбалансированное:

How is ϕ said about him? (4-3)

Структура 5. Сверхслабый субстантивный семифинитив в слабом пространственном уточнителе не фиксируется.

Отрицательные предложения с имплицитным подлежащим.

По существу, в случае имплицитного подлежащего отрицательные предложения строятся так же, как и утвердительные и могут быть рассмотрены более кратко. Во всех случаях, разумеется, отрицается только глагольный семифинитив.

Фиксация в сверхсильном пространственном уточнителе.

Структура 1.

Can't it be said about him? (3-1)

Isn't it said about him? (3-5)

(Why) isn't it said about him? (3-3)

Фиксация в сильном пространственном уточнителе.

Структура 2.

(How) can't there be said $\underline{\phi}$ about him? (2-1)

Isn't there said $\underline{\phi}$ about him? (2-5)

Isn't there said \(\phi \) about him? (2-3)

Фиксация в слабом пространственном уточнителе.

Структура 3.

How can't ϕ be said about him? (3-1)

How isn't ϕ said about him? (3-5)

How isn't $\underline{\phi}$ said about him? (3-3)

Структура 4.

How can't $\underline{\phi}$ be said about him? (4-1)

How isn't \(\phi \) said about him? (4-5)

How isn't \(\phi \) said about him? (4-3)

Структура 5. Сверхслабый субстантивный семифинитив в слабом пространственном уточнителе не фиксируется.

Утвердительные предложения с инэксплицитным подлежащим.

Фиксация в сверхсильном пространственном уточнителе.

Структура 1. Сверхслабый субстантивный семифинитив, вследствие чрезвычайно малой прочности, не разыскивается.

Фиксация в сильном пространственном уточнителе.

Структура 2. Слабый субстантивный семифинитив фиксируется в сильном пространственном уточнителе, отчего получается составное подлежащее, хорошо сбалансированное. Давление сильного пространственного уточнителя выдерживают все пассивные глагольные семифинитивы, активные семифинитивы глагола be (могут быть сильными и сверхслабыми) и некоторые активные семифинитивы глагольных единиц, лексическое значение которых сходно с лексическим значением глагола be (могут быть сильными, слабыми (только простые) и сверхслабыми).

Сверхслабый глагольный семифинитив фиксируется в сверхсильном временном уточнителе, отчего получается составное сказуемое, хорошо сбалансированное:

What can there be found $\underline{\emptyset}$? (2-1)

Which girls can there be $\underline{\emptyset}$ in the room?* (2-1)

What will there seem to exist \emptyset ? (2-1)

Which solution will there seem to exist $\underline{\emptyset}$?* (2-1)

Сверхслабый глагольный семифинитив может также фиксироваться в слабом временном уточнителе, отчего получается простое сказуемое, плохо сбалансированное, но тем не менее существующее:

What is there found \emptyset ? (2-5)

Which girls are there ϕ in the room?* (2-5)

What has there seemed to exist \emptyset ? (2-5)

Which solution has there seemed to exist \emptyset ?* (2-5)

Слабый глагольный семифинитив фиксируется в сильном временном уточнителе, отчего получается составное сказуемое, хорошо сбалансированное:

What does there seem to exist \emptyset ? (2-2)

Which solution does there seem to exist \emptyset ?* (2-2)

Слабый глагольный семифинитив в слабом временном уточнителе не фиксируется.

Сильный глагольный семифинитив фиксируется в слабом временном уточнителе, отчего получается простое сказуемое, хорошо сбалансированное:

What is there found \emptyset ? (2-3)

Which girls are there ϕ in the room?* (2-3)

What has there seemed to exist \emptyset ? (2-3)

Which solution has there seemed to exist \emptyset ?* (2-3)

Конструкции, помеченные знаком *, используются весьма редко. Как было показано в [6], это связано с информативностью вопросного элемента — очевидно, что вопросные элементы what и who менее информативны, чем вопросные элементы which girl и which solution; в случае последних разыскиваемый субстантивный семифинитив может оказаться сильным с довольно высокой вероятностью, и подлежащее будет образовываться на слабом пространственном уточнителе.

Фиксация в слабом пространственном уточнителе.

Структура 3. Сильный субстантивный семифинитив фиксируется в слабом пространственном уточнителе, отчего получается простое подлежащее, хорошо сбалансированное. Давление слабого пространственного уточнителя выдерживают все глагольные семифинитивы.

Сверхслабый глагольный семифинитив фиксируется в сверхсильном временном уточнителе, отчего получается составное сказуемое, хорошо сбалансированное:

What can \emptyset be found? (3-1)

Which girls can $\underline{\emptyset}$ be in the room? (3-1)

What will ϕ seem to exist? (3-1)

Which solution will \emptyset seem to exist? (3-1)

Сверхслабый глагольный семифинитив может также фиксироваться в слабом временном уточнителе, отчего получается составное сказуемое, плохо сбалансированное, но тем не менее существующее:

What is \emptyset found? (3-5)

Which girls are \emptyset in the room? (3-5)

What has \emptyset seemed to exist? (3-5)

Which solution has $\underline{\phi}$ seemed to exist? (3-5)

Слабый глагольный семифинитив фиксируется в сильном временном уточнителе, отчего получается составное сказуемое, хорошо сбалансированное:

Who does ø love me?! (3-2) илиWho loves ø me? (3-3)

Which girls do \emptyset love me?! (3-2) илиWhich girls love \emptyset me? (3-3)

What does $\underline{\emptyset}$ seem to exist?! (3-2) илиWhat seems $\underline{\emptyset}$ to exist? (3-3)

Which solution does $\underline{\emptyset}$ seem to exist?! (3-2) илиWhich solution seems $\underline{\emptyset}$ to exist? (3-3)

Слабый глагольный семифинитив в слабом временном уточнителе не фиксируется.

Сильный глагольный семифинитив фиксируется в слабом временном уточнителе, отчего получается простое сказуемое, хорошо сбалансированное:

What is ø found? (3-3)

Which girls are $\underline{\emptyset}$ in the room? (3-3)

What has $\underline{\emptyset}$ seemed to exist? (3-3)

Which solution has \emptyset seemed to exist? (3-3)

Структура 4. Слабый субстантивный семифинитив также может фиксироваться в слабом пространственном уточнителе, отчего получается простое подлежащее, плохо сбалансированное, но тем не менее существующее. Давление слабого пространственного уточнителя выдерживают все глагольные семифинитивы.

Сверхслабый глагольный семифинитив фиксируется в сверхсильном временном уточнителе, отчего получается составное сказуемое, хорошо сбалансированное:

What can \emptyset be found? (4-1)

Which girls can $\underline{\emptyset}$ be in the room? (4-1)

What will ϕ seem to exist? (4-1)

Which solution will \emptyset seem to exist? (4-1)

Сверхслабый глагольный семифинитив может также фиксироваться в слабом временном уточнителе, отчего получается простое сказуемое, плохо сбалансированное, но тем не менее существующее:

What is $\underline{\emptyset}$ found? (4-5)

Which girls are \emptyset in the room? (4-5)

What has \emptyset seemed to exist? (4-5)

Which solution has $\underline{\emptyset}$ seemed to exist? (4-5)

Слабый глагольный семифинитив фиксируется в сильном временном уточнителе, отчего получается составное сказуемое, хорошо сбалансированное:

What does $\underline{\emptyset}$ love me?! (4-2) илиWho loves $\underline{\emptyset}$ me? (4-3)

Which girls do ø love me?! (4-2) илиWhich girls love ø me? (4-3)

What does $\underline{\emptyset}$ seem to exist?! (4-2) илиWhat seems $\underline{\emptyset}$ to exist? (4-3)

Слабый глагольный семифинитив в слабом временном уточнителе не фиксируется.

Сильный глагольный семифинитив фиксируется в слабом временном уточнителе, отчего получается простое сказуемое, хорошо сбалансированное:

What is $\underline{\emptyset}$ found? (4-3)

Which girls are \emptyset in the room? (4-3)

What has \emptyset seemed to exist? (4-3)

Which solution has $\underline{\emptyset}$ seemed to exist? (4-3)

Структура 5. Сверхслабый субстантивный семифинитив в слабом пространственном уточнителе не фиксируется.

Отрицательные предложения с инэксплицитным подлежащим.

По существу, в случае инэксплицитного подлежащего отрицательные предложения строятся так же, как и утвердительные и могут быть рассмотрены более кратко. Во всех случаях, разумеется, отрицается только глагольный семифинитив.

Фиксация в сверхсильном пространственном уточнителе.

Структура 1. Сверхслабый субстантивный семифинитив вследствие чрезвычайно малой прочности не разыскивается.

Фиксация в сильном пространственном уточнителе.

Структура 2.

What can't there be found $\underline{\phi}$? (2-1)

Which girls can't there be $\underline{\emptyset}$ in the room?* (2-1)

What won't there seem to exist \emptyset ? (2-1)

Which solution won't there seem to exist $\underline{\emptyset}$?* (2-1)

What isn't there found \emptyset ? (2-5)

Which girls aren't there ϕ in the room?* (2-5)

What hasn't there seemed to exist \emptyset ? (2-5)

Which solution hasn't there seemed to exist $\underline{\emptyset}$?* (2-5)

What doesn't there seem to exist \emptyset ? (2-2)

Which solution doesn't there seem to exist \emptyset ?* (2-2)

What isn't there found $\underline{\emptyset}$? (2-3)

Which girls aren't there \emptyset in the room?* (2-3)

What hasn't there seemed to exist \emptyset ? (2-3)

Which solution hasn't there seemed to exist $\underline{\emptyset}$?* (2-3)

Фиксация в слабом пространственном уточнителе.

Структура 3.

What can't $\underline{\emptyset}$ be found? (3-1)

Which girls can't \emptyset be in the room? (3-1)

What won't $\underline{\emptyset}$ seem to exist? (3-1)

Which solution won't $\underline{\emptyset}$ seem to exist? (3-1)

What isn't \emptyset found? (3-5)

Which girls aren't $\underline{\emptyset}$ in the room? (3-5)

What hasn't $\underline{\emptyset}$ seemed to exist? (3-5)

Which solution hasn't $\underline{\emptyset}$ seemed to exist? (3-5)

Who doesn't $\underline{\emptyset}$ love me?! (3-2)

Which girls don't $\underline{\emptyset}$ love me?! (3-2)

What doesn't \emptyset seem to exist?! (3-2)

Which solution doesn't $\underline{\emptyset}$ seem to exist?! (3-2)

What isn't \(\phi \) found? (3-3)

Which girls aren't \emptyset in the room? (3-3)

What hasn't $\underline{\emptyset}$ seemed to exist? (3-3)

Which solution hasn't \(\phi \) seemed to exist? (3-3)

Структура 4.

What can't ø be found? (4-1)

Which girl can't $\underline{\emptyset}$ be in the room? (4-1)

What won't \emptyset seem to exist? (4-1)

Which solution won't $\underline{\emptyset}$ seem to exist? (4-1)

What isn't $\underline{\emptyset}$ found? (4-5)

Which girls aren't \emptyset in the room? (4-5)

What hasn't \emptyset seemed to exist? (4-5)

Which solution hasn't $\underline{\emptyset}$ seemed to exist? (4-5)

Who doesn't ø love me?! (4-2)

Which girls don't $\underline{\emptyset}$ love me?! (4-2)

What doesn't $\underline{\emptyset}$ seem to exist?! (4-2)

What isn't $\underline{\emptyset}$ found? (4-3)

Which girls aren't \emptyset in the room? (4-3)

What hasn't \emptyset seemed to exist? (4-3)

Which solution hasn't $\underline{\emptyset}$ seemed to exist? (4-3)

Структура 5. Сверхслабый субстантивный семифинитив в слабом пространственном уточнителе не фиксируется.

Подлежащее в вопросительных предложениях английского языка не может быть эксплицитным или имплицитным в тех случаях, когда оно разыскивается; вспомогательный глагол в отсутствие эмфазы или отрицания не исчезает, а претерпевает преобразование во флексию. Поскольку в случае инэксплицитного и имплицитного подлежащего отрицание

субстантивной единицы невозможно, предпринимается отрицание глагольной единицы. Более того, в вопросительных предложениях отрицание глагольной единицы предпринимается и в случае эксплицитного подлежащего, построенного на слабом субстантивном семифинитиве, поскольку это отрицание работает на уровне уточнителя, превышающем уровень семифинитива, и привносит в предложение должную энергетику. Интересно отметить, что на уровне уточнителя отрицание возможно лишь во временной сфере. Это, как нам представляется, не умаляет структурных ресурсов пространственной сферы. Более того, памятуя о запрете двойного отрицания в германских языках, мы склонны предположить, что давление временного уточнителя на субстантивный семифинитив проявляется в отрицательных предложениях, как повествовательных, так и вопросительных. Отрицание временного уточнителя привносит в предложение дополнительную энергетику, и необходимость в отрицании субстантивного семифинитива отпадает.

Заключение. В языкознании было сформировано большое количество оригинальных взглядов на причины возникновения «неполноценных» подлежащих, которые в научной литературе часто именуются нулевыми или имплицитными. Представленные нами модели языка дали возможность прийти к наиболее оригинальным и, по нашему мнению, объективным выводам. Чаще всего в английских вопросительных предложениях подлежащее эксплицитно; гораздо реже оно может быть имплицитным – полностью или частично, что зависит от его окружения. Если подлежащее имплицитно полностью, оно представляет собой сильный или слабый имплицитный семифинитив, зафиксированный в слабом уточнителе. Если подлежащее имплицитно частично, оно являет собой слабый имплицитный семифинитив, зафиксированный в сильном уточнителе. Подлежащее бывает полностью имплицитным горазло реже, нежели частично имплицитным. Полное имплицирование подлежащего осуществляется посредством вопросного элемента. Частичное имплицирование подлежащего осуществляется посредством сильного уточнителя there, при этом вышеуказанный элемент не обязателен. Довольно часто в английских вопросительных предложениях встречается еще один тип подлежащего – разыскиваемое. Вне зависимости от своего окружения разыскиваемое подлежащее в английском языке является абсолютно нулевым, т. е. инэксплицитным. В большинстве случаев оно представляет собой сильный или слабый пустой семифинитив, зафиксированный в слабом уточнителе. Однако встречается также подлежащее, являющее собой слабый пустой семифинитив, зафиксированный в сильном уточнителе. Подлежащее бывает полностью инэксплицитным чаще, нежели частично инэксплицитным. Полное инэкплицирование подлежащего осуществляется посредством обязательного вопросного элемента. Частичное имплицирование подлежащего осуществляется посредством сильного уточнителя there, при этом вышеуказанный элемент по-прежнему обязателен, но должен отличаться невысокой информативностью.

В результате проведенного формально-логического моделирования можно заключить, что нулевое подлежащее в английском языке является таковым лишь в случае инэксплицитности, полной или частичной. Несмотря на то, что имплицирование подлежащего также может быть полным или частичным, имплицитное подлежащее не является нулевым. Частица there функцию подлежащего не выполняет, но иногда входит в его состав. Наличие этой частицы в подлежащем маркирует его частичную инэксплицитность или частичную имплицитность. Однако вхождение частицы there в состав разыскиваемого (инэкс-

плицитного) подлежащего зависит от информативности вопросного элемента. В состав имплицитного подлежащего частица there может входить вне этой зависимости.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1. Стернин И. А. Выявление скрытых смыслов текста и лингвистическая экспертиза // Понимание в коммуникации: Человек в информационном пространстве. Ярославль: Ярослав. гос. пед. ун-т им. К. Д. Ушинского, 2012. Т.2. С. 270–272.
- 2. Малявина Л. А. У истоков языкознания Нового времени (Универсальная грамматика Ф. Санчеса «Минерва» 1587 г.). М.: Наука, 1985.
- 3. Казенин К.И. О некоторых ограничениях на эллипсис в русском языке // Вопросы языкознания. 2007. №2. С. 92–107.
 - 4. Бибихин В. В. Язык философии. СПб.: Наука, 2007.
- 5. Бархударов Л.С. К вопросу о поверхностной и глубинной структуре предложения // Вопросы языкознания. 1973. №3. С. 50–61.
- 6. Степаненко И.С., Ульяницкая Л.А., Шульженко Т.В. К вопросу о нулевом подлежащем в английском языке // ДИСКУРС. 2021. Т.7, № 5. С. 174–194. DOI: http://doi.org/10.32603/2412-8562-2021-7-5-174-194.
 - 7. Finch G. Linguistic Terms and Concepts. NY: Palgrave Macmillan Publ., 2000.
 - 8. Chomsky N. Language and mind. NY: Cambridge Univ. Press Publ., 2006.
 - 9. Колесов В. В. Язык и ментальность. СПб.:Петербургское Востоковедение, 2004.
- 10. Shumkov A. Modeling Natural Language on Physical Concepts // 6th Intern. Conf. on Meaning and Knowledge Representation: Book of Abstracts. SPb.: Expert-legal center Publ., 2017. P. 68–69.
- 11. Ulianitckaia L. A., Shumkov A. A. The physical base of communication on natural language // IEEE Communication Strategies in Digital Society Seminar (2018 ComSDS). SPb.: ETU, 2018. P. 72–75.
- 12. Szumkow A.A. Zur Präzisierung der Begriffs Semifinitivim Sinne Zweiteiligheit // Методичні та психолого-педагогічні проблеми викладання іноземних мов на сучасному етапі: Матеріали VII науково-методичної конференції з міжнародною участю. Х.: ХНУ імені В. Н. Каразіна. 2014. Р. 154–156.

Информация об авторах.

Ибрагимова Эльвина Юрьевна — бакалавр лингвистики (2021), внештатный методист кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Сфера научных интересов: грамматика английского и арабского языков, дискурсология, методика преподавания иностранных языков.

Шульженко Татьяна Владимировна — доцент кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор более 20 научных публикаций. Сфера научных интересов: лексикология и грамматика английского языка, переводоведение, методика преподавания иностранных языков.

Шумков Андрей Арнольдович – доктор филологических наук (2009), доцент (2007), заведующий кафедрой иностранных языков Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор более 100 научных публикаций. Сфера научных интересов: грамматика германских языков, общее языкознание, модели языка, переводоведение, теория языковых контактов.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 12.09.2022; принята после рецензирования 18.10.2022; опубликована онлайн 23.12.2022.

REFERENCES

- 1. Sternin, I.A. (2012), "Identification of hidden meanings of the text and linguistic expertise", *Ponimaniye v kommunikatsii: Chelovek v informatsionnom prostranstve* [Understanding in communication: A person in the information space], vol. 2,Yaroslavl', Yaroslav. gos. ped. un-tim. K. D. Ushinskogo, RUS, pp. 270–272.
- 2. Malyavina, L.A. (1985), *U istokov yazykoznaniya Novogo vremeni (Universal'naya grammatika F. Sanchesa "Minerva" 1587 g.)* [The dawn of New Age linguistics (a universal grammar by F. Sanctius "Minerva" 1587)], Nauka, Moscow, USSR.
- 3. Kazenin, K.I. (2007), "Some constraints on ellipsis in Russian", *Voprosy Jazykoznanija*, no. 2, pp. 92–107.
 - 4. Bibikhin, V.V. (2007), Yazyk filosofii [The Language of Philosophy], Nauka, SPb., RUS.
- 5. Barkhudarov, L.S. (1973), "To a question of a surface and deep structure of the sentence", *Voprosy Jazykoznanija*, no. 3, pp. 50–61.
- 6. Stepanenko, I.S., Ulianitckaia, L.A. and Shulzhenko, T.V. (2021), "Towards the Question on the Zero Subject in English", *DISCOURSE*, vol. 7, no. 5, pp. 174–194. DOI: http://doi.org/10.32603/2412-8562-2021-7-5-174-194.
 - 7. Finch, G. (2000), Linguistic Terms and Concepts, Palgrave Macmillan, NY, USA.
 - 8. Chomsky, N. (2006), Language and mind, Cambridge Univ. Press Publ., NY, USA.
- 9. Kolesov, V.V. (2004), *Yazykimental'nost'* [Language and mentality], Peterburgskoe Vostokovedenie, SPb., RUS.
- 10. Shumkov, A. (2017), "Modeling Natural Language on Physical Concepts", *6th Intlernational Conf. on Meaning and Knowledge Representation*, SPb., Russia, 5–7 July 2017, pp. 68–69.
- 11. Ulianitckaia, L.A. and Shumkov, A.A. (2018), "The physical base of communication on natural language", 2018 IEEE Communication Strategies in Digital Society Seminar (2018 ComSDS), SPb., Russia,11 Apr. 2018, pp. 72–75.
- 12. Szumkow, A.A. (2014), "Zur Präzisierung der Begriffs Semifinitivim Sinne Zweiteiligheit", Metodichny ta psichologo-pedagogichny problem vikladannya inozemnikh mov na suchasnomu etapi: materialy VII naukovo-metodichnoy konferentsii s mizhnarodnoyu uchastiyu, KhNU imeni V.N. Karazina, Kharkiv, UA, pp. 154–156.

Information about the authors.

Elvina J. Ibragimova – Bachelor (Linguistics, 2021), part-time Methodist at the Department of Foreign Languages, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. Area of expertise: grammar of English and Arabic, discourse studies, methodology for teaching foreign languages.

Tatyana V. Shulzhenko – Associate Professor at the Department of Foreign Languages, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of over 20 scientific publications. Area of expertise: lexicology and grammar of English, translation studies, foreign language teaching methodology.

Andrey A. Shumkov – Dr. Sci. (Philology) (2009), Docent (2007), Head of the Department of Foreign Languages, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of over 100 scientific publications. Area of expertise: grammar of Germanic languages, theoretical linguistics, translation studies, language contacts.

No conflicts of interest related to this publication were reported. Received 12.09.2022; adopted after review 18.10.2022; published online 23.12.2022.

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ АВТОРАМИ

В редакцию журнала «ДИСКУРС» необходимо представить:

- по e-mail discourse@etu.ru либо на электронном носителе:
- ➤ электронную копию статьи, подготовленную согласно разделам «Правила оформления текста статьи» и «Структура научной статьи». К публикации принимаются статьи на русском и английском языках;
- ➤ каждый рисунок отдельным файлом в формате тех редакторов, в которых они были подготовлены, согласно правилам оформления. Размещение рисунка в электронной копии статьи не освобождает от его представления отдельным файлом;
 - сведения об авторах (на русском и английском языках).

Правила оформления текста статьи

Текстовый редактор – Microsoft Word версии не ниже 2003 г.

 Φ ормат бумаги – A4.

Параметры страницы: поля: верхнее 2.75 см, правое и левое по 2.25 см, нижнее 2.5 см; верхний колонтитул 1.7 см, нижний колонтитул 2 см.

Для создания формул используется редактор MathType.

Текст статьи: объем до 1 п. л. (20 000–40 000 знаков, включая пробелы), шрифт «Times New Roman» 12 pt; выравнивание по ширине; междустрочный интервал «Множитель 1.15»; автоматическая расстановка переносов.

Текст в таблицах печатается через одинарный интервал, шрифт «Times New Roman»; основной текст 10 pt, индексы 8 pt, подындексы 6 pt. Нумерационный заголовок содержит слово «Таблица» и ее номер арабскими цифрами. Номер и заглавие таблицы указываются на русском и английском языках.

Рисунки в электронном виде и подписи к ним создаются в черно-белом виде средствами Word или других программ [CorelDRAW, Visio, Adobe Illustrator, Excel (с предоставлением оригинала рисунка в электронном виде)]. Качество рисунков и фотографий (в форматах .jpg, .tif) должно быть не менее 300 dpi. На каждый рисунок и таблицу в тексте статьи необходимо дать ссылку. Каждый рисунок и таблица, если в статье их содержится более одного, должны быть пронумерованы (например: рис. 1, рис. 2, табл. 1, табл. 2).

Описание содержания рисунка, а также введенных на нем обозначений следует приводить в основном тексте статьи. Подпись под рисунком содержит его номер и название на русском и английском языках. Буквенные обозначения фрагментов рисунка ставятся под фрагментом перед нумерационным заголовком; в тексте ссылка на фрагмент ставится после нумерационного заголовка через запятую (например: рис. 1, a).

Структура научной статьи

Авторам рекомендуется придерживаться следующей структуры статьи:

- Заголовочная часть:
- УДК (выравнивание по левому краю);
- авторы (перечень авторов ф. и. о. автора(-ов) полностью, инициалы ставятся перед фамилиями, после каждого инициала точка и пробел; инициалы не отрываются от фамилии, если авторов несколько ф. и. о. разделяются запятыми);

- место работы каждого автора и почтовый адрес организации. Если авторы относятся к разным организациям, то после указания всех авторов из одной организации дается ее наименование, а затем приводятся список авторов, относящихся ко второй организации, наименование второй организации и т. д.;
 - название статьи;
 - аннотация 200–250 слов, характеризующих содержание статьи;
- ключевые слова 5-7 слов и/или словосочетаний, отражающих содержание статьи, разделенных запятыми;
 - текст статьи;
 - приложения (при наличии);
 - список литературы (библиографический список);
 - справка об авторах.

Англоязычная часть (по порядку расположения структурных элементов и оформлению соответствует русскоязычной части статьи):

- авторы (Authors);
- место работы каждого автора (Affiliation). Необходимо убедиться в корректном (согласно уставу организации) написании ее названия на английском языке. Перевод названия возможен лишь при отсутствии англоязычного названия в уставе. Если авторы относятся к разным организациям, то после указания всех авторов из одной организации дается ее наименование, затем приводятся список авторов, относящихся ко второй организации, наименование второй организации и т. д.;
 - название (Title);
 - аннотация (Abstract);
 - ключевые слова (Keywords);
 - список литературы (References);
 - справка об авторах.

Авторство и место в перечне авторов определяется договоренностью последних. При примерно равном авторском вкладе рекомендуется алфавитный порядок. Если авторов несколько, необходимо указать контактного автора по работе редакции со статьей.

Название статьи должно быть информативным, четко отражать ее содержание в нескольких словах. Хорошо сформулированное название – гарантия того, что работа привлечет читательский интерес. Следует помнить, что название работы прочтет гораздо больше людей, чем ее основную часть.

Аннотация представляет собой краткое описание содержания изложенного текста. Она должна отражать актуальность, постановку задачи, пути ее решения, результаты и выводы. Рекомендуется содержание аннотации представить в структурированной форме согласно структуре самой статьи: Введение (Introduction), Методология и источники (Methodology and sources), Результаты и обсуждение (Results and discussion), Заключение (Conclusion).

В аннотации не следует приводить ссылки и сноски, упоминать источники, использованные в работе, пересказывать содержание отдельных параграфов, упоминать цифры и формулы.

При написании аннотации необходимо соблюдать особый стиль изложения: избегать длинных и сложных предложений, излагать мысли максимально кратко и четко, составлять предложения только в настоящем времени и только от третьего лица.

В русскоязычном издании *Abstract* является для иностранных читателей основным и, как правило, единственным источником информации о содержании статьи и изложенных в

ней результатах исследований. Зарубежные специалисты по авторскому резюме оценивают публикацию, определяют свой интерес к работе российского ученого, могут использовать ее в своей публикации и сделать на нее ссылку, открыть дискуссию с автором, запросить полный текст и т. д. Текст резюме должен быть связным и информативным; целесообразно при написании резюме использовать Past Indefinite и Present Perfect Tenses. Рекомендуемый объем – 200–250 слов.

Ключевые слова – набор слов, отражающих содержание текста в терминах объекта, научной отрасли и методов исследования. Рекомендуемое количество ключевых слов/фраз – 5-7, количество слов внутри ключевой фразы – не более 3.

Текст статьы структурируется в определенной последовательности: Введение (Introduction), Методология и источники (Methodology and sources), Результаты и обсуждение (Results and discussion), Заключение (Conclusion).

При необходимости авторы могут вводить дополнительные разделы, например *Обзор литературы* и т. п.

Благодарности – выражается признательность коллегам, которые оказывали помощь в выполнении исследования или высказывали критические замечания в адрес статьи. Однако необходимо заручиться согласием тех, кого планируете поблагодарить.

Источник финансирования – указываются источники финансирования (гранты, совместные проекты и т. п.).

Соблюдение этических стандартов – раздел необходим в том случае, если проводились опыты с участием животных или людей. Подробнее: http://pleiades.online/ru/authors/guidlines/ethics-statements/

Конфликт интересов – авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи. Например: «Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов». Если конфликт интересов возможен, то необходимо пояснение (см. http://pleiades.online/ru/authors/guidlines/ethics-statements/)

Возможен раздел Информация о вкладе авторов (по желанию указывается, какая часть работы при подготовке и написании статьи выполнена конкретным автором).

Приложения – при их наличии.

Библиографический список включает:

- заголовок «Список литературы»;
- библиографическое описание источника с порядковым номером ссылки на него по тексту статьи, подряд начиная с первого, выполненное по ГОСТ Р 7.0.5–2008.

В ссылках на материалы конференций обязательно указание даты и места их проведения; при ссылках на статьи в сборниках статей обязательно приводятся номера страниц, содержащих данный материал. Во всех случаях, когда у цитируемого материала есть *цифровой идентификатор* Digital Object Identifier (DOI), его необходимо указывать в самом конце библиографической ссылки. Проверять наличие DOI статьи следует на сайте http://search.crossref.org/ или https://www.citethisforme.com.

References (стиль Harvard): для зарубежных баз данных приводится полностью отдельным блоком, повторяя список литературы к русскоязычной части, независимо от того, имеются или нет в нем иностранные источники. Если в списке литературы есть ссылки на иностранные публикации, то они полностью повторяются в списке, готовящемся в романском алфавите. В References совершенно недопустимо использовать российский ГОСТ 7.0.5-2008. Библиографический список представляется с переводом русскоязычных источников на латиницу. При этом применяется транслитерация по системе BSI 198

(см. http://ru.translit.net/?account=bsi). Онлайн-помощник оформления библиографии (только статьи из газет или журналов): http://publishing-vak.ru/clearance-bibliography.htm

Авторская справка содержит: фамилию, имя, отчество (полностью) автора, ученую степень (год присвоения), ученое звание (год присвоения), должность по основному месту работы; указывается количество научных публикаций автора; сфера научных интересов (несколько слов, словосочетаний); е-mail; контактный телефон. Также требуется включать идентификационный номер исследователя ORCID (Open Researcher and Contributor ID), который отображается как адрес вида http://orcid.org/xxxx-xxxx-xxxx. При этом важно, чтобы кабинет автора в ORCID был заполнен информацией об авторе, имел необходимые сведения о его образовании, карьере, публикациях.

Перечень основных тематических направлений журнала

```
Философия (по научным специальностям):
  09.00.01 – Онтология и теория познания;
  09.00.03 – История философии;
  09.00.04 – Эстетика;
  09.00.05 – Этика;
  09.00.07 – Логика:
  09.00.08 – Философия науки и техники;
  09.00.11 – Социальная философия;
  09.00.13 – Философская антропология, философия культуры;
  09.00.14 – Философия религии и религиоведение.
Социология (по научным специальностям):
  22.00.01 – Теория, методология и история социологии;
  22.00.04 – Социальная структура, социальные институты и процессы;
  22.00.05 – Политическая социология;
  22.00.06 – Социология культуры;
  22.00.08 – Социология управления.
Языкознание (по научным специальностям):
  10.02.04 – Германские языки;
  10.02.19 – Теория языка;
  10.02.21 – Прикладная и математическая лингвистика.
```

Рукописи печатаются бесплатно.

Технические вопросы можно выяснить, написав на адрес discourse@etu.ru

Редакторы: О. Н. Артунян, Н. В. Кузнецова, Е. А. Ушакова Компьютерная верстка И. А. Орловой Editors: O. N. Artunian, N. V. Kuznetsova, E. A. Ushakova DTP Professional I. A. Orlova

Подписано в печать 19.12.22. Формат 60 × 84 1/8. Бумага офсетная. Печать цифровая. Гарнитура «Times New Roman». Уч.-изд. л. 26.0. Печ. л. 25.0. Тираж 300 экз. (1-й завод 1–150 экз.). Заказ 173. Цена свободная.

Signed to print 19.12.22. Sheet size 60×84 1/8. Educational-ed. liter. 26.0. Conventional printed sheets 25.0. Number of copies 300. Printing plant 1–150 copies. Order no. 173. Free price.

Издательство СПбГЭТУ «ЛЭТИ» 197022, С.-Петербург, ул. Проф. Попова, 5Ф. Тел. / факс: +7 (812) 346-28-56

> ETU Publishing house 5F Professor Popov Str., St Petersburg 197022, Russia Tel./Fax: +7 (812) 346-28-56